

К 200-летию
Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 13

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*

Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*

Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*

Аликберов Алибер Калабекович

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич

Железняков Александр Сергеевич

Романова Наталья Геннадиевна

Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович

Алаев Леонид Борисович

Александров Юрий Георгиевич

Алпатов Владимир Михайлович

Белова Анна Григорьевна

Бурлак Светлана Анатольевна

Ванина Евгения Юрьевна

Васильев Дмитрий Дмитриевич

Воронцов Александр Валентинович

Десницкий Андрей Сергеевич

Другов Алексей Юрьевич

Захаров Антон Олегович

Звягельская Ирина Доновна

Каменев Сергей Наумович

Карасова Татьяна Анисимовна

Катасонова Елена Леонидовна

Кобзев Артем Игоревич

Кузнецов Василий Александрович

Любимов Юрий Васильевич

Мамедова Нина Михайловна

Микульский Дмитрий Валентинович

Мосяков Дмитрий Валентинович

Настич Владимир Нилович

Орлова Кеемя Владимира

Панарин Сергей Алексеевич

Плотников Николай Дмитриевич

Пригарина Наталья Ильинична

Сарабьев Алексей Викторович

Смагина Евгения Борисовна

Суворова Анна Ароновна

Шаляпина Зоя Михайловна

Шаумян Татьяна Львовна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 13

**ГОСУДАРСТВУ ИЗРАИЛЬ – 70
ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

Москва
2018

Ответственный редактор:

Д. А. Марьясис

Редакторы:

Т. А. Карасова, Т. В. Носенко

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 13: Государству Израиль – 70. Достижения и проблемы развития / Отв. ред. Д. А. Марьясис. – М.: ИВ РАН, 2018. – 244 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-857-4

Семидесятилетие Государства Израиль – страны, в создании и развитии которой велика роль выходцев из Российской империи/СССР/России – важный юбилей, нашедший своё отражение в работах сотрудников Отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН. Подготовленные к этой дате статьи и вошли в тематический выпуск издания «Труды Института востоковедения РАН». Часть статей посвящёна исследованию ключевых моментов в истории еврейского национального движения в догосударственный период: идеология сионизма; еврейская иммиграция; еврейско-арабские взаимоотношения; декларация Бальфура и её влияние на дальнейшее развитие событий в подмандатной Палестине. В некоторых материалах выпуска представлен анализ различных аспектов вопроса голосования в ноябре 1947 г. в ГА ООН по поводу будущего Палестины. Выпуск содержит статьи, посвященные влиянию итогов арабо-израильской войны 1967 г. на развитие Израиля, аналитические работы о современном положении еврейского государства в мире. Центральное место в выпуске занимает тема взаимоотношений Израиля с США как своим основным союзником.

СОДЕРЖАНИЕ

Карасова Т.А. Классический сионизм: традиции и новые задачи.....	9
Носенко-Штейн Е.Э. Трансформация концепции «кибуц галуйот»	25
Масюкова И.В. Еврейская иммиграция в подмандатную Палестину (1917–1939 гг.): надежды и реальность	32
Локшин А.Е. Российский официоз и общественность о Декларации Бальфура	46
Масюкова И.В. Британская политика по вопросу еврейской иммиграции в Палестину в 1945–1948 гг.....	62
Семенченко Н.А. Развитие концепции двунационального государства в догосударственный период	78
Карасова Т.А. Г. Трумэн и создание Государства Израиль	90
Носенко Т.В. Политика великих держав в отношении создания еврейского государства (1945–1948 гг.)	98
Якимова Е.А. Ревизия принципа двух государств: некоторые варианты решения палестинской проблемы.....	116
Федорченко А.В. Специфика экономической кооперации между Израилем и палестинскими территориями после Шестидневной войны.....	130
Марьисис Д.А. Особенности развития инновационной экономики Израиля после 1967 г.....	144
Носенко Т.В. Шестидневная война и интересы СССР	158
Семенченко Н.А. Размежевание в израильском обществе после Шестидневной войны.....	177

Якимова Е.А. Проблема соблюдения принципа двухпартийного консенсуса в отношении Израиля при администрации Д. Трампа	193
Хлебникова Л.Р. Противостояние произраильских лоббистских структур AIPAC и J street во время первой администрации Д. Трампа	205
Усова Е.Ю. Gender Equality Issues in the History of Israel's Domestic Politics and Foreign Policy: Golda Meir and Her Legacy in Israel's International Development Cooperation Policy	218

Т.А. Карасова

КЛАССИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Для многих еврейских националистов в конце XIX в. сионизм стал самым действенным орудием еврейского национализма после разочарования в том, что европейское Просвещение покончит с антисемитизмом, и провала попыток на базе идей эмансипации решить проблему взаимоотношений евреев с современным миром. Отцы-основатели «классического сионизма» (так называют поколение, основавшее Государство Израиль) ставили перед собой ряд задач универсального характера и задачи особые, присущие только Израилю. Создателем политического движения в сионизме считается, как уже говорилось ранее, Теодор Герцль. Он и его сторонники пришли к выводу, что искать решения еврейской проблемы на пути просвещения и интеграции евреев в другие общества бесполезно и потому необходимо создать еврейское государство, которое поставило бы евреев в один ряд с другими нациями, «нормализовало» бы их положение.

Для классического сионизма была характерна идея «синтеза», суммирования разных подходов к основным вопросам идеологии и политики. В политическом сионизме существовало и существует несколько направлений, неразрывно связанных с развитием основных течений внутри этого движения. К ним относились: сионистское течение либерального направления – так называемый общий сионизм; сионистское рабочее (трудовое, лейбористское) – движение социалистического толка; ревизионистское движение, находившееся на правом фланге сионизма, и религиозный сионизм.

Представители всех направлений в сионизме требовали «возрождения» утраченной политической единицы, своей государственности. Для этого они в рамках доктрины еврейского национализма в его сионистском варианте призывали к развитию (пробуждению) национального чувства или национального сознания у широких слоев еврейского населения. В то же время каждое из этих движений и партий внесло свой вклад в превращение сионистских идей в реальность.

Существовало три главных подхода к восстановлению независимости евреев: подход мириан (политический сионизм), подход ультраортодоксов (связанный с идеей прихода Мессии) и подход религиозных сионистов, веривших, что политический сионизм является частью Божественного плана. Религиозное сионистское течение, идеологом которого был раввин А. Кук, попыталось сочетать религиозное наследие с практической сионистской деятельностью.

Ревизионистами (идеолог В. Жаботинский) были сформулированы основные принципы активного еврейского национализма и ряд политических целей, не совпадавших с программными задачами идеологов других сионистских движений. Была разработана теория, сплавившая идеи так называемого интегрального национализма – течения, популярного в начале XX в., и концепцию «классического» сионизма Герцля о создании еврейского национального государства.

Главную роль в сионистском движении первой половины XX в. сыграло левое социалистическое (рабочее, лейбористское) течение, осуществлявшее практическое освоение Палестины. Программа «рабочих сионистов» по строительству национального еврейского очага в Палестине опиралась на солидный идеино-теоретический багаж первых теоретиков «рабочего» сионизма – Б. Борохова, А. Гордона, Н. Сыркина, и других. Лидеры «рабочего сионизма», возглавившие развитие еврейской общины в Палестине, подготовили основные предпосылки для создания будущего еврейского государства: социалистическое по своей основе кооперативное движение в сельском хозяйстве, созданный на основе профсоюза социалистического толка (Гистадрут)

еврейский пролетариат и социал-сионистские нормы общественной жизни.

Помимо множества первостепенных социально-политических и практических разногласий существовало несколько иных, но не менее принципиальных идейных различий, касавшихся характера и общественного устройства будущего еврейского государства. Значимой была проблема отношения будущего государства к исторической преемственности еврейского народа, которая включала вопросы отношения к еврейским традициям, религии, диаспоре и т. д. Перед политическим руководством иштува (еврейской общины в Палестине в догосударственный период) стоял вопрос об отношении к собственной истории: нужно ли порвать с «галутным» прошлым (с периодом рассеяния, изгнания) или, наоборот, придерживаться традиционной неразрывности в истории еврейского народа. У каждого идейного движения в сионизме был свой подход к этой проблеме.

Религиозные сионисты боролись за сохранение традиционных ценностей, но также при этом поддерживали практическую колонизацию Палестины. Они допускали некоторый разрыв с прошлым, но при этом настаивали, что будущее еврейского народа должно базироваться на традициях и религии. В свое время сионизм сознательно выделил из еврейской традиции определенные компоненты, которые соответствовали его целям. Как отмечала израильский историк и публицист Лея Коэн, сионизм провозгласил иудаизм «сутью национального существования, которому присущи социальные, культурные и духовные особенности, сложившиеся в историческом процессе. Тем самым сионизм вывел еврейскую самоидентификацию из области сугубо религиозной дефиниции. Религия воспринималась идеологами сионизма как элемент культурно-духовный, а не как вероисповедание, определяющее национальную принадлежность». Однако с годами взаимоотношения светского государства и религии постепенно менялись.

Ревизионисты мечтали о воспитании «нового еврея», освобожденного от своего прошлого. Рабочее движение тоже боролось за активную ориентацию на будущее, за создание новой политической и социальной реальности. Они призывали отойти

от традиций, связанных с проживанием в галуте, и построить «новую нацию» в новом государстве евреев. Напомним, что лидер рабочего движения и первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион и его последователи весьма негативно относились к еврейскому прошлому в диаспоре. Они боролись против так называемого еврейского идиша, еврейской неполноты и комплексов бесправного народа в изгнании. Вместе с тем Бен-Гурион и его соратники по рабочему движению четко осознавали всю практическую ценность традиционных еврейских символов, Библии и традиций, используя их в своих политических целях.

Трудной проблемой, стоявшей перед сионистами, было определение территориальных границ «еврейского очага», а впоследствии и еврейского государства. Составной частью этой проблемы был вопрос о взаимоотношениях еврейского населения и арабского большинства в Палестине. Долгое время, несмотря на растущую арабо-еврейскую напряженность, неформальное общение арабов и евреев в сфере торговли, в муниципальных советах, во время проведения ряда общественных мероприятий ослабляло потребность в официальном декларировании характера отношений, которые сионисты намеревались установить с арабами.

Сионисты собирались жить среди арабов, но они не интересовались, понимают их арабы или нет. Они думали, что важнее, чтобы в Вене или Париже кто-то знал, чего они желают. Более того, сионистские партии не удосужились ясно сформулировать свои цели даже для самих себя. Хотя они и признавали, что поиски компромиссного решения в Палестине – важная задача, их руководство не задумывалось о сближении с арабами. Рабочие партии в основном придерживались идеи создания в Палестине двух независимых государств – арабского и еврейского. Следуя этому подходу, лейбористское руководство ишува приняло план ООН о разделе Палестины на два государства.

Задачи, стоявшие перед сионистским руководством нового Государства Израиль

После создания Государства Израиль в мае 1948 г., выполнив свою задачу построения основ для «государства в пути», лидеры лейбористских партий Палестины возглавили руководство Государства Израиль. Интересно мнение российского исследователя М. Одесского о том, что «превращение малочисленной группы адептов “рабочего сионизма” в эффективную правящую партию сразу вызывает ассоциации с историей большевиков. Им также пришлось, обращая вспять ход времени, искать предшественников среди не всегда успешных деятелей мирового и российского социал-демократического движения, упорно пытаясь обнаружить в прошлом источники и образцы своих новейших нестандартных политических решений». Действительно, процесс создания и развития Государства Израиль оценивался сионистскими партиями, возглавившими правительство, как «перманентная еврейская революция». Израильский специалист по идеологии социал-сионизма Аллон Гал в свое время писал, что создание Государства Израиль дало деятелям рабочего сионизма уникальную возможность воплотить свои идеи на практике, так как «инфантально-левашкий еврейский социализм мог расцвести в различных частях мира», но победить и добиться успеха он смог только «в государстве, где евреи составляют большинство».

Сочетание самых разнообразных концепций от социалистических идей конца XIX – начала XX в. с включением еврейских традиций и идей еврейского Просвещения – Хаскала до программ воинствующего («активного») национализма и либеральных идей привело к возникновению уникальной комбинации идейных, интеллектуальных и культурных традиций в сионизме. Поливариантность и синтетический характер сионизма – различные идеологические направления, множественность партий, их представляющих, все это предопределило как мобильность и успехи в развитии Израиля, так и противоречия в этом развитии.

Идеологи сионизма, прежде всего социал-сионисты, относились к сионистскому движению как к национально-освободительному

движению еврейского народа. Процесс создания и развития Государства Израиль оценивался ими как «перманентная революция». Многие западные исследователи сионизма до сих пор расценивают его как истинно революционное движение еврейского народа. В трудах израильских и западных специалистов историческое развитие Израиля рассматривается сквозь призму двух исторических «революционных» поворотов в сионизме: первый – уже упоминавшаяся победа в догосударственный период течения трудового (рабочего) сионизма и его доминирование в государстве вплоть до 1977 г. Второй – поражение этого направления сионизма и выдвижение на передний план правого сионистского течения, уходящего своими корнями в ревизионизм.

Действительно, этот поворот во многом изменил не только политическую ситуацию в стране, но и духовные, идейные ценности государства, прежде всего сионизма. Поражению левого движения в сионизме и его лейбористских партий способствовали серьезные объективные причины – тенденции развития израильского общества. Начавшиеся процессы либерализации экономики (кстати, проводившиеся в жизнь сначала лейбористским блоком партий – Маарахом) закрепили в Израиле стереотипы новых социальных и политических отношений и способствовали «американизации» образа жизни, что отдало избирателей от левых социал-сионистских идей.

По тем же объективным причинам (индустриализация) снизилось значение сельскохозяйственного труда в экономике страны. Это привело к определенной девальвации социал-сионистского лозунга «возврата к земле» и самой идеи кибуцианского движения. Постепенно ослабевало влияние ветеранов-кибуцников в лейбористских партиях (МАПАЙ – ПТИ) и в израильском обществе в целом.

Неурегулированность арабо-израильского конфликта, нарастание противоречий, связанных с результатами войны 1967 г. и с проблемами оккупированных территорий, различие подходов к возможностям урегулирования, раскололи израильское общество, привели к обострению внутриполитических противоречий. Приход к власти Ликуда и оттеснение от нее лейбористов

были обусловлены усилением националистических настроений в обществе, что стало следствием войн и оккупации арабских территорий. Эти условия сформировали политические взгляды нового поколения израильян, ориентирующегося на более жесткие идеино-политические националистические установки, чем могла предложить традиционная программа левого социал-сионистского крыла. Большое значение для победы правого движения имели также изменение социальной и этнической структуры общества, нарастание недовольства израильян восточного происхождения дискриминационной политикой лейбористов и их симпатий по отношению к ашкеназийским евреям (выходцам из западных стран), использование этого недовольства руководством Ликуда в ходе своих предвыборных кампаний. Все это способствовало победе последнего.

Усилинию правого лагеря способствовали и перемены в религиозном лагере. Произошел постепенный отход религиозных сионистов и их Национально-религиозной партии – традиционного партнера по правительенным коалициям с лейбористами – от нейтральных позиций по внешнеполитическим вопросам и последовавшее за ним ее сближение с правым лагерем. Шло усиление влияния ультраортодоксии на израильское общество, усиление националистической составляющей в программах религиозных партий в целом, особенно с середины 1970-х гг., когда в результате трагических событий войны 1973 г. израильское общество впервые задумалось об уязвимости своей доктрины безопасности.

Именно тогда особую значимость для государственной идеологии приобрел религиозно-националистический компонент в сионизме. Для сохранения оккупированных территорий начала активно «работать» идея «исторического права» еврейского народа на всю библейскую территорию Эрец Исраэль, легшая в основу поселенческого движения. Национально-религиозный лагерь в настоящее время предполагает, что союз между сионизмом и иудаизмом должен быть описан как «религиозный сионизм», что, по сути, означает ревизию сионизма, т. е. формирование политики государства Израиль согласно религиозным критериям.

Параллельно идет усиление ортодоксальных кругов, стремящихся возвести иудаизм в ранг государственной религии и политики. Светская национальная культура подвергается атакам клерикальных кругов.

Сразу же после выборов 1977 г. руководство правого лагеря (Ликуда) направило свою пропагандистскую деятельность на полное отстранение левых сил (Маараха) от доминирования во всех сферах жизни израильского общества. Для этого необходимо было «реконструировать» историческую память о еще недавних годах строительства основ государства и убедить израильскую общественность, что решающую роль в создании государства сыграли не лейбористы, а именно ревизионисты – последователи Жаботинского. Идеологическая платформа Ликуда официально именовалась «наследием Жаботинского».

В настоящее время идет размывание как идеи рабочего сионизма, так и классического ревизионизма в духе Жаботинского. Традиционные идеологии постепенно лишаются своей социальной базы. На смену идеологическим проектам, ориентированным на перспективу, пришли сиюминутные интересы различных страт общества, которых удается объединить только благодаря харизме того или иного лидера.

Сионизм сегодня играет в основном роль демонстративного, мобилизационного фактора. Глава правого правительства Б. Нетаньяху, говоря о своих идейных основах, приводит два источника: Библию и труды Жаботинского. Блок левоцентристских партий на выборах 2015 г. назвал себя Сионистским лагерем, претендую на приверженность классическим идеалам сионизма, на «истинный» сионизм.

Эти резкие перемены в обществе не могли не сказаться на настроениях тех интеллектуалов, ученых, политиков, которые в течение долгого времени работали в условиях доминирования социал-сионистских доктрин. Так, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. стали развиваться идеи постсионизма. Причины возникновения этого течения сложны и многообразны, но многие специалисты, сторонники концепции «революционной» природы сионизма, считают, что появление постсионизма вызвано именно

поражением «первой сионистской социалистической революции», окончанием многолетнего правления социалистических рабочих партий и победой «второй революционной волны» – партий правой националистической и капиталистической ориентации. Это поражение левого лагеря сионизма привело к попыткам заново проанализировать весь исторический путь развития сионистской доктрины.

Однако причина не только в этом. Неудовлетворенность нового поколения представителей израильской научной мысли узкими идеологическими рамками сионизма, его понятийным аппаратом и набором классических идей об уникальности государства Израиль привела к появлению остро критического направления в израильском обществоведении. Большое влияние на развитие постсионизма оказал мирный процесс 1992–1996 гг., когда у власти стояла лейбористская партия Авода. Постсионисты начали с активной критики базовых основ сионизма.

Необходимо отметить, что появление политического сионизма с самого начала было воспринято неоднозначно. По свидетельству крупнейшего специалиста по истории сионизма В. Лакера, оппозиция сионизму стара, как сионизм. Сионистское движение критиковали с разных сторон: его осыпали упреками евреи и неевреи, «левые» и «правые», верующие и атеисты. Одни утверждали, что сионизм поставил перед собой неосуществимые цели, другие полагали, что осуществление этих целей нежелательно; трети же считали, что стремления сионизма одновременно и иллюзорны, и нежелательны.

Идеи постсионизма опирались на мнение некоторых израильских леворадикальных интеллектуалов, которых принято называть «новыми историками и социологами». Постсионисты утверждали, что сионизм выполнил свою главную идеологическую миссию: Государство Израиль уже создано, сионистская идеология должна уйти со сцены. Нации, которые в достаточной безопасности проживают в своих государствах, должны отказаться от «универсальных» национальных задач сионизма и ставить перед собой «нормальные» цели, такие как повышение уровня жизни и социального и культурного благосостояния населения.

Национальная идеология стала восприниматься многими еврейскими интеллектуалами как возможная точка опоры для широкомасштабной ревизии понимания еврейского прошлого. Некоторые постсионисты открыто называли себя антисионистами и считали, что «сионистский проект и сионистская концепции аморальны и должны быть пересмотрены».

Некоторые авторы с позиций «новой» морали и этики попытались пересмотреть опыт Холокоста. «Новый историк» Том Сегев, например, писал, что сионистское движение использовало Холокост для реализации политических замыслов и что лидеры еврейской общины Палестины расценивали уничтожение восточноевропейских евреев как историческую возможность для достижения сионистских целей. В современном Израиле, по мнению Т. Сегева, продолжается циничное использование Холокоста, так как это ужасное событие мыслится в терминах узкого еврейского партикуляризма, т. е. как уникальное еврейское явление, которое оправдывает все акции и укрепляет националистические настроения.

Атаки постсионистов на историю и политику Израиля, а также на сионизм и еврейский партикуляризм вызывают озабоченность у широких кругов общественности. Противники постсионистского подхода отрицают какой-либо положительный потенциал в их работах. Отсутствие научной доказательной базы исследований и однобокий подход приверженцев постсионизма к истории Израиля и развитию конфликта с точки зрения научного мейнстрима делают их доводы уязвимыми.

При анализе работ последователей концепций постсионизма нельзя не согласиться с мнением исследователя Т.В. Носенко о том, что методы анализа и формы аргументации странным образом напоминают методологические установки советских работ, посвященных вопросам сионизма. Действительно, как справедливо подчеркивает Носенко, в работах советских специалистов (в том числе и самого тогда еще молодого автора данной статьи) сионизм квалифицировался как буржуазное националистическое движение, направленное на колонизацию палестинских земель, а вспышки арабо-израильского конфликта – как однозначное проявление сионистской агрессии.

В наши дни интерес и острота дискуссии по проблематике, затронутой теоретиками постсионизма, существенно ослабли. Израильское общество, разочаровавшееся в возможностях реального продвижения мирного процесса в связи с широким размахом терроризма с палестинской стороны (прежде всего Хамаса), настроено сегодня гораздо консервативнее, чем в 1990-е гг. Израильяне меньше интересуются уже дискредитировавшими себя мирными программами и делают ставку на усиление националистической составляющей идеологической базы государства. Идеи постсионизма в Израиле становятся все менее привлекательными. На смену им приходят совсем иные тенденции. Антиподами леворадикального постсионизма выступают сегодня сторонники крайне правого направления.

Одним из таких крайне националистических течений является правофланговая фракция Ликуда. Еще в годы мирного процесса 1992–1996 гг. в рамках правого крыла «национального лагеря» было организовано поселенческое движение протеста За Арцейну (*Наша земля*). Новая поселенческая фракция в Ликуде вела непримиримую войну против соглашений с палестинцами, подписанных в Осло в 1993 г. Возглавили За Арцейну лидеры правого крыла партии Моше Фейглин и Шмуэль Сакет. Политическая цель движения – стать действенной альтернативой для «постеврейских» (постсионистских) процессов, «ведущих общество по маршруту Осло», и реализовать право еврейского народа на «неделимый Эрец Исраэль», т. е. аннексировать оккупированные территории Западного берега. Впоследствии, в 1998 г., на базе За Арцейну было создано движение «Еврейское руководство», до сих пор действующее в рамках партии Ликуд. Его лозунг – «придерживаться ценностей старого (классического. – Т. К.) сионизма и готовность реализовать их сегодня». В качестве идейной базы была взята военизированная ревизионистская программа, разработанная еще в период британского мандата В. Жаботинским. Активисты «Еврейского руководства» на этом основании заявляют, что настоящими сионистами являются именно они, а не нынешнее руководство Ликуда или иных партий. Возврат к идейным корням правого крыла сионистского движения

и претензии на идеологическую преемственность якобы позволяют им бороться за сионистские идеалы ревизионистов и в настоящее время требовать пересмотра важных ориентиров в политике Израиля – отмены норвежских соглашений с ООП. Относительно статуса еврейских поселений на контролируемых территориях Иудеи и Самарии (Западного берега) они выдвигают требование распространения на них израильского суверенитета и ускоренного развития поселенчества.

Сегодня эти идеи становятся весьма популярными не только у националистических организаций поселенцев, но и среди широких масс израильского населения. Позиции сторонников мирного процесса ослабеваются. Однако в полемике со своими правыми оппонентами у них есть мощный аргумент: какова альтернатива? Отсутствие четкой альтернативной идейной и политической программы, в том числе и по вопросам урегулирования, является слабым местом израильских крайне правых политиков. Поэтому фракция «Еврейское руководство» как сугубо правое идеологическое движение резко расходится с мейнстримом современной израильской политики.

В настоящее время сионизм по-прежнему служит объектом пристального интереса историков, социологов и политологов. Масштабные исторические изменения, произошедшие с еврейским народом, преобразовали историческую перспективу и изменили акценты в понимании его прошлого. С одной стороны, Израиль выполнил основную задачу политического сионизма – было создано еврейское государство, не только доказавшее свою жизнеспособность, но и способное к динамичному развитию. С другой стороны, исторические реалии развития Израиля выявили ряд нерешенных задач, поставленных отцами-основателями этого государства в рамках намеченного ими сионистского проекта. Перед ними стояли задачи универсального и особого характера.

Универсальные задачи создания сильного, экономически жизнеспособного демократического государства соседствовали с «особыми» национальными задачами. К ним относились: обеспечение еврейского характера государства посредством массовой абсорбции большого числа иммигрантов и обеспечение безопасности

в условиях быстро развивающегося арабо-израильского конфликта. Универсальные задачи в целом были выполнены. Особые тоже – сегодня в Израиле проживает большинство еврейского населения мира – больше, чем во всех странах еврейской diáspory вместе. Безопасность страны в основном обеспечена, однако ее возможно гарантировать только при условии урегулирования палестино-израильского конфликта и утверждения своего регионального статуса как органичной части Ближнего Востока.

Многие специалисты – последователи сионистской традиции, указывали на эти проблемы. Так, известный израильский ученый Ш. Авинери считает, что вряд ли можно говорить о выполнении основных целей «классического» сионизма. Во-первых, довольно большая часть еврейского народа все-таки не вернулась к Сиону, т. е. не пожелала иммигрировать в Израиль. Во-вторых, международный статус Израиля до сих пор далек от того, чтобы быть принятным всем международным сообществом. В-третьих, хотя израильские вооруженные силы успешно отражают военные атаки против Израиля, нельзя сказать, что в стране обеспечена безопасность ее граждан. И наконец, эта победоносная армия в очень большой степени зависит от внешней, в первую очередь, американской помощи. Таким образом, подчеркивает Ш. Авинери, «сионистская мечта о нормализации положения еврейского народа через достижение политического суверенитета так же иллюзорна в наши дни, как это было в день образования Государства Израиль». Иными словами, политический сионизм еще далек от решения всех задач, поставленных его основателями, и требуется долгий исторический путь для его дальнейшего развития.

Идеологические и культурные перемены, произошедшие в израильском обществе, постепенно расшатывают первозданную идеиную ориентацию поколения «отцов-основателей». Стиль жизни, ценности и мировоззрение современных израильтян изменились, лишь частично сохранив компоненты «классического» сионизма. История сионизма и развитие Государства Израиль, складывавшиеся на базе роста национального самосознания, подвержены влиянию меняющихся внутренних и внешних факторов, которые порой играют определяющую роль в оценке их

современной значимости. Поэтому «классические» нормы сионизма и их воплощение в действительности в последние десятилетия служат мишенью постоянных атак как справа, так и слева, атак со стороны различных сил общества, ратующих за альтернативные версии официальной идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Раввин Кук решительно выступил против традиционной религиозной концепции, утверждающей, что образ Святой Земли, Святого Иерусалима – «внешнее достояние» общины, средство для достижения общего единения и поддержания материального или даже духовного существования. По его мнению, оторванность евреев от Эрец-Израэль и жизнь в диаспоре накладывает отрицательный отпечаток на все заповеди и приводит к тому, что жизнь еврея за пределами своей страны ущербна и в конечном счете лишена святости. Поэтому необходимость возвращения следует рассматривать не как пожелание, которое сбудется лишь в дни Искупления, а как немедленное божественное веление, обращенное к каждому сыну Израиля. В своей книге «Орот» («Светочи») раввин Кук писал: «Никто из сынов Израиля не может быть предан и верен своим мыслям, помыслам и идеям и представлениям за пределами Страны». Лозунг Кука – я, «Народ, Тора и Страна Израиля – едины!» Причем имеется в виду не абстрактная страна, не небесный Иерусалим, а реальный Израиль в Палестине, которому придается религиозное значение. См.: Полонский П. Рав. Авраам-Ицхак Кук. Личность и судьба. Иерусалим: Маханаим, Орот, 2006; rakoogu.pressbook./com
2. Ревизионистское движение во главе с З. Жаботинским, представленное Союзом сионистов-ревизионистов, выступало за создание еврейского государства на всей территории Палестины. Ревизионисты считали себя единственными истинными наследниками традиции Герцля в политическом сионизме в отличие от официального руководства ВСО, которое, по мнению ревизионистов, из-за бесконечных уступок британским властям отклонилось от первоначальной цели создания независимого еврейского государства. Авинери Ш. Жаботинский // Иерусалим. 2004. № 5765. С. 12; Aviner Sh. The Making of Modern Zionism. The Intellectual Origins of the Jewish State. N.Y. 1981. P. 149. Карасова Т.А. Блок МААРАХ в партийно-политической системе Израиля. М.: Наука, 1988. С. 19–24.
3. Теоретики «рабочего» сионизма (или социал-сионизма) обосновали идею о том, что именно в Палестине можно создать «новое справедливое общество, так как только там можно создать еврейское крестьянство и еврейский рабочий класс». Борохов призывал создавать еврейский пролетариат и социалистическую экономику; Н. Сыркин обосновал программу «конструктивного социализма», предусматривавшую создание в Палестине «социалистического общества» посредством «рабочей колонизации» и развития крупных

еврейских сельскохозяйственных поселений – киббуцев, построенных на социалистических кооперативных принципах на земле, которая должна была стать общественной собственностью. Идея «прикрепления евреев к земле» была разработана и практически воплощена под руководством А. Гордона, соединившего «реальный социализм» Б. Борохова с «конструктивизмом» Н. Сыркина. Гордон сформулировал необходимость создания кооперативного государства, некоего аграрного, кооперативного сообщества, что позволит создать «новый еврейский народ». Концепция «религия труда» была развита в работе Гордона «Труд» и по существу стала программой киббуцианского движения. Гордон впервые сформулировал доктрину палестиноцентризма (в дальнейшем израилецентризма) в международном сионизме. Он настаивал на том, что в Палестине создается новый, воссозданный еврейский народ, а не колония еврейской diáspоры. См.: Avinery Sh. The Making of Modern Zionism. The Intellectual Origins of the Jewish State. P. 189; Borohov B. Our Platform // Zionist Idea / ed. A. Herzberg. N.Y. P. 75, 131–132; Medding P. Mapai in Israel. Cambridge, 1974. P. 416.

4. Карасова Т.А. Эволюция основных идеино-политических установок сионизма в Израиле // Восток. 2010. № 6. С. 73.
5. Коэн Л. Сионизм, Израиль и мировое еврейство // Общество и политика современного Израиля / ред А.Д. Эпштейн, А.В. Федорченко. М.: Гешарим. 2002. С. 68.
6. Avinery Sh. The Making of Modern Zionism. The Intellectual Origins of the Jewish State. P. 45.
7. Одесский М. Антиномии «рабочего сионизма», <https://lechaim.ru/ARHIV/193/odesskiy.htm>
8. Gal A. Socialist-zionism. Theory and Issues in Contemporary Jewish Nationalism. Cambridge, Massachusetts, 1973. P. 145.
9. Avinery Sh. The Making of Modern Zionism. The Intellectual Origins of the Jewish State. P. 221.
10. Adelman J. The Rise of Israel. A History of a Revolutionary State // New Essays on Zionism. Jerusalem; N.Y., 2007. P. 127–141.
11. На протяжении первых десятилетий существования израильского государства – с 1948 по 1977 г. – доминировал социалистический сионизм (лево-сионистская партия МАПАЙ и ее блоки (МАИ и Маарах, а затем Партия труда – Авода); с 1977 по 1992 г. – с короткими периодами правления правительства «национального единства» (1984–1988 и 1988–1990) – во главе страны стояли сионисты «правого национального лагеря» (правил блок Ликуд). Затем последовали годы, когда два главных течения, представленные своими блоками партий, поочередно сменяли друг друга: в 1992–1996 гг. у руководства страной стояла Партия труда – Авода, ей на смену к власти пришел Ликуд (1996–1999); его вновь сменила коалиция, возглавляемая Аводой (1999–2002); затем последовали два правительства Ликуда во главе с Шароном (2002–2006); в 2006 г. новая партия Кадима, основанная Шароном, взяла власть в свои руки, но уже в 2009 г. в результате выборов правительственная коалиция вновь стала возглавляться Ликудом. См. подробнее: Карасова Т.А. Политические партии и становление политических

- институтов «государства в пути». Ч. II // Государство Израиль (соавт. Звягельская И.Д., Федорченко А.В.). М.: Институт востоковедения РАН, 2005. Она же. Эволюция основных идеино-политических установок сионизма в Израиле. С. 69–78.
12. Карасова Т.А. Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М.: Наталис, 2009. С. 84.
 13. Носенко Т.В. Дискуссия в израильском обществоведении по вопросам национального строительства // Проблемы национального строительства на Ближнем Востоке (опыт Государства Израиль и Палестинской национальной администрации). Материалы международной конференции. Россия. Москва, 26 мая 2008 г. М.: МГИМО(У). 2009. С. 36–37.
 14. К наиболее известным работам постсионистов относятся: Evron D. Jewish State or Israeli Nation? Bloomington: Indiana University Press, 1995; Flapan Simha. The Birth of Israel. N.Y.: Pantheon, 1984; Ilan Pappé. Britain and the Arab-Israeli Conflict, 1948–1951. N.Y.: Macmillan, 1988; Kimerling D. The Invention and Decline of Israeliness. L., 2005; Pappé Ilan. Post Zionist Critique on Israel and the Palestinians. P. 1: The Academic Debate, Journal of Palestine Studies, Winter 1997; Ram Uri. The Colonization Perspective in Israel Sociology. In: The Israel/Palestine Question. A Reader. Ed. By Ilan Pappe.//Routledge. 1999; Segev Tom. The Seventh Million. The Israelis and the Holocaust. N.Y.: Hill and Wang publishers, 1994; Shafir Gershion. Zionism and Colonialism: a Comparative Approach. In: The Israel/Palestine Question. A Reader. Ed. Ilan Pappe. Routledge, 1999.
 15. Лакер В. История сионизма / пер. с англ. А. Блейз, О. Блейз. М.: Кронпрес, 2000. С. 550.
 16. Барталь И. Еврейский национализм: выдумка или аксиома? // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5. С. 163–178.
 17. Pappé Ilan. Post Zionist Critique on Israel and the Palestinians. P. 30.
 18. Segev Tom. The Seventh Million. P. 98.
 19. Носенко, Указ. Соч., 2009, с. 43.
 20. Фейглин М. За Арцейну. 16.03.2003 // Лехатхила. № 93 / rjews.net/maof.
 21. Там же.
 22. Avinery Sh. The Making of Modern Zionism. The Intellectual Origins of the Jewish State. P. 217.

Е. Э. Носенко-Штейн

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «КИБУЦ ГАЛУЙОТ»

В научной литературе существуют различные подходы и определения такого явления, как диаспора. Вокруг самого понятия ведутся дискуссии¹. Диаспорой нередко считают некий отдельившийся в силу разных причин «кусок» «этнического материка» (а также нации, реже религиозной общности, например, сейчас пишут о «мусульманской диаспоре»), сохраняющий его основные характеристики. Выделяют исторические или классические диаспоры (еврейскую, армянскую, греческую), новые диаспоры (например, китайскую, вьетнамскую); трудовую диаспору (последнюю трудно отличить от сообществ трудовых мигрантов). Иными словами, диаспорами нередко называют и любые группы мигрантов, будь то беженцы, перемещенные лица, трудовые мигранты и т. п., обладающие «менталитетом диаспоры»². Термин «диаспора» широко используют не только ученые, но также публицисты и политики, часто не вполне понимая значения дефиниции³. Подобное жонглирование термином привело к тому, что некоторые исследователи предлагают считать диаспорами только классические диаспоры, а всех остальных этническими меньшинствами или этнодисперсными группами. Однако все больше исследователей склоняются к мысли, что одними из ключевых признаков диаспор являются коллективная идентичность (включая идентификацию со страной происхождения и надежду на реальное или мнимое возвращение) и коллективная память. Эти идеи лежат в основе мифа о стране исхода как об «исторической/духовной» родине и поддерживают групповую солидарность⁴.

Несмотря на всю разницу в подходах и определениях, евреев, живущих за пределами Государства Израиль, а до его образования за пределами древнего этнического очага (Эрец Исраэль / Палестину), называют «диаспорой». Большинство ученых, за исключением тех из них, кто стоит на крайне левых (как Ш. Занд и Р. Коэн) и крайне правых, в том числе антисионистских и антисемитских позициях), сходится в том, что именно европейская диаспора принадлежит к числу классических. Некоторые авторы называют ее парадигматической; высказывается даже точка зрения, что только европейская диаспора «достойна» быть обозначенной как диаспора. Это понимание очень распространено и среди ученых, пишущих о современном еврействе, особенно в Израиле.

В европейской (точнее, иудейской) традиции в течение более 2 тысяч лет евреи, живущие за пределами утраченного национального и этнического очага, рассматривались как живущие не просто в диаспоре (рассеянии), но в изгнании (*галуте*). Концепция изгнания-галута возникла еще во время Вавилонского пленения. Впоследствии на протяжении длительного времени она определяла отношение как к «метрополии» (земле Сиона), так и галуту, который понимался как коллективное наказание за коллективные грехи. В результате в европейской традиции сложились характерные для классического диаспорного сознания мифология утраченного дома, а также мифология возвращения. Последняя понималась как собирание изгнанных – *кибуц галутом*. Подобный нарратив о Земле Израиля как о Земле Обетованной, но утраченной в качестве божественной кары сложился в русле религиозной парадигмы, преобладавшей в течение почти 2 тысяч лет. Мифология утраченной родины и возвращения играла огромную роль в поддержке групповой солидарности и формировании групповой идентичности. Известный израильский ученый Р. Патаи писал, что проживавшие в разных странах евреи не представляли собой ни языкового, ни расового, ни географического единства, но их объединяла религиозная традиция, единая на огромных пространствах от Марокко до Индии⁵. В этой традиции нарратив о Земле Обетованной и галуте занимал одно из ключевых мест.

Ситуация начала меняться в конце XVIII в. в Западной Европе, когда в процессе эмансипации евреев стали рассматривать (и они стали рассматривать себя) как полноправных граждан того или иного государства (французы/немцы закона Моисеева, потом веры Моисеевой). Это нередко приводило к ослаблению групповой идентичности и мифологии утраченной родины предков.

Однако именно эта традиция наряду с политической ситуацией в Европе (включая возникновение политического и расового антисемитизма) в значительной мере повлияла на различные течения сионизма, своеобразно преломившись в его светском варианте. Она нашла отражение во многих основополагающих документах сионистского движения, например, в Базельской программе, принятой на Первом сионистском конгрессе (1897). Среди ее пунктов были: содействие поселению в Палестине евреев-земледельцев, ремесленников и рабочих; организация и объединение всего еврейства; укрепление и развитие, как тогда выражались, «еврейского национального чувства».

Собирание изгнанников в качестве одной из главных целей сионизма было подтверждено впоследствии, после образования Государства Израиль, на 21 Сионистском конгрессе (Иерусалим, 1951). Тогда была принята новая программа, позднее получившая название Иерусалимской. В ней, в частности, говорилось, что целью сионизма является укрепление Государства Израиль, собирание изгнанных (кибуц галуйот, ивр.), а также забота о единстве еврейского народа. В новой программе, принятой 27 Сионистским конгрессом (Иерусалим, 1968), подчеркивалось, что одна из главных задач сионистского движения – способствовать депатриации евреев из всех стран.

Иными словами, лидеры сионистского движения, а затем и лидеры Государства Израиль постоянно руководствовались доктриной кибуц галуйот в политической деятельности. В этой доктрине мечта о возвращении трансформировалась в идею собирания живущих в диаспоре-галуте евреев и создания национального государства (в религиозном сионизме собирание изгнанных понимается совершенно иначе; рассмотрение отношения религиозных

сионистов к возвращению, Государству Израиль и т. п. не входит в задачу этого исследования).

Израиль всячески поощрял иммиграцию евреев из других стран, которая рассматривалась как репатриация (*алия*). Доктрина кибуц галуйот оправдала себя в первые годы существования еврейского государства. Огромные усилия были предприняты в конце 1940-х – начале 1960-х гг., чтобы «вернуть» значительные группы евреев, прежде всего из тех регионов, где у евреев преобладала религиозно-общинная идентичность: из мусульманских стран Магриба, Ближнего и Среднего Востока, а также из Болгарии и др. Это привело к тому, что в большинстве стран этого региона остались очень незначительные группы евреев. Задаче «собирания изгнанных» служили также операции «Моисей» и «Соломон» (1984 и 1991 соответственно), направленные на «репатриацию фалашей» (черных евреев Эфиопии). Беспрецедентными по размаху были также усилия по организации массовой репатриации советских евреев в начале 1970-х гг. и особенно в 1989–1991 гг. (и позднее).

Если иммиграция 1970-х гг. в определенной степени соответствовала концепции кибуц галуйот (т. е. многие приехавшие в Государство Израиль евреи действительно стремились «вернуться на землю предков»), то «большая алия» была иной по своему характеру. Большинство исследователей сходится в том, что люди ехали не «в» (в том числе в «землю Обетованную»), а уезжали «из», т. е. их отъезд был обусловлен политической и экономической ситуацией в странах исхода)⁶.

Но доктрина кибуц галуйот начала «давать сбои» еще раньше, когда речь зашла о странах, где еврейская идентичность была диверсифицирована и значительно секуляризована (Западная Европа, США, Канада и др.), где заметны антисионистские настроения. Именно это сказалось на характере «большой алии» из бывшего СССР, где преобладает этническая еврейская самоидентификация.

В современном мире существует значительная вариативность еврейской идентичности и самоидентификации. Более того, даже в пределах одной страны не существует единой еврейской

идентичности, не говоря уже о прежней идентификации евреи = иудей. Однако существуют и общие тенденции, о которых пишут специалисты: в их числе углубляющаяся секуляризация и продолжающая этнизация еврейской идентичности⁷. Другая тенденция – снижение роли Государства Израиль в еврейской идентичности во многих странах, что находит свое отражение в резком сокращении иммиграционного потока и по существу его исчерпанности (если не возникнут чрезвычайные политические обстоятельства).

Это и многое другое позволяет говорить о том, что в настоящее время совершенно неправомерно говорить о евреях, живущих за пределами Государства Израиль, как о классической еврейской и тем более израильской диаспоре. Их логично рассматривать как этнические, конфессиональные или этноконфессиональные группы в пределах того или иного государства. Возникают и новые типы расселения, сообществ, связей. В их числе «постсионистская» израильская диаспора во многих странах, насчитывающая десятки тысяч человек⁸. Это и транснациональное сообщество бывших советских евреев, существующее в «поле» русского языка. Особая группа – современное еврейство Германии, «возродившееся» за счет постсоветской иммиграции, а также постсоветские еврейские иммигранты в США, Канаде и некоторых других странах. Более того, большие группы евреев (условно называемые общинами) в США, Западной Европе, Латинской Америке и др. тоже обнаруживают все меньше признаков классической еврейской диаспоры.

В то же время большинство ключевых понятий, определяющих классическую диаспору, применимо для русскоязычных граждан Государства Израиль вне зависимости от их этнической принадлежности. Поскольку среди них немало неевреев, а также потомков смешанных браков, то их можно считать постсоветской русскоязычной диаспорой.

Тем не менее, как я уже отметила, обычно все эти разнородные группы продолжают называть диаспорой. Это не только отсутствие четких definicij в ряде академических штудий. По ряду причин подобные определения удобны и некоторым еврейским

функционерам, претендующим на представительство «еврейской диаспоры» во многих государствах.

В целом явно сакрализированная идея возвращения изгнанных утратила свои позиции. В современном мире мы наблюдаем разнонаправленные процессы, включая «взрывы этничности», конфессиональные «ренессансы», конструирование новых наций. Они не обошли стороной и евреев, живущих в разных странах.

Иными словами, в современном мире мы наблюдаем значительное разнообразие не только еврейских идентичностей, но и типов расселения и проживания. Характерные в прошлом отношения «центр – периферия» (Земля Сиона – галут) кардинально изменились. Образно говоря, мы наблюдаем вполне постмодернистскую модель «шведского стола», откуда люди еврейского происхождения большинства стран могут выбирать то, что им подходит в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дискуссии по вопросам диаспор постоянно велись на страницах одноименного журнала. О некоторых понятиях, например, см.: Попков В. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 5–22; Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Там же. 2003. № 4. С. 162–164; Сафран У. Сравнительный анализ диаспор (размышление о книге Роберта Коэна «Мировые диаспоры») // Там же. 2004. № 4. С. 138–162.
2. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: ИВ РАН; Крафт+, 2001.
3. Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 160–183.
4. Более подробный обзор литературы и подходов см.: Носенко-Штейн Е.Э. Евреи в современном мире: диасpora, конфессиональное меньшинство, этническая группа? // Культура и политика. М.: ИВ РАН, 2017 г.
5. Patai R., Patai J. The Myth of Jewish Race. N.Y.: Scribner, 1975.
6. Fialkova L., Yelenevskaya M. Ex-Soviets in Israel. From Personal Narratives to a Group Portrait. Raphael Patai Series in Jewish Folklore and Anthropology. Detroit: Wayne State University Press, 2007; Remennick L. Russian Jews on Three Continents. Identity, Integration and Conflict. New Brunswick (USA.) and London (UK): Transaction Publishers, 2007.

Трансформация концепции «кибуц галуйот»

7. Например, работа известного ученого Цви Гительмана носит характерное название: Gitelman Z. Religiosity or Ethnicity? Evolution of Jewish Identity. N.Y., 2009.
8. Эпштейн А. Диаспора еврейская и диаспора израильская // Лехаим. 2008. 1(189), <http://www.lechaim.ru/ARHIV/189/epshteyn.htm> (дата обращения 01.06.2017).

И. В. Масюкова

ЕВРЕЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В ПОДМАНДАТНУЮ ПАЛЕСТИНУ (1917–1939 ГГ.): НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Еврейская иммиграция в Палестину между двумя мировыми войнами проходила в контексте сложных исторических событий как в Палестине, так и на всем Ближнем Востоке. Если в середине XIX в. в Палестине насчитывалось немногим более 10 тыс. евреев, приехавших в основном по религиозным мотивам на постоянное жительство из Европы, то после создания Всемирной сионистской организации (ВСО) в 1897 г. все усилия и устремления сионистов были направлены на создание «еврейского национального очага», превращение его в дальнейшем в еврейское государство.

Один из соратников основателя ВСО Т. Герцля – Дэвид Тришт в 1899 г. писал ему о далеко идущих планах многих сионистов в отношении границ будущего еврейского государства: «Я бы предложил Вам обратиться со временем к программе великой Палестины... Базельская программа должна содержать слова “великая Палестина” или “Палестина и соседствующие с ней земли”... так как невозможно привлечь десять миллионов евреев на землю площадью в 25 тысяч квадратных километров»¹.

В дальнейшем в 1919 г. сионистская делегация на мирной конференции в Париже предложила план еврейского государства, границы которого охватывали бы территории не только собственно Палестины, но и соседних с ней арабских государств².

«Еврейский национальный очаг» и иммиграция в Палестину. Белая книга 1922 г.

В начале XX в. Великобритания, стремясь обойти союзников и укрепить свои позиции, поддерживала и использовала в своих целях притязания сионистов на Палестину. В январе 1915 г. в Англии был опубликован официальный меморандум «Будущее Палестины», поддерживавший еврейскую иммиграцию под покровительством британцев³. Незадолго до Декларации Бальфура Х. Вейцман представил М. Сайксу (главному советнику британского правительства по ближневосточным делам) документ под названием «План программы для еврейского возрождения Палестины в соответствии со стремлением сионистского движения» с подробным изложением намерений сионистов⁴. Декларация Бальфура (2 ноября 1917 г.) – политический документ, обещавший сионистам возможность приступить к осуществлению своих планов. В своем письме, адресованном вице-президенту Сионистской федерации Великобритании барону У. Ротшильду, министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур выражал готовность поддержать создание в Палестине «национального очага для еврейского народа»⁵. В Декларации Бальфура подчеркивалось, что «правительство Его Величества относится благосклонно к установлению в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для быстрейшего завершения этой цели...»⁶.

В 1918 г. Декларация Бальфура была признана Францией, Италией и США, 25 апреля 1920 г. Верховный Совет союзных держав на конференции в Сан-Ремо передал Палестину под опеку Великобритании. 24 июля 1922 г. Лига Наций, одобрав это решение, предоставила мандат на Палестину, вступивший в силу в сентябре 1923 г. В одном из положений Мандата подчеркивалась необходимость Великобритании взять на себя ответственность за проведение в жизнь Декларации Бальфура и создание «таких политических, административных и экономических условий, которые обеспечат образование еврейского национального очага» в Палестине и будут содействовать еврейской иммиграции.

Создание еврейского национального очага требовало масштабного увеличения численности еврейской общины, которая во время Первой мировой войны насчитывала от 50 тыс. до 60 тыс. человек (6–8%) по сравнению с подавляющим арабским населением Палестины, составлявшим от 91% до 93%⁷. Проблема еврейской иммиграции в Палестину постоянно находилась в центре внимания сионистского руководства. Один из лидеров сионизма Владимир (Зеев) Жаботинский в 1920 г. подчеркивал, что «...неограниченная иммиграция должна стать последним шагом на пути превращения всей Палестины и Трансиордании в еврейское государство»⁸. В своих статьях и выступлениях в 1926 г. В. Жаботинский настойчиво призывал к созданию еврейского большинства в Палестине – к востоку и западу от реки Иордан, пророчески предсказывая, что «...концом еврейского народа в рассеянии будет Варфоломеевская ночь и единственное спасение – всеобщая репатриация в Эрец-Исраэль»⁹.

В дальнейшем наряду с требованиями скорейшей иммиграции в высказываниях В. Жаботинского и его соратников звучала тревога и ощущение трагического конца европейского еврейства. Накануне прихода Гитлера к власти в 1932 г. на пятой конференции ревизионистской партии В. Жаботинский в очередной раз заявил о необходимости скорейшей иммиграции нескольких миллионов евреев из Восточной Европы и создания в Эрец-Исраэле еврейского государства¹⁰. Дальнейшее теоретическое развитие идеи еврейской иммиграции нашло воплощение в «Десятилетнем плане» В. Жаботинского, представленном в 1935 г. на учредительном съезде Новой сионистской организации (НСО). В соответствии с планом предполагалось переселение в Палестину как можно большего числа евреев и в течение десяти лет завершение всего «исхода»¹¹.

Определяя теоретические и практические методы колонизации Палестины на XII сионистском конгрессе (1921), один из ведущих идеологов сионизма Менахем Усышкин подчеркивал: «Если мы будем переселяться постоянно в Палестину десятками, сотнями, тысячами, сотнями тысяч, то арабский вопрос будет решен сам собой»¹². В соответствии с этим лидеры

сионизма с первых шагов своей деятельности требовали от британских властей отказаться от системы установления ежегодных квот на въезд евреев и разрешить неограниченную иммиграцию.

3 июня 1921 г. Верховный комиссар Палестины Г. Самуэль дал первую официальную интерпретацию термина «еврейский национальный очаг»: «Значение декларации Бальфура заключается в том, чтобы рассеянные по всему миру евреи... смогли прибыть в Палестину, дабы содействовать ее процветанию на благо всех ее жителей», и при этом он подчеркнул, что еврейская иммиграция «будет приведена в соответствие с экономическими возможностями Палестины»¹³.

Мандатные власти стремились поощрять иммиграцию состоятельных евреев, будучи заинтересованы в притоке в страну капитала, необходимого для развития инфраструктуры, строительства портов, дорог, коммуникаций и т. д. В начале 1920-х гг., по мнению российских исследователей, богатые евреи не спешили в слаборазвитую Палестину почти без природных богатств, с узкой сферой приложения капиталов, и из въехавших с сентября 1920 до середины 1921 г. 9625 иммигрантов подавляющее большинство составляли бедняки из Польши, Румынии, Литвы, Германии и других стран, наиболее пострадавших в Первой мировой войне¹⁴.

Верховный комиссар Палестины Г. Самуэль практически всю деятельность по привлечению евреев и их размещению передал в ведение Иммиграционного отдела Ерейского Агентства (EA). Вместе с тем по его распоряжению в этот период чиновники из иммиграционного отдела британской администрации посетили Константинополь, Триест, Будапешт, Варшаву, Берлин и другие города (координируя свои действия с местными отделениями ВСО и британскими консульствами) с целью «не допустить проникновения в Палестину большевиков и других экстремистских элементов»¹⁵.

В мае 1921 г. была уточнена схема иммиграции. Первоочередное право на въезд предоставлялось лицам, имевшим разрешения от ВСО (их ежегодно было около 80%), остальные иммигранты, не имевшие разрешения, были разделены на семь категорий,

начиная от путешественников (с правом пребывания в Палестине не более 3 месяцев) и кончая теми, кто видел спасение на Земле обетованной от религиозных преследований у себя на родине¹⁶.

Еврейская иммиграция имела не только политический и идеологический характер, но также веские экономические основания. Многие еврейские трудящиеся, иммигрировавшие в Палестину, были далеки от сионизма и весьма смутно представляли его содержание. До 1924 г. основной поток европейской иммиграции из Европы направлялся в США: с 1919 по 1924 г. в США переселились 240 тыс. евреев, в Палестину – всего 35 тыс., в основном малоимущие евреи¹⁷. В течение последних четырех месяцев 1920 г. в страну въехали 5514 евреев, в 1921 г. – 9149, в 1922 г. – 7844, в 1923 г. – 7426, в результате иммиграции число палестинских евреев увеличилось с 55 тыс. в 1919 до 84 тыс. человек в 1922 г.¹⁸

В 1924 г. США закрыли въезд для евреев, что вызвало резкий рост иммиграции в Палестину (в основном из Польши и СССР): в 1924 г. – 12856, в 1925 г. – 3380¹⁹. Всего за 1924–1926 гг. приехали 60 тыс. евреев, при этом возрастало число состоятельных людей с финансовыми возможностями²⁰. Сионистская организация и мандатные власти были заинтересованы в притоке в страну капитала и облегчали въезд обладателям капитала в размере не менее 500 палест. фунтов – достаточной суммы для начала промышленной или коммерческой деятельности. Лица этой категории условно назывались «первым классом» и их приезд не ограничивался в отличие от малоимущих евреев²¹.

Финансовые вложения еврейского капитала, предназначавшиеся в основном для развития сельского хозяйства, сопровождались интенсивным приобретением арабских земель. В результате скопки арабских наделов, усиления конкуренции в торговле и промышленности происходило ухудшение положения арабского населения. В результате нараставшее обострение арабо-еврейских отношений привело к серьезным столкновениям в Иерусалиме весной 1920 г. (несколько сот человек было убито и ранено) и к арабскому восстанию в 1921 г., жестоко подавленному английскими властями²².

Сложившаяся обстановка требовала от мандатных властей гибкой политики лавирования между еврейской и арабской общинами. В 1922 г. правительство Великобритании представило так называемую Белую книгу (меморандум У. Черчилля), в которой говорилось о критерии «экономической емкости», ограничивавшем еврейскую иммиграцию. По мнению авторов Белой книги 1922 г.: «Иммиграция не может быть слишком большой, так как страна не в состоянии принять много переселенцев, исходя из своих экономических возможностей. Важно дать гарантию того, что новые иммигранты не станут обузой для населения Палестины и не создадут конкуренцию в какой-либо области трудовой деятельности»²³.

В 1922 г. правительство Великобритании опубликовало первую так называемую Белую книгу, подтверждавшую неизменную поддержку Декларации Бальфура, которая «не подлежит пересмотру». В Белой книге подчеркивалась необходимость упрочить «...существование еврейского национального очага в Палестине международными гарантиями и официальным признанием», а также способствовать увеличению еврейской общины путем иммиграции, «масштабы которой не должны превышать пределы, соответствующие экономическим возможностям страны»²⁴. Вместе с тем в этот период Англия стремилась по-новому расставить акценты, снизить напряжение и недовольство арабского населения мандатной политикой. В Белой книге (1922), идя на уступки арабам, правящие круги Великобритании отчасти дистанцировались от безоговорочной поддержки сионистского курса. «Правительство Его Величества не имеет в виду создание целиком еврейской Палестины», – указывалось в Белой книге (1922) и основной целью является «...не создание еврейского государства в Палестине, а создание еврейского очага (как подразумевалось в Декларации Бальфура. – И. М.)... на части территории Палестины»²⁵.

Проблемы еврейской иммиграции постоянно находились в центре внимания британской администрации. В 1925 г. был принят и опубликован (без консультаций с арабами) иммиграционный закон, в котором детализировались основные четыре

категории иммигрантов («А», «В», «С», «Д»), в каждой из которых имелись дополнительные подразделы. В зависимости от финансового состояния въезжавших в страну привилегированными являлись иммигранты, входившие в категорию «А» с капиталом не менее 500 палест. фунтов (позднее эта сумма увеличилась до 1000 палест. фунтов). В категорию «В» входили иммигранты не старше 60 лет; лица, подвергшиеся религиозным гонениям; студенты, желавшие получить образование в Палестине и т. д.²⁶

Помимо финансовых ограничений, иммиграционный закон 1925 г. обязывал всех прибывающих проходить медицинскую комиссию, так как не разрешался въезд больным эпилепсией, проказой, сифилисом, открытой формой туберкулеза и другими инфекционными болезнями, «представляющими опасность для здоровья населения». Все иммигранты должны были заполнить подробные анкеты иммиграционного департамента, чтобы получить разрешение на въезд, которое прежде всего предоставлялось лицам с рекомендациями Еврейского Агентства (ЕА)²⁷. Несмотря на многочисленные трудности пребывания в Палестине в этот период (изнуряющий климат, отсутствие жилья и элементарных бытовых условий, неквалифицированная тяжелая работа и т. д.), неуклонно нарастал поток евреев, желавших приехать и начать новую жизнь в Палестине.

Иммиграция в 1930-х гг. Белые книги (1930, 1939 гг.)

Еврейская община Палестины в начале 1930-х гг. насчитывала около 165 тыс. человек, т. е. по сравнению с 1922 г. увеличилась вдвое и составляла 16% палестинского населения по сравнению с 11% (перепись 1922 г.). Иммигранты (в основном выходцы из Европы), многие из которых имели образование, резко отличались от арабского населения Палестины. По мнению российского исследователя И. Д. Звягельской, «...приехавшие в Палестину еврейские пионеры, создавшие в конечном итоге свою экономику и политические институты, были бесконечно культурно чужды арабам»²⁸.

Сионистскую колонизацию Палестины, проходившую под лозунгом «завоевание земли, труда и рынка», осуществляли сионистские организации, такие как Учредительный фонд (Керен Хаесод), задачей которого была организация еврейских сельскохозяйственных поселений с участием только рабочих-евреев. Большую роль в организации ишува сыграла созданная в декабре 1920 г. профсоюзная организация Гистадрут. Спустя два года после ее создания в 1922 г. в ее состав входили 8394 человека, в 1927 г. – 25 тыс. еврейских трудящихся, или 75% всей рабочей силы ишува²⁹. По мнению ряда исследователей, в середине и конце 1920-х гг. в ишуве возникли экономические трудности, возросла безработица: в конце 1923 г. насчитывалось 2300 полностью безработных; многие наемные работники были заняты 1–2 раза в неделю, что неминуемо отразилось на снижении темпов иммиграции. В 1927 г. она составила 2713, в 1928 г. – до 2178 человек. Несмотря на экономические спады и кризисы, значительный приток частного еврейского капитала способствовал развитию строительства, промышленности и сельского хозяйства: если в 1930 г. количество еврейских сельскохозяйственных поселений составило 107 (1050 тыс. дунамов земли, 45 тыс. жителей), то к 1939 г. – их число возросло до 252 (1650 тыс. дунамов земли, 137 тыс. жителей)³⁰.

В 1933 г. на XVIII сионистском конгрессе в Праге была принята программа об увеличении иммиграции и ускорении темпов создания «еврейского национального очага» в Палестине. Приход к власти нацистов и рост антисемитизма в Германии и в других странах Европы также способствовал стремлению евреев уехать в Палестину. С ноября 1933 по декабрь 1939 г. действовало секретное соглашение Хаавара между представителями Англо-палестинского банка (где основные позиции имела ВСО) и Министерством экономики Германии. По соглашению предусматривался выезд евреев из Германии и Австрии; и к сентябрю 1939 г. около 50 тыс. евреев переехали в Палестину с необходимыми усовершенствованными орудиями труда и оборудованием на сумму более чем 100 млн германских марок³¹.

В период мандатного управления Палестиной Великобритании приходилось постоянно лавировать в поисках своеобразного «баланса» между евреями и арабами, отношения которых постоянно ухудшались. Арабское восстание 1929 г., его поддержка среди арабов Ближнего Востока заставили англичан направить в Палестину комиссии (1929–1930) с целью изучения ситуации в стране. В начале 1930-х гг. английское правительство, проанализировав отчеты специальных комиссий, предприняло ряд мер по ограничению скупки земель у арабских крестьян, уменьшению налогов, сокращению безработицы.

В конце октября 1930 г., основываясь на выводах правительственные комиссий, изучавших обстановку в Палестине, была опубликована очередная Белая книга (меморандум Пассфилда), в которой наряду с намерением придерживаться основных положений Белой книги 1922 г. английское правительство сделало ряд отступлений от предыдущего политического курса.

Учитывая процесс обезземеливания арабских крестьян и рост безработицы, в Белой книге (1930) вновь подчеркивалось, что «... численность еврейского населения не должна превышать “экономическую ёмкость” страны», рекомендовалось при необходимости «временно приостановить иммиграцию в Палестину весной–летом 1930 г.; строже контролировать ее состав»³². Вместе с тем документ отклонил притязания сионистской организации на руководство страной, так как «...созданное в 1929 г. Еврейское Агентство не имело права претендовать на управление», хотя сионистскому руководству предоставлялась возможность «частичного самоуправления»³³. Меморандум Пассфилда и созданная на его основе Белая книга 1930 г. вызвали протест и резкую критику как со стороны сионистов, так и лидеров консерваторов (Чемберлена, Болдуина, Эмери и др.) за отход от Декларации Бальфура и отступление от всесторонней поддержки сионистского курса.

На V Всемирной конференции Союза сионистов-ревизионистов в Вене (1932) В. Жаботинский прокомментировал новые тенденции в политике Англии в отношении управления Палестиной: «Англия лишилась своего морального права

на мандат, – утверждал лидер сионистов, – ибо что-то порвалось в отношениях между Англией и евреями³⁴. Несмотря на наиболее трудный период британского мандата в Палестине в середине и конце 1930-х гг., темпы еврейской иммиграции продолжали неуклонно увеличиваться. Если в 1931 г. в Палестину въехали 4075 человек, то в 1932 г. – 9553; в 1933–30 327; в 1934–42 359; в 1935 г. – 61 854 человека³⁵.

Во второй половине 1930-х гг. массовые арабские выступления переросли в партизанскую войну с элементами террора, которую британские власти стремились подавить всеми силами. Резкое обострение ситуации заставило англичан направить в Палестину Комиссию лорда Пила, представившую в июле 1937 г. свой отчет и рекомендации по урегулированию арабо-еврейского конфликта. Основные выводы Комиссии сводились к тому, что мандатный режим перестал быть единственным инструментом в руках Англии; признавалось наличие «неразрешимого конфликта» между евреями и арабами; и, наконец, был представлен план раздела Палестины на три зоны: два государства (еврейское и арабское) и мандатная территория под английским управлением³⁶.

План раздела Палестины был отвергнут как арабами, полагавшими, что евреям достанутся лучшие земли, так и большей частью сионистского руководства, надеявшегося на создание только еврейского государства. Арабы постоянно настаивали на немедленном прекращении еврейской иммиграции, о чем в очередной раз заявили на специальной конференции по палестинской проблеме, созванной в Лондоне и потерпевшей полный провал из-за разногласия сторон. Арабская делегация отказалась вести переговоры с сионистами. Решительный отпор и сопротивление арабов сделали, по мнению известного исследователя А.Г. Судейкина, невозможным план раздела Палестины на 3 зоны³⁷.

В предвоенный период сионистская колонизация Палестины набирала темп: взрос поток иммигрантов и приток крупного капитала, необходимого для «освоения страны». Одновременно рост напряжения в арабо-еврейских отношениях свидетельствовал

о неспособности страны-мандатария контролировать развитие событий в Палестине и предотвратить катастрофическое нарастание арабо-еврейского антагонизма, превратившегося в фактор, нарушавший хрупкую «стабильность» на подмандатной территории³⁸. За три с половиной месяца до начала Второй мировой войны 17 мая 1939 г. была опубликована очередная Белая книга, предусматривавшая 10-летний переходный период, в течение которого планировалось продолжение еврейской иммиграции и скупка арабских земель, но окончательное решение палестинской проблемы откладывалось, вопрос о разделе Палестины был снят с «повестки дня».

Белая книга (1939) содержала три раздела: «Конституция», «Иммиграция» и «Земля». В разделе «Иммиграция» подчеркивалось, что с апреля 1939 г. в течение следующих 5 лет разрешалась иммиграция 75 тыс. евреев в Палестину (первоначально предлагалась квота в 300 тыс. человек на 10 лет). На каждый год пятилетнего периода устанавливалась квота – 10 тыс. человек, кроме того 25 тыс. могли въехать в Палестину с разрешения Верховного комиссара³⁹. Согласно Белой книге (1939) Палестина через 10 лет должна была стать независимым государством, связанным с Англией союзным договором, в котором арабы и евреи (численность последних в этот период достигла уже 1/3 населения страны) имели бы равные права; покупка земли евреями на большей части территории страны запрещалась и резко ограничивалась на остальной ее части; в течение переходного периода верховная власть сохранялась за английской администрацией⁴⁰. В конце 1930-х гг. британская администрация жестко ограничивала выдачу въездных виз («сертификатов»), ссылаясь на квоты, предусмотренные Белой книгой (1939).

Параллельно с легальной иммиграцией существовала нелегальная: ежегодно тысячи человек, приехав под видом путешественников и т. д. расселялись в Палестине, избегая встреч с пограничными патрулями. Отчаявшиеся и измученные в предвоенный период своим положением, евреи решались на отъезд в Палестину, который для многих был единственным «спасительным кругом». Долгий и мучительный путь к палестинским

берегам, полный страданий и драматизма, часто заканчивался массовой гибелью беженцев⁴¹.

Еврейская иммиграция в Палестину изменила численное соотношение еврейского и арабского населения: если в 1919 г. арабское население составляло 90,3%, а еврейское только 9,7%, то в 1939 г. удельный вес еврейского населения возрос до 30% (445 тыс. человек)⁴². Рост еврейского населения, расширение его жизненного пространства, лишение арабов их исконных земель вызвали яростное возмущение в арабском мире и обострили отношения между двумя общинами в Палестине. Пророческим стало образное выражение дальновидного члена палаты лордов Великобритании лорда Сайденхема в ответ на представленную Декларацию Бальфура: «...вред от того, что в арабскую страну... хлынет иностранное население, возможно, никогда не удастся исправить... на Востоке образовалась открытая рана, и никто не может предсказать, сколь глубокой она может оказаться»⁴³. Дальнейший ход исторических событий привел к усилению арабо-израильского конфликта и углублению палестинской проблемы, окончательное решение которой не найдено до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Robinowicz O.K. A Jewish Cyprus Project. N.Y. 1962. P. 17.
2. Примаков Е.М. Глава VI: Ближневосточный конфликт // Международные конфликты. М.: Международные отношения. 1972. С. 123.
3. Taylor A.R. Prelude to Israel (an Analysis of Zionist Diplomacy). 1897–1947. L., 1961. P. 12.
4. Подробнее см.: The Origins and Evolution of the Palestine Problem. Pt. I, 1917–1947. N.Y. 1978. P. 14.
5. См. об этом: Самарская Л.М., Щевелев С.С., Лакер В. и др.
6. A Survey of Palestine. Vol. I. Palestine, 1946. P. 1; Носенко В.И. Деятельность сионистов в Палестине и арабское национально-освободительное движение в период между двумя мировыми войнами // Международный сионизм: история и политика. М.: Наука. 1977. С. 41–42.
7. Jeffries J. The Balfour Declaration. Beirut, 1969. P. 11.
8. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). Симферополь; Киев: Доля. 2011. С. 180; Kurzman D. Genesis 1948: The First Arab-Israeli War. Cleveland, 1970. P. 55.

9. Недава Й. Зеев Жаботинский: Вехи жизни. Избр. статьи и речи. Гешарим; Имидж, 1991. С. 99.
10. Недава Й. Зеев Жаботинский. С. 99.
11. Подробнее см.: Лакер В. История сионизма. М.: Крон-Пресс, 2000. С. 531; Jabotinsky V. Ten Year Plan for Palestine. L., 1938. P. 28; Jabotinsky V. The Jewish War Front. L., 1940. P. 189.
12. Barbour N. *Nisi Dominus*, Beirut, 1969. P. 113.
13. Sahar Huneidi. A broken trust: Herbert Samuel, Zionism and the Palestinians 1920–1925, L., 2001. P. 131.
14. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). С. 49.
15. Mossek M. Palestine Immigration Policy Under Sir Herbert Samuel: British, Zionist and Arab Attitudes. L., 1978. P. 29–30.
16. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). С. 49; Kurzman D. *Genesis 1948: The First Arab-Israeli War*. Cleveland, 1970. P. 55.
17. Сэвэр Н. Сионистская колонизация Палестины // Вопросы истории. 1983. № 10. С. 72–85.
18. Луцкий В.Б. Арабский вопрос и державы победительницы в период Парижской мирной конференции (1918–1919 гг.) // Арабские страны. История. Экономика, М.: Наука, 1966. С. 44.
19. Щевелев С.С. Палестина под мандатом Великобритании (1920–1948 гг.). Симферополь, 1999. С. 118.
20. The Origins and Evolution of Palestine Problem. Pt. I 1917–1947. N.Y. 1978. P. 41.
21. Haymson A.M. Palestine under the Mandate 1920–1948. L., 1950. P. 53.
22. Десятков С.Г., Судейкин А.Г. Английская политика в Палестине в 1917–1939 гг. // Проблемы британской истории. М.: Наука, 1982. С. 31.
23. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). С. 68–69;
24. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). С. 65.
25. Осипова П. Из истории английского управления Палестиной (1919–1930) // Вопросы истории. 1948. № 2 (декабрь). С. 76–78; Десятков С.Г., Судейкин А.Г. Английская политика в Палестине в 1917–1939 гг. С. 31.
26. Mossek M. Palestine Immigration Policy Under Sir Herbert Samurl: British, Zionist and Attitudes. L., 1978. P. 167.
27. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). С. 49.
28. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинич. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 143.
29. Encyclopedia of Zionism and Israel. N.Y. 1971. P. 504–505.
30. Сэвэр Н. Сионистская колонизация Палестины в 1918–1939 годах. С. 83.

31. Лакер В. История сионизма. М.: Крон-пресс, 2000. С. 712–713; Nicolia F.R. The Third Reich and the Palestine Question. L., 1985. P. 46–48.
32. Десятков С.Г., Судейкин А.Г. Английская политика в Палестине в 1917–1939 гг. С. 36–37.
33. Десятков Г.С., Судейкин А.Г. Указ.соч. с. 37.
34. Недава И. Владимир Жаботинский: вехи жизни. Ростов н/Д., 1998. С. 223..
35. Mattar P. The Mufti of Jerusalem and the Politics of Palestine // Middle East Journal. Vol. 42, № 2. Spring. 1988. P. 233.
36. Дмитриев Е. Палестинская трагедия. М.: Международные отношения. 1986. С. 16.
37. Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1976. С. 240.
38. Дмитриев Е. Палестинская трагедия. М.: Международные отношения, 1986. С. 17.
39. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). С. 162; Эттингер С. История еврейского народа. Тель-Авив: Ам Оved, 1972. С. 693.
40. Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. С. 240; Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. L., N.Y., 1956. Vol. 2. P. 219–226.
41. Масюкова И.В. Еврейская иммиграция в Палестину в контексте Второй мировой войны // Палестина и Израиль от Второй мировой войны до наших дней / отв. ред. Т.А. Карасова, ред. Д.А. Марьясис. М.: ИВ РАН. 2016. С. 119–133.
42. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978. С. 18.
43. Истоки и история проблемы Палестины. Ч. I: 1917–1947. Нью-Йорк: ООН, 1978. С. 31.

А. Е. Локшин

РОССИЙСКИЙ ОФИЦИОЗ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ О ДЕКЛАРАЦИИ БАЛЬФУРА

История появления Декларации Бальфура сравнительно хорошо изучена в зарубежной литературе¹. Однако роль России в возникновении Декларации изучена явно недостаточно. В данной работе сделана попытка коснуться роли и значении России в этой обнародованной Декларации, а также реакции российской общественности после ее публикации.

Декларация Бальфура, как известно, представляет собой официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 г., министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура лорду Лайонелю Ротшильду, представителю британской еврейской общины, для передачи Сионистской федерации Великобритании. В письме говорилось:

Министерство иностранных дел, 2 ноября 1917 г.

Дорогой лорд Ротшильд.

С большим удовольствием передаю Вам от имени Правительства Его Величества следующее выражение симпатий еврейско-сионистским стремлениям, рассмотренное и принятое кабинетом.

«Правительство Его Величества относится с полным сочувствием к созданию в Палестине Национального Очага для еврейского народа, и приложит все усилия для содействия достижению этой цели. При этом ясно устанавливается, что не должно быть допущено ничего, что задевало бы гражданские и религиозные права нееврейского населения Палестины или же политическое положение евреев в других странах».

Настоящее заявление прошу Вас довести до сведения Сионистской федерации.

Уважающий Вас
Артур Джеймс Бальфур²

Основные причины принятия Декларации

Принципиальную роль в принятии этого документа сыграли выходцы из Российской империи – выдающиеся сионистские деятели Хаим Вейцман и Нахум Соколов. Именно они представили британскому правительству проект данной Декларации. И Вейцман, и Соколов считали ее достаточно умеренной, формулу признания Палестины «исконным» (это понятие было выражено через определенный артикуль *the*) «Национальным очагом для еврейского народа». Декларация предусматривала создание «Еврейской национальной корпорации» для освоения и экономического развития Страны Израиля. Однако эта формула не была принята правительством Великобритании. Оно заменило артикуль *the* неопределенным артиклием *a*. Декларация получила одобрение кабинета министров Великобритании и была подписана министром иностранных дел Артуром Джемсом Ротшильдом и направлена лорду Ротшильду – почетному президенту Сионистской федерации Великобритании и Ирландии, во Всемирную сионистскую организацию.

Большую роль в принятии Декларации, как уже отмечалось, сыграл Х. Вейцман – выдающийся ученый и общественный деятель. Контакт с высокопоставленными британскими политиками помог установить редактор влиятельной газеты «Манчестер Гардиан», сторонник сионизма Ч. Скот. В 1915 г. он устроил встречу Вейцману с членом британского кабинета министром военного снабжения Ллойд Джорджем. Благодаря, в частности, этой встрече Вейцман получил рекомендацию к Первому лорду адмиралтейства (министру военно-морского флота) Артуру Джеймсу Бальфуру. Министр во время этой встречи вспомнил об их знакомстве, имевшем место еще в 1906 г., вскоре после VII Сионистского конгресса,

отклонившего предложение британского правительства о представлении Всемирной сионистской организации Уганды (нынешней Кении) как автономной территории под протекторатом Великобритании. Тогда Бальфур поинтересовался, почему сионисты оказались столь непримиримы в вопросе об Уганде. Чтобы ярче довести до своего собеседника идею, что возрождение еврейского народа возможно только в Стране Израиля и нигде более, Вейцман спросил: «Мистер Бальфур, представим, что я вам предложу вместо Лондона Париж, неужели Вы согласитесь?» Бальфур с удивлением ответил: «Но, доктор Вейцман, Лондон-то – наш!» «Совершенно верно, – заметил Вейцман, – но Иерусалим был нашим во времена, когда Лондон был еще болотом». Не спуская с Вейцмана глаз, Бальфур спросил: «А много ли евреев рассуждают, как Вы?» На что Вейцман убежденно ответил: «Я выражаю настроения миллионов евреев, которых Вы никогда не увидите и которые не могут высказаться сами, но я бы мог заполнить ими все улицы той страны, из которой приехал». Будущий первый президент Израиля имел в виду Россию. «Если Ваши слова соответствуют действительности, – заметил Бальфур, – придет день, когда Вы превратитесь в силу»³.

Отношения Вейцмана с Бальфуром стали более тесными, когда Вейцман стал работать в Лондоне в государственных лабораториях по усовершенствованию своего открытия, сыгравшего важную роль в удешевлении производства взрывчатки. Ллойд Джордж, будучи в тот момент министром военного снабжения, считал себя обязанным ученыму за его изобретение, которое открывало новые перспективы для усиления и развития британской военной мощи в условиях продолжающейся войны. Он поинтересовался у Вейцмана, какое вознаграждение он хотел бы получить за эту услугу Королевским вооруженным силам Великобритании. Тот ответил, что лично для себя он ничего не просит. Но надеется, что страна, для которой он работает, сможет найти возможность и предоставить национальный очаг в Палестине для своего народа.

Вскоре, в декабре 1916 г. Ллойд Джордж стал премьер-министром, а Бальфур в этом кабинете министром иностранных дел. В сферу деятельности последнего входило и рассмотрение

устремлений сионистского движения. Политическая ситуация была благоприятной. Вооруженные силы Великобритании готовились овладеть Палестиной и войти в Иерусалим. После окончания войны британский политический истеблишмент надеялся окончательно изгнать Османскую империю с Ближнего Востока и взять под свое покровительство Палестину. Сионисты оказались в этой политической игре как нельзя кстати, именно на них можно было опереться, заявив о Палестине как национальном очаге еврейского народа.

Впрочем, далеко не все члены кабинета были единодушны в этом вопросе. Более того, среди противников сионизма, входивших в состав правительства, были лидеры и евреев Великобритании. Они считали своих соплеменников религиозной общиной и категорически были настроены против сионизма. Ассимилированные и влиятельные евреи – член британского кабинета Эдвин Монтегю, а также англо-еврейский журналист и историк, первоначально сторонник Т. Герцля, а затем территориализма, специалист по антисемитизму Люсьен Вольф, религиозный мыслитель и лидер либерального иудаизма Клод Монтефиоре – решительно выступали против сионизма, считая, что это движение вредно для евреев и ставит под сомнение их лояльность.

В феврале 1917 г. состоялась первая конференция, которая сыграла важную роль в создании Декларации Бальфура. В ней приняли участие член кабинета министров дипломат, сторонник сионизма сэр Марк Сайкс, министр внутренних дел Герберт Сэмюэл – первый еврей в правительстве Великобритании, который крайне осторожно относился к сионизму. Ряд ведущих сионистов, а также два члена семейства Ротшильдов. Решено было послать Н. Соколова в Париж и Рим, дабы убедить Францию и Италию ослабить насколько возможно противодействие готовящейся Декларации. Миссия была достаточно трудной. Франция не скрывала своих намерений о том, что желает получить Палестину, и была против даже обсуждения вопроса о владении ею совместно с Великобританией и тем более Соединенными Штатами⁴. В дальнейшем Соколову удалось получить поддержку в Риме и Ватикане. Его заверили, что сионистское движение может рассчитывать

на благосклонность церкви при условии, что она получит гарантии в отношении святых мест. Речь шла не только о Иерусалиме и Вифлееме, но и также о Назарете, Тверии и даже Иерихоне. Соколов был явно удручен, что не так уж много оставалось территории для создания еврейского национального дома⁵. Но наиболее важным результатом его поездки стало заявление Римского папы: «Я верю, что мы будем хорошими соседями»⁶. Соколов вернулся в Лондон, его поездка значительно продвинули сионистский проект. Хотя у британского министерства иностранных дел все еще оставались сомнения, насколько взвешенной и дальновидной будет Декларация, ибо она должна была сыграть далеко не последнюю роль в рассмотрении вопроса о протекторате Великобритании над Палестиной.

Между тем в самом сионистском движении были разные мнения об исходе войны. Вейцман, Соколов и ряд других деятелей сионизма считали, что в войне победят страны Антанты. В то время как И. Членов, М. Усышкин и другие сионистские лидеры в России полагали, что Германия сможет одолеть своих противников. Тем самым Декларация сама собой снималась с повестки дня. Отсюда сопротивление ряда российских сионистов политической ориентации на Великобританию, проводимой Вейцманом, который был убежден, что судьба сионизма связана именно с западными демократиями, а не с монархической Германией.

Российский фактор

Среди обстоятельств обнародования Декларации, несомненно, было несколько достаточно важных причин, связанных со стремлением использовать «еврейскую карту», другими словами, стимулировать евреев к участию в мировой политике. Это побуждение американской еврейской общины оказать давление на правительство США с целью добиться от него вступления в Первую мировую войну на стороне Антанты, и попытка оказать давление на российских евреев с целью предотвратить распространение среди них большевизма, и тем самым предупредить выход России из войны.

Здесь необходимо обратиться к роли сэра Джорджа Уильяма Бьюкенена – британского посла в России перед началом и в годы Первой мировой войны и русской революции (1910–1918). В 1910 г. Джордж Бьюкенен был назначен чрезвычайным и полномочным послом Соединённого Королевства в Санкт-Петербурге при дворе императора Николая II. Основной его задачей стало противодействие стремлениям прогермански ориентированных кругов при императорском дворе в России порвать с Антантой. Посол, явно выходя за рамки дипломатических правил, имел тесные отношения с российскими либеральными партиями, кадетами и октябристами. Он поддерживал их идеи конституционной монархии, часто принимая в посольстве их лидеров в Государственной думе. У него сложились теплые отношения с министром иностранных дел России С.Д. Сазоновым, придерживавшимся проанглийской и антигерманской ориентации. Бьюкенен при содействии Сазонова стремился устранить препятствия на пути сближения России и Соединённого Королевства. В 1917 г. влияние Бьюкенена на внутрироссийские дела достигло апогея. Его деятельность стала иметь реальный политический вес. Важнейшей целью посла было дальнейшее участие России в войне на стороне Антанты. После Февральской революции Бьюкенен установил тесные связи с Временным правительством, которое крайне благожелательно относилось к сионистскому движению. В мае 1917 г. в Петрограде проходил Седьмой съезд российских сионистов, впервые легально. Приветственные послания съезду поступили от министра иностранных дел Временного правительства М. Терещенко и от председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Н. Чхеидзе. Необходимо отметить, что министр иностранных дел в своем послании, наряду с приветствием, сообщал, что в его министерство поступают известия о жестоком обращении турок с еврейским населением в Палестине. Это побудило его обратиться к странам – союзникам, чтобы совместными действиями через нейтральные государства положить конец актам насилия со стороны османской Порты, унижающим человеческое достоинство⁷.

Уже в апреле британский посол начал контакты с Петроградским советом и его лидерами – эсерами и меньшевиками, рассматривая эти партии как силу, которая может нейтрализовать растущее влияние большевиков, выступавших за выход России из войны. Он буквально требовал в октябре 1917 г. от премьер-министра Временного правительства А. Керенского немедленного ареста решительного противника продолжения участия России в войне, ставшего Председателем Исполкома Петроградского Совета Л.Д. Троцкого.

Однако большинство евреев (из влиятельного окружения Временного правительства во всех составах и члены Петроградского Совета), с которыми встречался Бьюкенен, весьма благосклонно относились к сионистскому движению и его целям. Керенский, у которого был устойчивый имидж филосемита (что соответствовало действительности), летом 1917 г. назначил первого российского офицера иудейского вероисповедания, одного из лидеров сионистского движения Иосифа Трумпельдора комиссаром Военного министерства по еврейским делам. Трумпельдор обратился к очень смелому и в тех условиях вряд ли исполнимому проекту. Он собирался создать еврейскую армию в 120 тыс. человек для освобождения Палестины, куда она прошла бы через Арmenию. Бьюкенен считался с мнением улицы, полагавшей Керенского крещенным евреем⁸. Британский посол, очевидно, был убежден в том, что документ, исходящий из правительственныех кругов его страны будет положительно встречен в правящих кругах нового режима в России, находившейся, как известно, в состоянии двоевластия. Этот документ позитивно повлияет на дальнейшее участие России в войне. Несомненно, что он явно переоценил еврейское влияние, тем более ни один из еврейских деятелей в окружении Временного правительства (Трумпельдор исключение) и в составе Исполкома Петроградского совета сионистом не был. Временное правительство (это факт) и эзеро-меньшевистский Петроградский совет (это тоже факт) с их благожелательным отношением к сионистскому проекту, а также и еврейское в них присутствие (и это тоже факт) Бьюкенен, очевидно, представил в Форин офис как просионистские. Это и могло явиться

дополнительным важным фактором, повлиявшим на принятие Декларации Бальфура.

Однако важнейшая причина появления Декларации та, что на момент ее обнародования она явно соответствовала британским национальным интересам и, по словам премьер-министра Ллойд Джорджа, «не являлась простым актом милосердия». «Следует понять, – писал он, – что речь идет о сделке в обмен... на поддержку евреями всего мира дела союзников»⁹. Сионистское движение благодаря Декларации Бальфура становилось фактором мировой политики.

Отклики в России

На обнародование Декларации Бальфура первыми откликнулись российские сионисты. 15 ноября (по ст. стилю) ЦК сионистской организации в экстренном выпуске своего печатного органа «Рассвет» публикует по-английски и в русском переводе Декларацию и обращение «К еврейскому народу» в связи с обнародованием «декларации Великобританского правительства». Восторженно приветствуя этот документ газета, обращаясь к еврейскому народу, писала: «Свои материальные и духовные сокровища несите на... создание нового храма – храма национального счастья и свободы. В этом храме должны царствовать демократические начала... свободная Иудея не посягнет на права других наций, других вер. Мы слишком долго терпели национальный и религиозный гнет, чтобы отбросить всякую мысль о нем при создании европейской государственности»¹⁰.

Во многих городах страны, особенно там, где находились британские учреждения, прошли массовые демонстрации еврейской общественности, приветствовавшие это решение правительства Великобритании. Сионизм благодаря Декларации получил новый импульс. Число «шекеледателей», т. е. тех, кто вносил взнос и тем самым становился членом Всероссийской сионистской организации, возросло более чем двое и достигло не менее 300 тыс. человек. Взрыв энтузиазма, вызванный Декларацией среди евреев России, без сомнения, проистекал от вековой мечты о возвращении

в Сион. Один из современников вспоминал: «Невозможно описать радость, охватившую еврейские массы по всей стране... 6 ноября состоялась беспрецедентная еврейская демонстрация в Киеве... С раннего утра тысячи евреев, одетых в праздничную одежду с сионистскими значками, устремились к университету... Все балконы еврейских домов были украшены белым и голубым...»¹¹. Британский офицер, находившийся в то время в Сибири, был поражен надеждами, которые евреи связывали с Декларацией Бальфура: «Многие из тех, с кем я говорил, с патетической надеждой говорили о дне, когда будет создано еврейское государство, то, чтобы они хотели туда ехать... есть много особенно среди молодых, желающих эмигрировать в Палестину...»¹².

Вряд ли можно согласиться с О. Будницким, заметившим, что «Декларация была воспринята многими российскими евреями чересчур оптимистично»¹³. Однако восприятие Декларации многими российскими евреями на тот момент было вполне релевантным. Следует исходить из самого исторического контекста и оценивать настроения российских евреев на основе конкретной исторической реальности в тот момент: какой информацией они владели, или, говоря словами Ричарда Стайтса, историк должен «знать, что они знали»¹⁴. Действительно, ряд положений Декларации в дальнейшем подвергся ревизии британскими властями. После получения мандата на управление Палестиной власти страны-мандатория с ней мало считались.

Очевидно, что уже в самые первые недели после обнародования Декларации в российском обществе стали распространяться слухи о том, что англичане отдают Святую землю евреям. Очевидно, в ответ на эти слухи в цитированном выше «Обращении к еврейскому народу» ЦК Сионистской организации специально подчеркивал, что «свободная Иудея не посягнет на права других наций, других вер».

Первой нееврейской реакцией уже в советской России стало специальное заседание Российского Православного Палестинского общества (РППО). Его многие видные деятели собрались 17 декабря для рассмотрения, как отметил член совета РИПО профессор Н. Глубоковский, «со всей подробностью новейший

проект англичан о передаче Иерусалима и Палестины в обладание евреями»¹⁵.

Российское Императорское Православное Палестинское общество (РИППО) было основано еще в 1882 г. Инициатором его создания являлся вел. кн. Сергей Александрович. В 1889 г. Общество получило почетное наименование «императорское». Оно занималось покровительством русским православным интересам в Святой земле в самых различных формах: от развития и приращения недвижимости, организации православного паломничества до организации православных школ среди местного арабского населения. РИППО также занималось изучением христианских святынь в Палестине.

Декларация Бальфура чрезвычайно взволновала членов РИППО, среди которых были крупные православные учение, которые и после Февральской революции 1917 г. исповедовали монархические взгляды. Известие о документе в пользу евреев, исходящем от британского правительства, стало для членов еще совсем недавно влиятельного Общества, опиравшегося на всю бюрократическую структуру царского режима и прежде всего на Министерство иностранных дел и Святейший Синод, стало буквально громом среди ясного неба. Еще в январе 1917 г. в РИППО царила полная уверенность в победоносном исходе Первой мировой войны и в том, что на будущей мирной конференции имперская Россия будет играть роль, по словам старейшего члена академика В. Латышева, если не *prima inter pares* (первая среди равных, лат.), то, по крайней мере, наравне со всеми другими союзниками. Но с тех пор положение коренным образом изменилось. Самодержавие было свергнуто. А после восьми месяцев правления Временного правительства произошла Октябрьская революция, власть захватили большевики.

Обсуждение Декларации и принятые решения на совещании теперь уже РППО (Обществу пришлось отказаться от почетного титула «императорское») по замыслу его организаторов и всех участников не должны были повиснуть в воздухе, а найти отражение в записке, которую Общество собиралось передать в посольства государств – стран Антанты.

У абсолютного большинства участвовавших в совещании членов Общества отношение к Декларации было сугубо отрицательным. Как о решительном противнике «английской комбинации» заявил о себе член Совета общества А. С. Путилов, отметивший, «что образование еврейского государства... хуже арабского государства, хуже *status quo*, есть хуже всего чего и подумать нельзя». И продолжал: «Я буду утверждать, что... ограждать, как святыню, святые для нас места еврейский народ будет не способен... та постановка вопроса, которую придумали союзники... непримлема... лучше было бы в отношении святых мест предоставить разрешение вопроса нашим врагам» (т. е. туркам-мусульманам). Затем слово взял профессор Глубоковский, который сославшись на статью английского сиониста Нормана Бентвича в журнале *Expository* (V. XXVII. P. 531–534) заявил, что евреи произведут «великий переворот в св. Земле», и продолжал: «...евреи не будут довольствоваться территорией в исторических границах, но пожелают овладеть пространством от Средиземного моря до Ефрата, от Ливана до потока Египетского». В этом Глубоковский видел и политическую, и религиозную опасность. Посему он решительно отверг данный проект, ибо он ведет к «порабощению Палестины евреями с поражением христианских прав и наших православных интересов». В дискуссию включился и член общества академик археолог Н. Я. Марр, в то время много путешествовавший по Палестине и Синая. Он призывал отнести спокойно «к тому новому положению, которое создается сейчас для Палестины». Он предположил, что подготовка Декларации Бальфура проходила «не без ведома нашей дипломатии (очевидно, еще имперской). Вновь взял слово Путилов, заявивший, что над Святой землей нависла такая «опасность, какой никогда не бывало... Мы можем фактически лишиться святых мест, и наше население будет кричать, как, по словам Гоголя, кричало когда-то украинское население, что нельзя к святой Пасхе приложиться, пока поганый жид не поставил на ней своего значка»¹⁶.

К дискуссии присоединился и профессор Киевской Духовной академии специалист по литургическим рукописям, автор многочисленных статей в изданиях Палестинского общества

А.А. Дмитриевский. Если «будущие еврейские владения», сказал он, не будут каким-либо образом вмешиваться в деятельность Общества, то тогда ему безразлично «будет ли Сионское царство или даже президент будущей еврейской республики». Однако как православному христианину ему «тяжело думать о том, что владычество в Палестине и Сирии переходит к еврейскому народу». Он разделял один из мифов, касавшийся положения евреев на Украине: «...прошлая история показывает, что как только еврейство достигало в стране господствующего положения, оно становилось бичом для православных». Он полностью разделял соображение Путилова, который напомнил «печальную историю южной России, когда действительно приходилось... покупать ключи от наших храмов у евреев, чтобы совершить крестины или отпеть покойника». Дмитриевский крайне опасался того, «чтобы вместо нынешних мусульманских привратников, которые распивали кофе при входе в Святогробский храм и курили кальян, и тех мулл, которые имели гаремы над Гробом Господним, мы получили бы еврея со своими длинными пейсами, в лапсердаке, со связкой ключей, открывающего за золотой заветные двери Святогробского Храма ...». Убеждение об аренде евреями православных церквей нашло отражение в украинском фольклоре. Н.И. Костомаров указывал на современные эпохи Богдана Хмельницкого польские источники, Кулиш поставил под сомнение сам факт аренды евреями церквей на Украине: «...разнообразная переписка между лицами различных званий, партий и вероисповеданий... не заключает в себе даже и намека на подобные свидетельствующие об аренде евреями церквей на Украине¹⁷. Традицию исторической критики относительно аренды церквей евреями на Украине продолжил М.И. Кулишер¹⁸. Аналогичное мнение высказал и И.В. Галант в статье «Арендовали ли евреи церкви на Украине?»¹⁹ Эту точку зрения поддержал и директор центрального архива при Киевском университете И.М. Каманин²⁰.

Возвратимся к совещанию РППО. Свое эмоциональное пространное выступление профессор А. Дмитриевский закончил словами, что он принципиально не допускает «английскую

комбинацию порабощения Палестины евреями с поражением христианских прав и наших православных интересов».

Наиболее спокойную и, как он сам считал, «излишне оптимистическую» позицию занял археолог Я.И. Смирнов. Он успокаивал других выступающих, заметив, что речь идет, скорее всего, о культурном еврейском центре в Палестине. Англичане и не предполагают восстанавливать самостоятельное еврейское государство, имеется в виду английский протекторат: «...будет фактически или номинально лишь правительство еврейское». Из его бесед, как сообщил Смирнов, с самими сионистами (правда, он не назвал ни одного имени) восстанавливать Соломонов храм те не собираются. Не видел Смирнов даже в будущем каких-либо опасностей со стороны евреев христианским святыням. Более того, он указал на лояльность евреев России. «Евреи, – отметил он, – все-таки не могли вырвать из себя... привычки к русской культуре». А в будущем, выразил надежду Смирнов, можно организовать сотрудничество Палестинского общества с эмигрирующими русскими евреями в Палестину. Тем самым мы «приобретаем до известной степени поддержку русского влияния в Палестине». И он не опасается «умножения евреев» в Святой земле. Как у «детей одной родины» у нас найдутся возможности сотрудничества. «Так что я не боялся бы особенно евреизации Палестины», – заключил Смирнов. Однако его предложение установить РППО прямой контакт с русскими евреями, отдельные лидеры которых еще продолжали жить в Петрограде, не нашло какой-либо поддержки у всех остальных участников совещания. Позиция, занятая Смирновым, была исключением, среди членов РППО доминировало мнение, что «английская комбинация крайне опасна для христианских святынь и особенно для православных».

Остро стоял вопрос о том, как довести и для кого довести свое мнение в России и у союзников. Один из членов РППО М.М. Никаноров предложил прежде всего сообщить только что избранному Патриарху Тихону свое мнение, при этом отметив, что нынешнее правительство (Совет народных комиссаров) Общество «не признает». Буквально криком души председательствующего на совещании академика Латышева было заявление, что

британское правительство в любом случае должно узнать о позиции РППО, независимо от того будет оно с ним считаться или нет, и отметим от себя, утратившим после Февральской и особенно Октябрьской революции какое-либо влияние. Православный учёный выразил свои чувства латинской идиомой: мы должны «...так сказать, *diximus et animam levavimus*» (сказать и облегчить душу).

Вновь привлек в себе внимание Смирнов, который предложил направить запаску РППО с протестом епископу Кентерберийскому. Путилов, в свою очередь, предложил направить «бумагу в МИД», возможно, имея в виду преобразованный после Февральской революции. Ему напомнили, что сейчас внешней политикой занимается большевистский Наркоминдел. На это предложение отреагировал опять же Смирнов, заявив, что это заведение представляет из себя всего лишь «кучу насильников». Продолжая спор об адресате, Путилов заметил: «Мы больше месяца слышим», что нынешний режим падет, но «они там же». Продолжать дискуссию на эту тему уже не имело практически никакого смысла. Председательствующий сообщил, что совещание прекращает на данный момент свою работу и предложил собраться еще раз, чтобы вникнуть во все детали готовящейся записки Общества. Однако намечавшееся совещание так никогда и не состоялось. Не был подготовлен и документ, касающийся отношения к Декларации Бальфура.

Эстафету борьбы в годы Гражданской войны с Декларацией приняли Русская Православная церковь и «белая» дипломатия. Это прежде всего представитель Патриарха Московского и всея Руси на Юге России митрополит Херсонский и Одесский Платон и дипломаты «белого» движения как в самой России, так и уже в изгнании. Существовали самые различные предложения и инициативы как помешать осуществлению Декларации и возникших в связи с ней планов сионистского движения в Палестине. Все они не умели успеха. Переписка и активность на этот счет подробно представлена О. Будницким²¹. Как отмечает исследователь, основная причина неудач всех этих замыслов состояла в том непреложном факте, что, «российская «дипломатия в изгнании», представляющая несуществующие или непризнанные правительства,

была бессильна сколько-нибудь серьезно повлиять... на решение проблемы воссоздания еврейского государства в Палестине»²².

Теперь никакой поддержки не имели и инициативы РПЦ, которая являлась в имперской России неразрывной частью государства.

Декларация Бальфура была названа председателем Еврейского агентства и будущим первым премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом, зачитавшим 14 мая 1948 г. текст Декларации независимости Государства Израиль, одним из факторов обоснования создания еврейского государства.

В 1897 г. по призыву Теодора Герцля, провозвестника идеи еврейского государства, собрался Сионистский конгресс, провозгласивший право евреев на национальное возрождение на своей земле. Это право было признано в Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г. и подтверждено мандатом Лиги Наций, придавшим особую силу международному признанию исторической связи еврейского народа с Эрец-Исраэль и праву евреев на воссоздание своего национального очага²³.

Русский фактор, как мы показали, сыграл не последнюю роль в принятии Декларации Бальфура.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Среди последних работ на эту тему отметим: Sanders R. The High Walls of Jerusalem: A History of the Balfour Declaration and the Birth of the British Mandate for Palestine. N.Y., 1983; Rose N.(ed.) From Palmerston to Balfour: Collected Essays of Mayir Verete. London, 1992; Tomes J. Balfour and Foreign Policy: International Thought of a Conservative Statesman. Cambridge, 1997; Bianco D. The Balfour Declaration: An Instant Lesson on the Balfour Declaration. Los Angelos, 1998; и др.
2. Декларация Бальфура (2 ноября 1917 г.) // Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время: антология документов. Т. II / сост. Мендес, Флор, Рейенхарц. Иерусалим; М., 2006. С. 526.
3. Цит. по кн.: Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим; Тель-Авив, 1977. С. 336–338.
4. См.: Лакер В. История сионизма. М., 2000. С. 268.
5. Sokolow N. Geschichte des Zionismus. Berlin, 1921. B. 2. S. 386.
6. Цит. по: Лакер В. История сионизма. С. 268.
7. См.: Маор И. Сионистское движение в России. С. 350.

Российский официоз и общественность о Декларации Бальфура

8. См.: Buchanan G. My mission to Russia and Other Diplomatic Memories. London, New York, Toronto, Melbourne, 1923. V. 2. P. 128, 216–217, а также см.: Колоницкий Б. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». 2017 г. с. 61; Он же. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и еврей, http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=2347.
9. Folk A. Izrael. Terre deux fois promise. Jerusalem. 1954. P. 52.
10. Рассвет. 1917. 15 ноября. С. 3.
11. Цит. по: Гительман Ц. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. М., 2008. С. 94.
12. Цит по: Гительман Ц. Беспокойный век. С. 94.
13. Будницкий О. Российские евреи в годы войны и революции. 1914–1920 // История еврейского народа в России. От революций до распада Советского Союза. Иерусалим; М., 2017. С. 50.
14. Stites R. Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900. Cambridge, 1992. P. 7.
15. Подробнее о совещании РППО см. мою статью: Еврейское царство на Святой земле? Отношение Российского Палестинского общества к Декларации Бальфура / (ed. Khazan and Moskovich W.) Jews and Slavs. The Russian World in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia. V. 17. Jerusalem, 2006. P. 11–25. Стенограмма заседания РППО хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 6. Т. 2. Л. 1109–1123. Все ссылки на цитаты из выступлений на этом совещании членов РППО даются по указанным выше реквизитам АВПРИ.
16. Путилов здесь имел в виду повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Сам Гоголь подобные сведения мог перенять из источников, имевших в то время широкое хождение в рукописях: «История Русов» (см.: История Русов или Малой России. М., 1846), казацких летописей (см.: Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого. М., 1846); и др.
17. Костомаров Н. Борьба украинских казаков с Польшею в первой половине XVI-го века до Богдана Хмельницкого // Отечественные записки. 1856. № 9. С. 252; см. также: Он же. Южная Русь и казачество до восстания Богдана Хмельницкого // Там же. 1870. № 2. С. 368.
18. Кулишер М. Прошлое и настоящее // Восход. 1909. № 2. С. 60.
19. Еврейская старина. 1909. № 1. Отдельное издание. Киев, 1909.
20. Письмо Каманина И. // Галант И. Арендовали ли евреи церкви на Украине? С письмом И.М. Каманина. 2-е издание. К., 1914. С. 4.
21. См.: Будницкий О. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005. Гл.: Проблема воссоздания еврейского государства в Палестине, русская православная церковь и «белая» дипломатия. С. 413–437.
22. Там же. С. 437.
23. Декларация независимости Государства Израиль // Евреи в современном мире. С. 603–609.

И.В. Масюкова

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ВОПРОСУ ЕВРЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ В ПАЛЕСТИНУ В 1945–1948 ГГ.

В преддверии создания Государства Израиль в Палестине нарастало сопротивление политике английских властей. Одной из наиболее актуальных проблем в этот период была проблема увеличения еврейской иммиграции из стран Европы. Политика англичан заключалась в лавировании между арабами и сионистским руководством, занимая при этом крайне жесткую позицию в отношении еврейской иммиграции в Палестину. Постепенно напряжение между всеми сторонами усиливалось, что вызвало разгул терроризма; непрерывный поток нелегальных беженцев; подрыв международного престижа Великобритании и создание конфликтной и взрывоопасной ситуации не только в Палестине, но и на всем Ближнем Востоке. Пребывание англичан в Палестине закончилось отменой мандата специальной комиссией ООН 29 ноября 1947 г. Впоследствии премьер-министр Великобритании К. Эттли, подводя итоги, писал: «После Первой мировой войны мы занялись еврейским национальным очагом, не поразмыслив о последствиях. Все это делалось самым бездумным образом. Люди с совершенно особыми взглядами на цивилизацию были в одночасье переселены в Палестину – столь дикий эксперимент не мог не привести к проблемам»¹. Дальнейший ход исторических событий подтвердил правоту этого высказывания, когда созданное Государство Израиль широко распахнуло «двери» для всех евреев, где бы они не проживали, оставив при этом нерешенной одну из центральных проблем палестинских арабов – создание своего государства.

Роль США в планах сионистов. Билтморская программа (1942 г.)

В ходе Второй мировой войны происходило ослабление позиций Великобритании как на Ближнем Востоке, так и в Палестине. В результате этого лидеры международного сионизма всё больше делали акцент на отношениях с США, где в начале 1940-х годов проживало около 5 млн евреев и насчитывалось 150 тыс. членов сионистских организаций, а в 1948 г. их число возросло до 1 млн человек². В 1942 г. Д. Бен-Гурион, посетив США и почувствовав «пульс великого американского еврейства, пяти миллионов евреев», еще активнее стал выступать за создание еврейского государства в Палестине, куда «надо как можно быстрее переселить миллионы евреев после войны»³. В своих политических устремлениях сионистские лидеры всё больше внимания уделяют США, как ведущей мировой державе. В 1941–1942 гг. Х. Вейцман и руководители сионистского движения проводили переговоры с влиятельными еврейскими организациями США – Американским еврейским комитетом и Комитетом еврейского труда – с целью отмены Белой книги 1939 г. и организации массовой иммиграции в Палестину⁴. Анализируя переориентацию сионистского руководства на США, известный российский исследователь Е.М. Примаков выделял, с одной стороны, прагматизм и стремление сионистов делать ставку на более сильного партнёра с «наибольшими маневренными возможностями на Ближнем Востоке»; а с другой, подчеркивал явные намерения США использовать сионистские интересы в своих целях в этом регионе⁵.

По инициативе Д. Бен-Гуриона с 6 по 11 мая 1942 г. в нью-йоркском отеле «Билтмор» состоялась чрезвычайная конференция с участием 600 делегатов американских, европейских и палестинских сионистских организаций, а также членов Исполнительного комитета – Х. Вейцмана и Д. Бен-Гуриона. На конференции была провозглашена новая программа (Билтморская) политической деятельности сионистского движения. Среди ее основных требований: неограниченная еврейская иммиграция

в Палестину; передача контроля над ней Ерейскому Агентству (ЕА) для абсорбции иммигрантов; создание в Палестине «еврейского сообщества»; требование отмены Белой книги 1939 г. и ряд других. Участники конференции обсудили претензии к английским мандатным властям и приняли резолюцию с требованием превращения Палестины «в еврейское государство, интегрированное в структуру нового демократического мира». В ноябре 1942 г. Билтморская программа была представлена на рассмотрение Исполнительного комитета сионистской организации и утверждена подавляющим большинством голосов⁶. Несмотря на поддержку Билтморской программы, у Х. Вейцмана и Д. Бен-Гуриона существовали некоторые отличия в её трактовке.

Если для Х. Вейцмана программа – это декларация будущих планов сионистов, то вопрос о сроках ее осуществления, с его точки зрения, пока оставался открытым. Создание еврейского государства он считал «делом моральной необходимости и решительным шагом на пути к подлинному освобождению»; но одновременно он настаивал на постепенном решении проблемы. По его мнению, благодаря непрекращающемуся потоку еврейских иммигрантов со временем возникнет еврейское большинство, а затем и его автономия в Палестине⁷. Для Бен-Гуриона, напротив, Билтморская программа означала конец нерешительности и неопределенности в планах сионистов, а их поддержка в Нью-Йорке означала полномочия на немедленное создание государства и переселение сотен тысяч иммигрантов в Палестину в самые кратчайшие сроки⁸.

Внутри американской администрации, в целом поддерживавшей планы сионистов в отношении Палестины, также имелись различные подходы к этой проблеме, характер которых определялся поиском баланса между всеми заинтересованными сторонами. Так, например, президент США Ф.Д. Рузверльт воздержался от официального выражения сочувствия сионистскому движению и планам сионистов в отношении Палестины, полагая, что такой односторонний подход может надолго испортить отношения США с арабскими государствами. В связи с этим американский президент в 1942 г. оставил без ответа обращение к нему 68 сенаторов США, заявивших «о своей решимости оказывать всевозможное

поощрение движению за восстановление евреев в Палестине...», а также не принял в 1944 г. рекомендацию группы сенаторов о том, чтобы потребовать от имени США скорейшего создания в Палестине еврейского государства⁹. По мнению Ф.Д. Рузвелтта, (как он неоднократно подчеркивал), «никакая официальная позиция относительно Палестины не будет выработана без исчерпывающей консультации как с арабами, так и с евреями». Об этом красноречиво свидетельствуют его обещания королю Аравии ибн Сауду в дипломатической переписке (1943–1944 гг.), а также лично (в феврале 1945 г.), о чем президент США счел необходимым проинформировать конгресс. По мнению ряда исследователей, совершенно очевидными оказались намерения правительства США принять в расчет не только сионистские планы в Палестине и учесть собственные долгосрочные государственные интересы (концессии американских нефтяных монополий в Саудовской Аравии и разработки проекта нефтепровода из Аравии в Палестину – И.М.), а также позицию арабских стран по палестинскому вопросу¹⁰.

В апреле 1945 г. после смерти Ф.Д. Рузвелтта президентом США стал Г. Трумэн, который будучи сенатором выступал с резкой критикой Белой книги 1939 г., ограничивавшей еврейскую иммиграцию в Палестину, и в 1944 г. как вице-президент США делал заявления в поддержку еврейского народа, пережившего трагедии Второй мировой войны. Вполне очевидно, что президент Г. Трумэн, выступая за более тесное сотрудничество с сионистами и рассматривая Палестину как своеобразный трамплин для расширения американского влияния на Ближнем Востоке, стремился к комплексному и всестороннему анализу палестинской проблемы. В секретном послании президенту 18 апреля 1945 г. госсекретарь США Эдвард Стеттиниус предостерегал его о том, что «...вопрос о Палестине... включает пункты, касающиеся не только евреев Европы ... это один из компонентов ситуации, сложившейся в регионе, жизненно важном для США...» и далее подчеркивалось, что палестинскую проблему следует рассматривать с величайшей осторожностью, принимая во внимание долгосрочные интересы США. Учитывая эти рекомендации, Г. Трумэн

17 мая 1945 г. в письме королю Трансиордании эмиру Абдаллаху, заверил арабского лидера в том, что американское правительство «... ни в коем случае не намеревается предпринимать какие-либо меры (по Палестине – И.М.) без консультаций с арабами и евреями»¹¹. В результате, несмотря на окончание Второй мировой войны, во второй половине 1940-х годов возникли проблемы выезда евреев из послевоенной Европы, и путь в Палестину к родным берегам оказался долгим и подчас драматичным, который не все смогли преодолеть.

Евреи в Палестине и Европе. Проблема перемещенных лиц

За период между двумя мировыми войнами постепенно увеличивалось еврейское население Палестины: если в 1919 г. оно составляло 9,7%, то в 1925 г. – 16,8%, в 1930 г. – 17,8%, в 1935 г. – 28,6%, в 1940 г. – 31,4% и 35,1% в 1946 г. В августе 1945 г., по данным английской администрации в Палестине, проживало 550 тыс. евреев и 1.200 тыс. арабов¹². Быстрыми темпами развивалось сельское хозяйство в еврейском секторе: с 1939 по 1947 гг. было основано 94 новых сельскохозяйственных поселения (половина – за годы войны), а их общее число достигло 348 с населением в 116 тыс. человек. Только с 1937 по 1943 г. количество евреев, занятых в промышленности, увеличилось вдвое: с 22 до 46 тыс. человек; объем еврейского промышленного производства в стоимостном выражении вырос примерно в пять раз – с 7,9 млн палестинских фунтов в 1937 г. до 37,5 млн. – в 1943 г.¹³

Английская администрация в Палестине стремилась сохранять баланс в отношениях между всеми сторонами и прибегала к тактике лавирования, чтобы не вызывать недовольство арабских стран. Так, например, не оценив позитивных перемен в развитии экономики в еврейском секторе, Верховный комиссар Палестины сэр Х. Мак-Майл еще в начале 1943 г. сделал заявление с обращением к населению Палестины, призвав сворачивать индустриальные предприятия военного периода и повышать жизненный уровень арабского населения. Д. Бен-Гурион и сотрудники ЕА пришли

в негодование, так как арабы практически не принимали участия в военных действиях, а экономика еврейского сектора развивалась для поддержки союзников. Заявление Х. Мак-Майкла сионисты расценили как стремление ограничить возможности ишува в том, что касалось абсорбции иммигрантов. В ответном заявлении от имени ЕА Д. Бен-Гурион подчеркнул: «Наша программа – максимальное развитие страны в области сельского хозяйства, промышленности и морского транспорта для того, чтобы в кратчайший срок подготовиться к более массовой иммиграции ... и при любых обстоятельствах ишув будет делать ставку на “развитие”, а не на “восстановление”»¹⁴.

После окончания Второй мировой войны позиция Великобритании оставалась жесткой по отношению к еврейским беженцам, положение которых в Европе было крайне тяжелым. Некоторое время границы между европейскими странами были открыты, и многие тысячи евреев были разбросаны по Европе: одни находились в лагерях для беженцев в Германии; другие из концлагерей возвращались в Польшу, Чехословакию, Румынию и другие страны, где местное население часто встречало их недоброжелательно и даже враждебно (1946 г. – еврейский погром в г. Кельце, Польша). К лету 1946 г. в Германии находилось около 100 тыс. перемещенных лиц¹⁵. В апреле 1945 г. руководство ЕА направило правительству Великобритании меморандум с требованием немедленного разрешения на въезд в Палестину 100 тыс. евреев из лагерей для перемещенных лиц, а в мае того же года в очередной раз потребовало от англичан предоставления международного займа для «...переселения первого миллиона евреев в Палестину...», и создания условий на международном уровне «...для выезда и транзита всех евреев, которые хотят поселиться в Палестине»¹⁶.

В 1945–46 гг. в дипломатических кругах Европы развернулась борьба за иммиграцию евреев в Палестину: 22 мая 1945 г. ЕА предъявило английскому правительству свою программу (на основе разработанной ранее Билтморской программы), потребовав объявления Палестины еврейским государством. В августе 1945 г. в Лондоне состоялась международная сионистская

конференция, подтвердившая планы ЕА в отношении Палестины. Д. Бен-Гурион, излагая свою позицию новому правительству Великобритании во главе с К. Эттли и выдвигая требования министру по делам колоний Д. Холлу, настаивал на полном суверенитете и немедленном разрешении на въезд в Палестину 100 тыс. евреев из числа перемещенных лиц. В ответ министерство по делам колоний 25 августа 1945 г. предложило компромиссное решение, возмущившее лидеров сионизма: выдать 2 тыс. разрешений, оставшихся от прежней квоты, предусмотренной Белой книгой, и еще добавлять 1400 разрешений ежемесячно при условии согласия арабской стороны¹⁷. После окончания войны позиция Великобритании оставалась неизменной: осенью 1945 г. во время встречи Х. Вейцмана с министром иностранных дел Великобритании Э. Бевиным, последний категорически заявил, что правительство его страны «...продолжит политический курс «Белой книги» (1939 г. – И.М.)»¹⁸.

В 1945 г. усиливается вмешательство США в проблемы еврейской иммиграции. Президент США Г. Трумэн в письме английскому премьер-министру К. Эттли потребовал немедленно допустить в Палестину 100 тыс. евреев из Европы и подчеркнул свою поддержку права евреев на свободную иммиграцию. Выступая в парламенте в ноябре 1945 г. по палестинской проблеме, министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин в очередной раз заявил, что «... Палестина не должна и не в состоянии разрешить проблему еврейских беженцев... евреи должны использовать свои возможности и способности для восстановления и процветания Европы». При этом ссылаясь на «обстановку в Палестине» и игнорируя ноту Г. Трумэна, англичане направили в Палестину дополнительные воинские части, вызвав протест сионистов, прибегнувших к серии террористических актов (налёты на железные дороги; организация беспорядков в Тель-Авиве 2 ноября – в годовщину декларации Бальфура и др.)¹⁹.

Учитывая усиление вооруженного сопротивления английским властям в Палестине, в октябре 1945 г. лейбористское правительство предложило создать совместную англо-американскую комиссию для изучения проблемы еврейских беженцев

и выработке рекомендаций относительно будущего страны. Комиссия посетила лагеря для перемещенных лиц, опубликовав весной 1946 г. отчет с десятью рекомендациями, кратким обзором положения евреев в Европе и анализом состояния дел в Палестине. В отчете Палестина указывалась в качестве места, куда могли бы направиться беженцы; подчеркивалась необходимость продления британского мандата (затем Палестина должна была перейти под юрисдикцию ООН); предлагалось выдать 100 тыс. разрешений на въезд в Палестину; а также отменить Белую книгу и ограничение на передачу земельных участков евреям²⁰. Если арабы с возмущением отвергли отчет комиссии и объявили всеобщую забастовку, то среди евреев существовали разные точки зрения: Д. Бен-Гурион счел отчет дипломатично составленным переизданием Белой книги; часть лидеров американских сионистов осудили решение комиссии как отрицающее еврейские права на создание государства; другие рассматривали отчет как основу для переговоров²¹.

В отличие от Г. Трумэна, удовлетворенного положительным решением вопроса о 100 тыс. евреев из числа перемещенных лиц и отказом от Белой книги, британское правительство было разочаровано выводами комиссии. Э. Бевин, комментируя её итоги, категорически заявил, что для размещения 100 тыс. евреев в Палестине, придется отправить на Ближний Восток еще одну дивизию, потратив на это 200 млн фунтов стерлингов²².

Накануне выборов в конгресс США (октябрь 1946 г.) президент вновь выступил с заявлением, поддержав предложение ЕА о разделе Палестины и потребовав от Англии разрешения для иммиграции 100 тыс. евреев. Позиция Г. Трумэна вызвала резкую критику в арабском мире. Король Саудовской Аравии Ибн-Сауд сделал официальное заявление главе американской администрации. Балансируя между поддержкой сионистов и нежеланием настроить против себя арабов, в ответном заявлении королю Г. Трумэн пообещал, что его поддержку идеи создания еврейского государства в Палестине «... нельзя ... истолковывать как акцию, враждебную арабскому народу». Вместе с тем, по оценкам ряда исследователей, ответ президента США Г. Трумэна расценивался

сионистами как американское «историческое обязательство в отношении будущего еврейского отечества»²³.

В декабре 1946 г. в г. Базеле (Швейцария) проходил первый послевоенный XXII сионистский конгресс с участием представителей двух основных групп – делегаций Палестины и Америки (40% избирателей, принявших участие в выборах делегатов на конгресс, были из США, поэтому американская делегация оказалась более многочисленной). По мнению участников, конгресс являл собой печальное зрелище и «... был похож на сбор семьи в глубоком трауре, оплакивающей бесчисленные утраты, но сплотившейся, несмотря на великое горе...»²⁴.

В ожесточенных дискуссиях участников прослеживались два основных подхода: один – умеренный, которого придерживались в основном европейские сионисты во главе с Х. Вейцманом и другой – сторонники которого выступали за усиление атак на британские власти в Палестине. Большинством голосов делегаты не переизбрали Х. Вейцмана на пост президента ВСО, оставив эту должность вакантной²⁵. Несмотря на то, что в политических резолюциях XXII конгресса в очередной раз подтверждалось требование о создании еврейского государства: «... ворота Палестины должны быть открыты для еврейской иммиграции», и особая роль по контролю над ней отводилась ЕА, наделенной властью для возрождения страны; проблема въезда в Палестину оставалась крайне проблематичной из-за сопротивления английских властей.

Хроника еврейской иммиграции в Палестину (1945–1948 гг.)

В послевоенной Европе постоянно нарастал поток еврейских беженцев, размещенных в лагеря для перемещенных лиц. Сионистскому руководству в ходе переговоров с Великобританией не удавалось добиться ожидаемого прогресса. Англичане придерживались графика: в течение одного месяца в Палестину могли прибывать 1500 евреев (из числа которых вычитались нелегальные иммигранты). Эти меры привели к сокращению иммиграции: если в 1944 г. в Палестину въехало 14500 евреев,

то в 1945 г. – 13000. Хотя в 1946 г. англичане увеличили количество въезжавших до 18 тыс. человек в год, в лагерях для перемещенных лиц находились десятки тысяч измученных евреев, стремившихся любой ценой достичь берегов Палестины. Политика английских властей дала импульс к организации масштабной нелегальной иммиграции, связанной с огромными трудностями и риском для жизни людей.

Если первоначально проблемами нелегальной иммиграции занимались члены сионистских молодежных движений в Восточное Европе, развернувшие активную работу в лагерях для перемещенных лиц, то в дальнейшем переход евреев из Европы (под названием Алия Бет) проводился под эгидой ЕА и контролем Хаганы. Путь в Палестину требовал огромного мужества, терпения и воли как от организаторов, так и от нелегальных иммигрантов. Тщательно и скрупулезно разрабатывались маршруты; осуществлялась доставка транспорта; обеспечение питанием, одеждой и т. д.

Осенью 1945 г. первые сотни беженцев, вывезенные на грузовиках из лагерей американской зоны оккупации, прибывали к французской границе, а затем пешком переходили через горы, добираясь до французских и итальянских портов. В г. Милане (Италия) и г. Марселе (Франция) находились центры по координации и организации всех действий на каждом этапе. К началу 1946 г. ежемесячно перевозилось уже по тысяче и более иммигрантов. Переброской из одного транзитного пункта в другой руководили десятки палестинских евреев, в качестве связных им нередко помогали сами перемещенные лица. В 1946 г. основной маршрут начал проходить через Италию, где береговая линия и глубокие бухты были идеально приспособлены для погрузки и разгрузки²⁶.

Активная деятельность по приему беженцев велась и в Палестине. В 1945 г. нелегальная иммиграция постепенно набирала силу: летом на двух пароходах, приобретенных в Италии, за два рейса было перевезено 500 человек; в ноябре пароход «Берл Кацнельсон» доставил 200 человек; еще 8 кораблей высадили на палестинский берег более 1000 человек. Вместе с тем англичане, овладев ситуацией, в конце 1945 г. обнаружили 900 беженцев на корабле

«Энцо Серени» и перевезли их в Хайфу, отправив в январе 1946 г. в лагерь для перемещенных лиц в Атлите и конфисковав корабль²⁷. В этот период палестинское побережье блокировалось британскими судами и войсками (всего на территории Палестины в 1947–48 гг. находилось 80 тыс. английских солдат), но первые пароходы сумели прийти незамеченными, высадив на берег осенью 1945–зимой 1946 г. 4 тыс. беженцев. Однако уже в начале 1946 г. английская блокада усилилась: у берегов курсировали военные суда; строже стал контроль в европейских портах Средиземноморья и, если из Италии отправлялись пароходы с беженцами, англичане осуществляли их перехват в водах Палестины. В первой половине 1946 г. большинство кораблей: «Уингейт» (250 беженцев), «Тель Хай» (736), «Макс Нордау» (1754 – среди них 200 детей), «Хавива Райк» (460), достигнув Палестины были перевезены в Хайфу и отправлены в лагерь в Атлите.

Измученные беженцы (1014 человек), стремившиеся всеми силами попасть в Палестину из Италии на корабле «Федэ», были вынуждены объявить голодовку из-за отказа итальянских властей разрешить им выход в море. В результате власти уступили, и дополнительный корабль «Фениче» взял на борт часть пассажиров: оба корабля в мае 1946 г. сумели успешно добраться до Палестины.

В августе 1946 г. англичане выдвинули еще более жесткое требование: отправка нелегальных иммигрантов в лагеря на о. Кипр в связи с тем, что лагерь Атлит был переполнен. Построенный еще в конце 1930-х гг. рядом с г. Хайфа лагерь Атлит английские власти открыли в январе 1940 года, затягивая пребывание в нем иммигрантов до двух лет. В середине 1946 г. англичане категорически заявили, что будут высыпать нелегальных иммигрантов в лагеря на о. Кипр и содержать их там «до тех пор, пока не примут решение об их участии»²⁸.

Беженцев, прибывавших из Европы, насилино пересаживали на тюремные корабли и доставляли на о. Кипр, где они находились в невыносимых условиях (жара, недостаток воды и еды, неприспособленные помещения, отсутствие гигиены и т. д.)²⁹. Несмотря на опасность и тяжелые условия, нелегальная иммиграция

постоянно увеличивалась. В ноябре–декабре 1946 г. на корабле «Кнессет Исраэль» 3845 румынских и венгерских евреев, прибывших в Палестину, были интернированы на Кипр. Та же участь постигла корабль «Рафиах» с 800 пассажирами на борту.

С лета 1945 до зимы 1947 года из лагерей перемещенных лиц в Европе в Палестину прибыло около 70 тыс. евреев³⁰. Выжившие в годы Холокоста, лишенные всего и измученные до предела, они всеми силами стремились только в Палестину, несмотря на жесточайшую блокаду и пребывание в лагерях, простоявших на Кипре до февраля 1949 г., куда англичане интернировали 52 тыс. беженцев. В 1947 г., несмотря на всевозможные преграды с целью перекрыть пути к палестинским берегам, начался новый поток иммигрантов. Из болгарского порта Бургас 4000 румынских евреев на двух кораблях прибыли в Хайфу в сопровождении британского миноносца и без промедления были отправлены в лагеря для перемещенных лиц на Кипр. 15 тысяч беженцев из Румынии, а также из Польши, Венгрии, СССР и других стран на специальных поездах прибывали в порт Бургас для отъезда в Палестину. Великобритания, используя все средства, чтобы предотвратить нелегальную иммиграцию, распространила слухи о подрывной советской акции: засылка 10 тыс. евреев-коммунистов в Палестину. Подобная информации, насторожив влиятельных лиц в американской администрации, вызвала негативную реакцию Вашингтона и требование отмены отплытия кораблей с беженцами. ЕА, опасаясь ухудшения отношений с США (вопрос о разделе Палестины в 1947 г. рассматривался в ООН), пошло на компромисс с англичанами, согласившись на лагеря на Кипре вместо Палестины. Сразу же после образования Государства Израиль, в июне 1948 г. за несколько рейсов в Израиль с Кипра было доставлено 25 тыс. человек³¹.

Среди наиболее драматичных эпизодов нелегальной иммиграции – трагедия 4500 пассажиров корабля «Эксодус – 1947», среди которых были беременные женщины, младенцы, старики, дети. Корабль «Эксодус – 1947» был атакован британскими миноносцами и солдатами морской пехоты и прибыл в Хайфу, где беженцев, пересадив на три британских корабля, вместо Кипра привезли

вновь к берегам Франции в порт г. Марселя. Несмотря на невыносимые условия (теснота, жара, духота, отсутствие воды, еды, лекарств и т. д.), даже беременные женщины отказались сойти на берег. Более трех недель англичане пытались сломить сопротивление беженцев (из 4500 человек лишь около 100 добровольно покинули корабль). События с «Эксодусом» получили широкий международный резонанс, но англичане не уступали и отправили беженцев под конвоем военных кораблей в Западную Германию в г. Гамбург. Позднее по поддельным документам 2000 пассажиров «Эксодуса» вывезли в Палестину, а остальные приехали в сентябре 1948 г. Вспоминая эти трагические события, один из руководителей нелегальной иммиграции (точку зрения которого разделяли всего его соратники) подчеркнул, что победу одержала «...еврейская мать, предпочтя роды на корабле и ее стремление, чтобы ребенок стал израильтянином. ... Решение ООН о создании еврейского государства было во многом результатом непреклонной воли четырех с половиной тысяч человек, сказавших: “Мы не сойдем на чужой берег”»³².

В конце 1940-х годов на международной арене шла напряженная борьба за создание Государства Израиль и решение палестинской проблемы. Британское правительство, осознавая невозможность найти приемлемое решение для арабов и евреев, в феврале 1947 г. обратилось в ООН для урегулирования ситуации. Выступая на пленарном заседании ГА ООН 14 мая 1947 г., советский представитель А.А. Громуко особо подчеркнул, что необходимость учитывать бедствия, горе и страдания еврейского народа во второй мировой войне при решении вопроса о создании еврейского государства «... сотни тысяч евреев бродят ... по Европе в поисках средств существования и убежища ... будет несправедливо отказать еврейскому народу в этом праве [на создание государства – И.М.]»³³.

По мнению израильского исследователя Й. Говрина, позицию СССР в этот период отличали два новых принципа: признание связи еврейского народа с Палестиной и его права на создание на ее территории собственного независимого государства, которое

смогло бы абсорбировать десятки тысяч беженцев из числа евреев, выживших во время катастрофы³⁴.

Согласно резолюции 181/II, принятой на II сессии ГА ООН 29 ноября 1947 г., еврейскому государству отводилось 14,1 тыс. кв. км – 56% территории Палестины, на которой должны проживать 995 тыс. человек: 498 тыс. евреев и 497 тыс. арабов (включая 90 тыс. арабов-бедуинов); арабскому государству – 11,1 тыс. кв. км, т. е. 43% территории страны с населением 735 тыс. человек: 725 тыс. арабов и 10 тыс. евреев. Иерусалим и его окрестности (1% территории, население 205 тыс. человек – 100 тыс. евреев и 105 тыс. арабов) выделялись в специальную зону с международным статусом. В соответствии с резолюцией 181/II из Палестины к 1 августа 1948 г. английские войска необходимо было вывести, и срок английского мандата заканчивался³⁵.

В конце 1940-х годов в результате «необъявленной войны» и террористических операций против мирных жителей с целью массового изгнания арабов (апрель 1948 г. – резня в арабской деревне Дейр Ясин и гибель 254 человек), в течение ноября 1947 г. – мая 1948 г. около 400 тысяч палестинских арабов стали беженцами, а в итоге войны 1948–1949 гг. их численность превысила 800 тыс. человек³⁶.

Создание Государства Израиль 14 мая 1948 г. и трагедия палестинских арабов, лишенных своей территории и своего государства, привели к многолетнему израильско-палестинскому конфликту, в котором противоборствующие стороны, по мнению российского исследователя И.Д. Звягельской, «не склонны идти на уступки по вопросам, которые ... относятся к проблеме выживания и сохранения их народов, их уникальной культуры»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней. т. 1. М.: Книжники. 2011, с. 341.
2. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). – Симферополь – Киев: Издательство «Доля», 2011, с. 169.

И. В. Масюкова

3. Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней, т. 1, М.: Книжники, 2011, с. 328.
4. Батенко А.В., Близняков Р.А., Малышев Д.А., Щевелев С.С. История Палестины (1897–2009 гг.). – Симферополь – Киев: Издательство «Доля», 2011, с. 169.
5. Примаков Е.М. Ближневосточный конфликт // Международные конфликты. М., Международные отношения. 1972, с. 127.
6. См. подробнее: Очерки по истории еврейского народа. Под ред. Эттингера С.. Издательство Ам Овед, Тель-Авив. 1972, с. 724–725; Hurewitz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record, 1914–1956, vol. II, New York, 1957, p. 234.
7. Weizman C. Palectine's Role in the Solution of the Jewish Problem // Foreign Affairs, 1942, vol. 20, № 2, January, p. 28.
8. Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней, т. 1, М.: Книжники, 2011, с. 329.
9. Луцкий В.В. Палестинская проблема, М., 1946, с. 20; Дмитриев Е. Палестинская трагедия. М., Международные отношения, 1986, с. 18.
10. Новейшая история арабских стран Азии (1917–1935), М., Наука, ГВРЛ, 1988, с. 219; Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Под ред. Колобова О.А., Н. Новгород, 2008, т. 1, часть 1, с. 45.
11. Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства 1948–2014. ИВ РАН. М.: Аспект Пресс, 2015, с. 4; Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Под ред. Колобова О.А., Н. Новгород, 2008, т. 1, часть 1, с. 45.
12. The End of the Palestine Mandate. Ed. by Louis W.R., Stookey R.W. Modern Middle East. Series № 12. University of Texas Press, Austin, 1986, p. 7, 105.
13. Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней, т. 1, М.: Книжники, 2011, с. 330.
14. Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней, т. 1, М.: Книжники, 2011, с. 330–331.
15. Очерки по истории еврейского народа. Под ред. Эттингера С. Издательство Ам. Овед, Тель-Авив, 1972. с. 729; Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней, т. 1, М.: Книжники, 2011, с. 336.
16. Истоки и история проблемы Палестины. Часть I. 1917–1947. Нью-Йорк: ООН, 1979, с. 79.
17. Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней, т. 1, М.: Книжники, 2011, с. 337–338.
18. Лакер В. История сионизма. – М.: Крон-Пресс, 2000, с. 795–796.
19. История еврейского народа. Под редакц. Эттингера С. Изд. Ам Овед, Тель-Авив, 1972, с. 730–731; Новейшая история арабских стран Азии (1917–1985), М.: Наука, ГРВЛ, 1988, с. 219.
20. Лакер В. История сионизма. – М.: Крон-Пресс, 2000, с. 802–803.
21. Horowitz D. State in the Making, New York, 1953, p. 94.
22. Лакер В. История сионизма. – М.: Крон-Пресс, 2000, с. 804.

Британская политика по вопросу еврейской иммиграции в Палестину в 1945–1948 гг.

23. Manuel F.E. The Realities of American-Palestine Relations. Wash., 1949, p. 328.
24. Меир Г. Моя жизнь. Автобиография. Библиотека-Алия. Кн. 1, 1990, с. 223.
25. Лакер В. История сионизма. – М.: Крон-Пресс, 2000, с. 808–810.
26. Сакер Г. История Израиля: от зарождения сионизма до наших дней, т. 1, М.: Книжники, 2011, с. 361–362.
27. Кандель Ф. Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец-Израэль. 1918–1948. М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2008. с. 248–249.
28. Кандель Ф. Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец-Израэль. 1918–1948. М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2008. с. 250–252.
29. Электронный ресурс – <http://ivar59.livejournal.com/579718.html>/Ад в раю! История британских концлагерей на Кипре! Режим доступа: 23.10.2017.
30. Меир Г. Моя жизнь. Библиотека-Алия, кн. 1, 1990, Иерусалим, с. 213.
31. Кандель Ф. Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец-Израэль. 1918–1948. М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2008. с. 255.
32. Кандель Ф. Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец-Израэль. 1918–1948. М. – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2008. с. 286.
33. Ro I Y. From Encroachment to Involvement. New York: John Wiley 1974, p. 38–39.
34. Говрин Й. Израильско-советские отношения (1953–1967). М.: Прогресс, 1994, с. 10.
35. «ООН. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Резолюция 16 сентября – 29 ноября 1947 г.», Нью-Йорк, 1947. Резолюция № 181, с. 72–82; Агапов М.Г. Еврейско-палестинское сообщество в советской ближневосточной политике в 1939–1948 гг. Тюмень, «Вектор Бук», 2012, с. 214.
36. Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. М.: ИВ РАН, 2005, с. 79.
37. Звягельская И. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс. 2014, с. 140.

Н.А. Семенченко

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ДВУНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

Арабо-израильский конфликт – один из самых затяжных конфликтов современности. После принятия резолюции 181/II ГА ООН (1949 г.) о разделе Палестины и создания Государства Израиль он проявился в полном масштабе. Конфликт проходил разные этапы напряженности. Пик напряженности была Шестидневная война 1967 г. После признания ООП законным представителем палестинского народа и подписанием мирного договора между Израилем и Египтом, а затем Израилем и Иорданией конфликт трансформировался в палестино-израильский конфликт. Т.е. он принял свой первоначальный формат: конфликт между Иешувом – еврейской общиной Палестины – и арабо-палестинским населением этой территории.

Возникновение конфликта между двумя общинами было предсказуемым и закономерным. В начале XX века невозможно было прогнозировать, каково будет развитие событий в мире, и в том числе на Ближнем Востоке, но столкновения между интересами прибывающих иммигрантов и местного населения уже набирали обороты. В самой Палестине среди политических лидеров еще не созрели конкретные планы в отношении её будущего. Общая цель одних сионистских лидеров была создание «национального очага», других – независимого государства. Для достижения этой цели в любой ее формулировке необходима была массовая иммиграция евреев и приобретение земельных территорий. Практическая реализация этой цели не могла не вызывать сопротивление со стороны палестинского населения и его лидеров.

У деятелей еврейской общины не было единого мнения по отношению к арабскому населению. Одни занимали жесткую позицию, другие, составлявшие большинство, занимали более умеренную позицию. Но лишь немногие думали о поиске путей предотвращения обострения напряженности и создания основы для совместного существования. Сторонником одного из таких путей был Артур Руппин, глава поселенческого департамента в ВСО, который ратовал за признание равных с евреями прав арабов на территорию Палестины/Эрец-Исраэль. Более того, А. Руппин указывал на необходимость помочь арабам достичь экономическое развитие равное еврейскому, что послужит основой для политического равноправия и гармонии между двумя народами.

XIV сионистский конгресс состоялся в Вене в 1925 г. после кровавых столкновений, спровоцированных арабами в ходе Первомайской демонстрации еврейских рабочих в Тель-Авиве в 1921 г. Реакция мандатных властей, ограничивающих еврейскую иммиграцию в связи этими событиями, вызывало недовольство среди еврейской общины и руководителей Ишува.

На конгрессе впервые участвовала ревизионистская партия в качестве отдельной фракции ВСО. Лидер партии З. Жаботинский, который придерживался жёстко максималистских взглядов, резко выступил против умеренной, по его мнению, политической линии руководства ВСО и призвал к жёсткой политике как по отношению к Великобритании, так и по отношению к местным арабам. Он выдвинул требование к британской администрации создать еврейские вооружённые батальоны.

Против жёсткого подхода Жаботинского выступили глава ВСО Х. Вейцман и А. Руппин. Их поддержали представители европейских отделений ВСО, вдохновлённые немецкими сионистами, которые придерживались леволиберальных идей.

На конгрессе не были приняты решения по этим вопросам. Но, вместе с тем, он стал началом открытого противостояния между двумя подходами к решению палестинского вопроса. Вопрос о взаимоотношении с палестинцами становился все более актуальным.

15 и 17 ноября того же года у Руппина дома состоялись встречи, на которых был создан комитет по подготовке ассоциации, которая

должна была функционировать как «свободное объединение для создания взаимопонимания между евреями и арабами». Было решено, что основной программы ассоциации будет стремление реализовать национальный очаг в Палестине/Эрец-Исраэль в рамках бинационального государства на основе полного равноправия евреев и арабов независимо от их численности. Учредительное собрание ассоциации, получившей название «Брит шалом» (Мирный союз), состоялось 30 ноября 1925 г. в Иерусалиме. Возглавил ее Артур Руппин¹.

Среди основателей ассоциации были писатель Рабби Биньямин, философ Шмуэль Хуго Бергман и другие. Позже присоединились Гершом Шолем и доктор Ханс Кохен. Основной состав «Брит Шалом» был ограничен сравнительно узким кругом интеллектуалов. Всего в ассоциации насчитывалось около 200 человек, при том что еврейская община в Палестине насчитывала 108 тысяч – в 1925 году, и 400 тысяч – в 1936 году.

Как представляется, резкое выступление З. Жаботинского на конгрессе с одной стороны, и тот факт, что большинство делегатов не дало отпор его требованиям, подтолкнуло группу европейских сионистов к созданию этой ассоциации.

А. Кидар, один из немногих израильских учёных, которые исследовали историю ассоциации «Брит Шалом», указывает на то, что среди основателей и членов ассоциации выделялись интеллектуалы, выходцы из Центральной Европы и Германии, в частности, во главе с А. Руппиным. А. Кидар подчёркивает, что идеи созданной ассоциации имели большой резонанс в Германии².

Проф. Х. Лавски из Института им. Трумана в Иерусалимском университете, которая изучала историю сионизма в Германии, пришла к выводу, что идея бинационального государства витала среди немецких сионистов за долго до создания «Брит Шалом»³.

Основоположниками этой идеи считались Мартин Бубер⁴, Роберт Уэлч, Ханс Кон и Хьюго Бергманн. Они были последователями Ахада Хаама и подчёркивали духовную важность еврейского национального дома и влияние сионизма на обновление людей. Их кредо уже было сформулировано к 1921 году: «Палестина не может быть национальным государством не только

потому, что это не шаг вперед, но и потому, что это невыполнимо. Она должна быть бинациональной, а не Эрец Исаэль». (Письмо Х. Кона к Ветлу от 1921 года)⁵.

Первоочередная задача ассоциации, была убедить лидеров сионистского движения, жителей Ишува, а также власти Британского мандата принять модель бинационального государства (с равными политическими правами для евреев и арабов) как единственный возможный ненасильственный путь решения арабо-еврейского конфликта⁶.

Среди активистов ассоциации были еврейские интеллектуалы, многие из которых являлись преподавателями новообразованного Иерусалимского Университета⁷. В дискуссиях о еврейско-арабских отношениях, устраиваемых этой организацией, принимали участие такие деятели ишува, как Генриетта Сольд, Меир Дизенгоф, Давид Елин, Давид Бен-Гурион, Иосеф Шпринцак и Берл Кацнельсон⁸.

В 1927–1933 гг. «Брит Шалом» выпускала свой журнал на иврите «Шеифатену» («Наше устремление»), в котором отставала идеи двунационализма как выход из затянувшегося арабо-еврейского противостояния.

Некоторые сионисты видели в идее двунационализма ценностный постулат, другие усмотрели в ней тактическую меру или временный этап на пути создания национального еврейского государства, пока евреев в Палестине было численно меньше, чем арабов. Все то время, пока бинационалисты говорили о необходимости еврейского большинства в составе населения или паритетности в органах власти, они не выходили за рамки сионистского консенсуса. Лишь после того, как они заменили термин «большинство» на «значительное число» или начали использовать другие формулировки, наступил разрыв между ними и подавляющим большинством приверженцев сионистского движения⁹.

Набиравший силу процесс отчуждения оставил ассоциацию на периферии политической и социальной системы. Это в дальнейшем усилило негативное отношение населения к ней, особенно после того, как члены ассоциации переложили определенную ответственность за столкновениями между арабами и евреями

на сионистское движение. Они обвиняли сионистских лидеров в полном игнорировании разрыва между интересами евреев и арабов и в отказе умерить свои запросы, что могло бы устраниć преграду, препятствующую совместному существованию евреев и арабов в единой объединённой Палестине¹⁰.

Ассоциация существовала около восьми лет, но в действительности функционировала не более шести лет. «Брит Шалом» прекратила своё существование к середине 1930-х гг., когда из него стали выходить некоторые видные деятели. В 1929 году с началом еврейских погромов в Хевроне, ассоциацию покинул её основатель Артур Руппин, убедившийся в неготовности арабов строить вместе с евреями общее государство.

Распад ассоциации, ведущие члены которой продолжали занимать активную позицию, сопровождался едкими обвинениями и контробвинениями со стороны сионистского истеблишмента. Самые жесткие критики обвиняли «Брит Шалом» в антисионизме, пораженчестве и даже в потворстве интересам врагов. Толерантные оппоненты называли членов ассоциации неизлечимыми утопистами, которые продолжают придерживаться своих рекомендаций, даже после того, что факты указывают на то, что они не правы. Однако, и те, и другие критики считали, что серьезная опасность «Брит Шалом» состоит не в её компромиссном настрое, а в том, что из-за нее не существует консенсуса среди еврейской общины Палестины, а также в том, что она публично критикует избранное руководства общины¹¹.

Конфликт между сионистским руководством и «бинационалистами» породил среди населения такой негатив в отношении малейшего намёка на компромисс и на сдерживание от применения силы, что некоторые новые группы, созданные в течение последующих лет, как например, недолго просуществовавшая организация «Кадима мизраха» («Вперед на Восток») и Лига за еврейско-арабское сближение и сотрудничество, вынуждены были приложить большие усилия с тем, чтобы их не сравнивали с «Брит Шалом». Им необходимо было подчеркивать свою лояльность к политическому руководству Ишува. Вместе с тем, во второй половине 1930-х и начале 1940-х годов, когда арабо-еврейский

конфликт развернулся в полную силу, обе эти организации, пришедшие на смену «Брит Шалом», подчеркивали то преимущество, которое могло бы дать культурное и экономическое сотрудничество между двумя народами Палестины. Хотя они звучали гораздо менее резко, чем их предшественники, они не смогли освободиться от клейма «врага нации». И остались на обочине политической системы без какой-либо возможности стать значительным влиятельным фактором¹². В 1945 году, когда в Палестине началась борьба против мандатных властей за обретение независимости, которую евреи понимали как борьбу за обретение своего национального государства, против чего выступали арабы, Лига распалась.

Параллельно с Лигой за еврейско-арабское сотрудничество в Палестине существовала организация «Ихуд» («Единство»). И.Л. Магнес¹³ – президент Иерусалимского университета – был активным сторонником «Брит Шалом», но не был среди ее членов. После распада ассоциации он стремился к созданию новой организации, в рамках которой могли бы найти свое выражение его пацифистские идеи. В 1942 году она была создана под названием «Ихуд», ее фактическими лидерами были И.Л. Магнес и прибывший в Палестину в 1938 году философ Мартин Бубер.

Мартин Бубер, один из сторонников идеи арабо-еврейского содружества, писал в 1939 году Махатме Ганди: «Наши поселенцы не приходят сюда (в Палестину. – Р.С.) точно колонизаторы с Запада, чтобы заставить работать на себя местных жителей; они сами налегают на плуг, они вкладывают силу, свою кровь в то, чтобы земля эта стала плодородной. Но мы желаем плодородия ее не только для себя. Еврейские крестьяне начали учить своих братьев, арабских крестьян, более интенсивной обработке земли; мы хотим и дальше помогать им: вместе с ними хотим мы обрабатывать эту землю»¹⁴.

Новую организацию поддержала небольшая группа интеллектуалов, среди них Эрнест Симон и Моше Смилянский. К ней присоединилась и Генриетта Сольд – основательница «Организации сионистских женщин» ВИЦО в США. Они со своей стороны

готовы были распространять идеи Магнеса среди населения, но не в рамках политической партии.

Позиция И. Магнеса претерпевала поэтапную трансформацию. Вначале он был сторонником статуса автономного национального меньшинства в Палестине, затем под сильным давлением системного сионизма и особенно под влиянием Холокоста, он поддержал идею численного равенства еврейского и арабского населения и равное представительство в институтах власти. Однако, когда обострились отношения между двумя народами, он начал придерживаться идеи двунационального государства¹⁵. И. Магнес опасался перманентной войны, которая начнётся после создания еврейского государства.

Ассоциация «Ихуд» собрала всех тех еврейских интеллектуалов, которые находились в смятении после арабского восстания 1936–1939 гг., когда возможность создания бинационального государства, казалось, была уже похоронена. Они пытались совместно найти путь к достижению взаимопонимания между двумя народами. В 1943 году было даже заключено соглашение, подписанное иерусалимским юристом, известным арабским политическим деятелем Омаром Джалилем Баргути с одной стороны и сионистскими деятелями – Н.М. Кальварийским, А. Коэном и И. Магнесом – с другой. Это соглашение предлагало создать в Палестине бинациональное государство, в котором предусматривалось равное представительство двух народов в исполнительных и законодательных органах, равные права арабов и евреев во всех областях – экономической, социальной, культурной. Однако через два года, в 1945 году, Еврейское Агентство отвергло это соглашение¹⁶.

Можно предположить, считает проф. И. Звягельская, что выдвижение идеи двунационального государства было продиктовано тем, что в начале 1920-х годов появление в будущем независимого еврейского государства выглядело крайне маловероятным. В то же время призывы «Ихуд» найти общий язык с арабами... не были добросовестным заблуждением, а скорее наивной верой в возможность нормального сосуществования¹⁷.

Отношение к «Ихуд» среди населения было более терпимым, чем отношение к «Брит Шалом». Во-первых, некоторые из членов

группы уже были признаны политическими диссидентами, известными своими позициями. Вторая причина заключалась в том, что в 1940-х обострилось ощущение того, что ситуация в Палестине достигла решающей стадии. Борьба развернулась между заинтересованными державами, между Ишувом и арабской стороной, между Ишувом и мандатными властями. Значительно обострились идеологические и политические противоречия в самом сионистском движении.

9–12 мая 1942 г. в Нью-Йорке была принята Билтморская программа. Пункт 8 Программы содержал требование отмены всех ограничений на еврейскую иммиграцию в Палестину и провозглашал: «Палестина должна стать еврейским сообществом, интегрированным в структуру нового демократического мира». Узкий исполком ВСО и сионистская администрация, которые во время Второй мировой войны состояли из представителей Ишчува, утвердили программу Билтмора. Однако в Ишуве были разные политические силы, которые не соглашались с этой Программой. К ним относятся ревизионисты во главе с последователями Жаботинского, выходцы из Германии и Австрии, которые создали партию под названием «Новая алия» («Алия Хадаша»)¹⁸, Коалиция во главе с Х. Кальварийским, которая была создана в начале лета 1942 г. крайне-левой фракцией «Хашомер хацаир» и Лигой еврейско-арабского сотрудничества. Из-за их оппозиции к Билтморской программе Еврейское Агентство прекратило сотрудничество с левыми партиями «Хашомер Хацаир» и «Алия Хадаша».

Группа «Ихуд» также выступила против программы. Более того, сторонники Программы Билтмора с опаской отнеслись к позиции «Ихуд», поскольку и у И. Магнеса, и у Генриетты Сольд были тесные связи с американским еврейством, и они могли бы повлиять на мнение американцев «не в нужном направлении». В сионистском исполкоме высказывались даже за исключение Магнеса из ВСО.

Опасения не были беспочвенными. В то время как лидеры политического сионизма (как представители рабочего движения, так и ревизионисты) видели главную цель сионизма в овладении возможно большим количеством земель и создании на них

инфраструктуры будущего еврейского государства, активисты «Брит шалом» и «Ихуд», значительная часть которых была из Иерусалимского университета, видели воплощение в жизнь национальной идеи не столько в овладении землями, сколько в превращении Эрец-Исраэль в центр духовной жизни всего еврейского народа¹⁹.

В условиях жесткой конкуренции «центров влияния» (национальные учреждения, органы власти мандата, мировое еврейство) для лидеров общины было особенно важным признание руководимых ими структур (Федерации профсоюзов, исполкома Еврейского агентства, Собрания представителей и т. д.) в качестве единственных легитимных представителей еврейских жителей Палестины/Эрец-Исраэль. Именно в подобной легитимации отказывали Д. Бен-Гуриону и его сподвижникам ведущие гуманитарии Еврейского университета, поддерживавшие самостоятельные отношения как с мандатными властями, так и с представителями зарубежных еврейских организаций сионистской и несионистской ориентации. Во многом именно подобное нежелание иерусалимской профессуры считаться с политическими интересами руководства еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль объясняет ту напряжённость и даже отчуждение, которые существовали в отношениях между ними²⁰.

Однако разъяснительная стратегия группы «Ихуд» не была успешной, и не вызвала никакой общественной реакции ни в Палестине, ни за ее пределами. Несмотря на большие усилия, особенно в Сирии, как передвойной, так и в её ходе посланникам «Ихуд» и Лиги не удалось получить положительную реакцию со стороны какой-либо арабской партии или власти на их бинациональную концепцию. Британская администрация так же не проявила особый интерес к этой идее.

«Ихуд» не был единственной организацией, которая выступала против курса Бен-Гуриона в целом. Наряду с Лигой за еврейско-арабское сотрудничество, подход, который отстаивали бинационалисты, разделяли некоторые левые социал-сионистские партии, например, Хашомер Хацаир и примыкавшая к ней Федерация кибуцев. Идея бинационального государства также поддерживала

партия МАПАМ²¹. Подобные же цели преследовала Коммунистическая партия Палестины, выступавшая под коммунистическими лозунгами, придерживаясь парадигмы революционного интернационализма. Поэтому лозунг «единой Палестины для двух народов» разделяли не только «Брит Шалом», а затем «Ихуд», как считает ряд исследователей, но и другие игроки политического пространства Ишува, которые, пусть и с определёнными оговорками, но готовы были видеть такой исход событий, чтобы прийти не к разделу страны, а к созданию двунационального государства²².

Выступая от имени «Ихуд» перед англо-американской комиссией по Ближнему Востоку, И. Магнес отметил, что «наш подход основан на двух допущениях: во-первых, сотрудничество между евреями и арабами необходимо; и, во-вторых, альтернатива такому сотрудничеству борьба и кровопролитие ...». После резкого выступления Магнесса усилилась критика в его адрес, а сионистская пресса в США назвала его предателем.

Всеобщее отрицание бинациональной концепции, принятие Плана Раздела Палестины и начало войны за независимость обрекли членов группы на бессилие. Их полный провал вынудил их отстраниться от остального общества. И. Магнес был вынужден признать поражение своего политического пути, но до конца своих дней он верил, что конфедерация двух народов возможна²³. Ассоциация постепенно прекратила своё существование, хотя то негативное впечатление, которое она оставила после себя, так никогда и не развеялось²⁴.

«Брит шалом» является одной из первых организаций, которые считаются основоположниками пацифистской деятельности в Израиле. «Ихуд» как бы приняла от нее эстафету. Отношение общества в тот период к этим организациям в немалой степени повлияло на его отношение в более поздний период к любым пацифистским, миротворческим и «левым» организациям.

Оказавшись маргинальной, тем не менее, сама бинациональная идея как проект дожила до XXI века. Пусть и утопическая идея двунационального государства не нашла отклика у большинства евреев и арабов, тем не менее сам факт появления группы сторонников арабо-еврейского сотрудничества, готовых поступиться

национальными интересами своих народов, говорит о том, что это являлось поиском решения проблемы противостояния между общинами, пусть и безрезультатным²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Артур Руппин по специальности был учёным социологом и демографом.
2. Кидар А. Летолдотеа шел «брит Шалом» башаним 1925–1928 (К истории «Брит Шалом» в 1925–1928 гг.) // Пиркей меҳкар бетолдот хационут (Главы в истории сионизма) Иерусалим. 1981. С. 224–285. Цитат. по Лабовски Х. Ционей Германия верешита шел «Брит Шалом» (Сионисты Германии и истоки ассоциации «Брит Шалом») <http://lib.cet.ac.il/pages/item.asp?item=19128>
3. Лабовски Х. Ционей Германия верешита шел «Брит Шалом» (Сионисты Германии и истоки ассоциации «Брит Шалом») <http://lib.cet.ac.il/pages/item.asp?item=19128>
4. Профессор Мартин Бубер (1878–1965) – крупнейший еврейский философ XX века, первый президент Национальной академии наук Израиля.
5. Isseroff Ami. Brit Shalom Definition // Zionism and Israel – Encyclopedic Dictionary. http://www.zionism-israel.com/dic/Brit_Shalom.htm
6. Herman T. From Peace Covenant till Peace Now: The Pragmatic Pacifism of Israeli Peace Camp in Comparative Perspective. Abstract of Doctoral Dissertation. 1992. С.XXII
7. Университет был основан в 1918 и открытый в 1925 году
8. КЕЭ, том: 1 + Доп. 2. Кол.: 537 + 231. Издано: 1995.
9. Халамиш А. От «национального очага» – к государству. Еврейская община Палестины/Эрец-Израэль между первой и второй мировой войной, Том второй. – Ч. 3–5. Раанана: Открытый университет Израиля, 2006. С. 439
10. Herman T.C. XXIII
11. См. Herman T.C. XXIII
12. См. Herman T.C. XXIII
13. Профессор Иегуда Лейб Магнес (1877–1948) – основатель и первый руководитель Еврейского университета в Иерусалиме, сторонник пацифистского движения.
14. Эпштейн А.Д. В лабиринте иллюзий. Деятели культуры и борьба за облик Государства Израиль // Вестник Online. 2003. – № 18 (329). Цитата по Сулейманову Р. Арабо-еврейское сотрудничество в Палестине в период британского мандата (1920–1940-е гг.) Link: <http://www.meast.ru/article/arabо-evreiskoe-sotrudnichestvo-v-palestine-v-period-britanskogo-mandata-1920–1940-e-egg>
15. См. Herman T.C. XXIV

Развитие концепции двунационального государства в догосударственный период

16. Щевелев С.С. Палестина под мандатом Великобритании (1920–1948). Симферополь: Таврия-плюс, 1999. С.
17. Звягельская И. История Государства Израиль. ИВ РАН МГИМО (Университет) МИД России. М. 2012. С.41
18. Немецкоговорящие иммигранты в то время составляли около 10% еврейского населения
19. Эпштейн А. В надежде обрести влияние: Интеллектуалы и власть в Израиле // От мечты – к ее реализации. Формирование израильской государственности. Политика, право и международные отношения. Иерусалим-Москва-Ереван. Изд. Дом «Ярцах» 2018. С. 395–425
20. Детальное рассмотрение этого тезиса см. в диссертации: Педхацур Р. Система взаимоотношений между политиками и интеллектуалами в период ишува: проект создания Еврейского университета. Тель-Авивский университет, 1984 [на иврите]. Цитата по Эпштейн А. От мечты – к ее реализации; С. 404
21. Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005, с.336
22. Раис Сулейманов. Арабо-еврейское сотрудничество в Палестине в период британского мандата (1920–1940-е гг.) Link: <http://www.meast.ru/article/arabo-evreiskoe-sotrudnichestvo-v-palestine-v-period-britanskogo-mandata-1920-1940-e-gg>
23. Гэлер Й. ЙЕуда Либ Магнес вехамаавак лимдина дулэумит. Мибрит шалом леихуд (ЙЕуда Либ Магнес и борьба за бинационального государства. От «Брит Шалом» к «Ихуд». Иерусалим. Магнес. 2003. 542 стр.
24. См. Herman T.C. XXIV
25. Раис Сулейманов. Арабо-еврейское сотрудничество в Палестине в период британского мандата (1920–1940-е гг.) Link: <http://www.meast.ru/article/arabo-evreiskoe-sotrudnichestvo-v-palestine-v-period-britanskogo-mandata-1920-1940-e-gg>

Т.А. Карасова

Г. ТРУМЭН И СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Гарри Трумэн возглавил американскую администрацию в самом конце Второй мировой войны, в апреле 1945 г. Он, будучи вице-президентом, сменил на президентском посту умершего Ф.Д. Рузвельта.

ВСО – переориентация на США

После окончания Второй мировой войны отношения населения ишува с британской администрацией Палестины резко ухудшились. По существу началась необъявленная война подпольных военизированных еврейских отрядов против британской администрации. В этой обстановке руководство сионистским движением – ВСО и Еврейское Агентство (EA) – поставило перед собой задачу поиска новых союзников и начало активно добиваться американской поддержки своих устремлений. В руководстве этих организаций шла борьба между сторонниками президента ВСО Х. Вейцманом, отстаивавшими продолжение ориентации на Великобританию, и главой исполкома Еврейского Агентства Бен-Гурионом, который выступал за проамериканское направление¹.

Решение о переносе центра международного сионистского движения в США, естественно, поддержала еврейская община Америки. Американские сионисты, выступая против политики Англии в Палестине, требовали сначала отмены ограничений на еврейскую иммиграцию в эту страну, а затем и создания еврейского государства. Максималистская программа была принята еще в мае 1942 г на конференции американских сионистов

в отеле «Билтмор» в Нью-Йорке, где собрались около 600 делегатов из США и международных сионистских организаций во главе с Вейцманом, а также представители ишува во главе с председателем ЕА Бен-Гурионом. Несмотря на сопротивление Вейцмана, до конца придерживавшегося проанглийского направления, глава Американской сионистской организации А. Сильвер и Бен-Гурион добились принятия так называемой Билтморской программы, которая требовала, чтобы «ворота в Палестину были открыты, а Ерейскому Агентству был отдан контроль над иммиграцией в Палестину и необходимая власть для строительства страны... чтобы Палестина была превращена в еврейское государство»². Тем самым впервые официально было выдвинуто требование создания еврейского государства, тогда как ранее употреблялся термин «еврейский национальный очаг». Билтморская программа расценивалась Бен-Гурионом и его сторонниками как начало переориентации сионистского движения с Великобритании на США. На повестку дня лидеры ишува поставили задачу мобилизации американской еврейской общины в поддержку создания государства.

Трумэн и Палестина

Прошло только шесть дней как Трумэн занял президентский пост, и палестинский вопрос попал в официальную повестку дня Белого Дома. Представители руководства еврейской американской общины (в частности, рав. Уайз) стали активно добиваться встречи с президентом, и госсекретарь Эдвард Стеттиниус по этому поводу направил Трумэну памятку³. В ней он предупреждал, что сионистские лидеры, очевидно, будут добиваться поддержки в вопросе о неограниченной иммиграции в Палестину и создания еврейского государства. Госсекретарь предлагал, ввиду того, что «палестинский вопрос весьма сложен», получить полную подробную информацию по этому вопросу до того, как президент займет определенную позицию. «У Соединенных Штатов есть особые жизненно важные интересы в регионе, – писал

Стеттиниус, – и мы считаем, что эта проблема из тех, к решению которых нужно подходить с особой осторожностью».

Беженцы

Действительно, через две недели к нему обратились представители еврейской общины с просьбой поддержать требование Еврейского Агентства о выезде евреев в Палестину. Трумэн поручил подготовить отчет о ситуации с беженцами, после чего обратился к английскому правительству с требованием предоставить сто тысяч сертификатов для иммиграции еврейских беженцев в Палестину. В ответ на это осенью 1945 г. лейбористское правительство предложило создать совместный англо-американский комитет по делам Палестины (Anglo-American Committee of Inquiry on Palestine). С американской стороны в комитет входили Дж. Макдональд, будущий первый посол США в Израиле и адвокат Б. Крам. Трумэн согласился на предложение англичан, однако потребовал четкого плана изучения возможностей Палестины в качестве убежища для евреев и определения будущей ситуации в Палестине. Весной 1946 г. комитет представил свои выводы. В них содержалось предложение о разделе Палестины и о разрешении на репатриацию 100 тысяч еврейских беженцев из Европы в Палестину. США поддержали эти предложения. Однако Англия была против массового приезда еврейских беженцев. Палестинская администрация опасалась, что это приведет к усилению нестабильности в Палестине и Англии придется перебросить туда дополнительные военные силы.

План Моррисона – Грейди

Неудовлетворённая таким решением Англия в апреле 1946 г. потребовала созвать ещё одну комиссию, получившую название комиссии Моррисона-Грейди (по именам британского министра Герберта Моррисона и специального посланника Трумэна Генри Грейди). Решением комиссии снова стал план о разделе Палестины, но с продлением британского мандата и последующим

переходом Палестины под юрисдикцию ООН, поскольку, по мнению комиссии, попытка создать самостоятельное единое Палестинское арабо-еврейское государство, либо два государства приведет к гражданской войне. Кроме того, комиссия приняла решения о предоставлении ста тысяч сертификатов для беженцев и об отмене Белой книги. Моррисон предложил план раздела территории будущего еврейского государства на четыре района: Негев, Иерусалим, еврейскую часть (включая уже существующие еврейские поселения) и арабскую часть на остальной территории страны⁴. Этим планом были не удовлетворены ни евреи, ни арабы. В декабре 1946 г. в Базеле проходил XXII Конгресс ВСО, на котором Бен-Гурион резко раскритиковал план Моррисона.

Идея международного контроля над Палестиной в США также была принята неоднозначно. Поддержанная государственным департаментом, она вызвала крайне скептическую реакцию у Пентагона. По расчетам министра обороны США Форрестола, такое управление потребовало бы присутствия в регионе не менее 100 тыс. военнослужащих под флагом ООН, в том числе не менее 47 тыс. из них должны были бы предоставить Соединенные Штаты. Это, по мнению военных, превышало возможности страны в условиях нарастания вероятности военного конфликта с СССР в Европе. Кроме того, было неясно, как отреагирует американское общество на неизбежную гибель своих солдат в Палестине. Однако в тот момент Трумэн оценил выводы комиссии как «лучший вариант решения проблемы для Палестины» и согласился с предложением отказаться от Белой книги. Позже, накануне новых президентских выборов 1948 г., учитывая недовольство руководства сионистских организаций и израильского лобби, Трумэн изменил свое отношение к плану Моррисона-Грейди и назвал его неприемлемым.

В октябре 1946 года, в канун праздника Йом Кипур, Трумэн сделал знаменитое заявление, в котором потребовал немедленной депатриации европейских евреев в Палестину. США выразили готовность взять на себя расходы на их перевозку и первоначальное устройство. В заявлении также впервые отмечалась возможность поддержки американским правительством идеи

создания «жизнеспособного еврейского государства на адекватной части территории Палестины»⁵. Это заявление, позитивно принятое руководством ишува во главе с Бен-Гурионом, было расценено как поворотный момент в политической и дипломатической борьбе за еврейское государство⁶.

Между тем ситуация в Палестине в 1947 г. накалилась до предела, и уже не будучи более в состоянии контролировать положение дел и поддерживать порядок, Лондон объявил, что прекращает действие своего мандата с 15 мая 1948 г. Арабские лидеры тут же публично заявили, что этот день станет началом «защиты прав арабов». ООН немедленно создала специальную комиссию (UNSCOP) по рассмотрению палестинского вопроса. В выводах комиссии предлагалось прекратить действие мандата, поддержать независимое развитие Палестины, обеспечить безопасность святых мест и решить проблему перемещенных лиц в Европе (250 тыс. человек).

29 ноября 1947 г. ГА ООН приняла резолюцию 181/1 о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское и выделении международной зоны Иерусалима. По решению ООН была создана Комиссия по Палестине для участия в ее управлении. В ходе голосования по плану о разделе Палестины в ООН США проголосовали «за», несмотря на предупреждение ЦРУ о невозможности евреев защитить будущее еврейское государство.

Госсекретарь Стеттиниус оказался прав: «Палестинская проблема» и судьба будущего еврейского государства стала средоточием яростной борьбы мнений и накала противоречий между основными государственными органами страны – администрацией президента, государственным департаментом и Пентагоном. В этой борьбе активное участие принимали руководящие органы еврейской общины Америки и израильского лобби, а также общественные и религиозные организации США.

Опасения

Американская дипломатия в то время полагала, что относительная стабильность в Палестине позволит арабскому миру

интегрироваться в региональный оборонный союз под эгидой Запада, и что создание еврейского государства в сердце враждебного арабского мира нарушит ключевые американские интересы в регионе. Исходя из этой посылки, Государственный департамент времен президентов Трумэна и Эйзенхауэра считал нужным опираться в основном на арабские государства, демонстративно дистанцируясь от руководства палестинского ишуга. Чиновники Госдепа упрямо сопротивлялись идее создания еврейского государства, выступив против программы раздела Палестины от 29 ноября 1947 г., которую поддержал президент Трумэн⁷. Второй госсекретарь в администрации президента Трумэна, Джордж Маршалл, который в прошлом служил командиром штаба объединенных войск Американской армии, его влиятельный заместитель Дин Ачесон, директор Ближневосточного отдела в Государственном департаменте Лой Хендерсон, директор Отдела государственного планирования в госдепе, популярный политик, автор «доктрины сдерживания» Советского Союза и стран социалистического блока Джордж Кеннан, координатор американской политики с ООН Дин Раск, министр обороны Джеймс Форрестол – представители американской внешней и оборонной политики твердо выступили против идеи создания государства Израиль при поддержке США⁸.

Противники признания и поддержки Израиля в Государственном департаменте и Пентагоне выдвигали в пользу своей позиции четыре главных аргумента. Во-первых, они были убеждены, что еврейское государство не сможет успешно спрятаться с объединенными арабскими силами в случае их нападения на еврейское государство. Если начнется война, для спасения Израиля придется отправить в регион американские военные силы. Такой сценарий, по мнению американских высших чиновников, имел бы катастрофические последствия для будущего статуса США мире и в регионе, так как будет причинён ущерб всей системе отношений США с арабским миром.

В качестве второго аргумента представители Пентагона утверждали, что глубокая зависимость государств Западной Европы (которые администрация Трумэна пыталась экономически

и политически реабилитировать посредством инициированной ею многогранной «программы Маршалла») от доступной и дешёвой ближневосточной нефти вынуждает их, а значит и США, проводить однозначно проарабскую политическую линию. Другие чиновники, в особенности, в Государственном департаменте, вновь и вновь предупреждали о возможности усиления радикальных тенденций в арабском мире, как следствие воплощения в жизнь решения о разделе Палестины, и о возникновении мощной волны враждебности по отношению к американской администрации из-за её ответственности за данный процесс и вклад в него.

Наконец, последним аргументом было опасение, что на фоне поддержки Советским Союзом раздела Палестины и ввиду явного просоциалистического настроя элиты еврейского руководства в ишуве будущее еврейское государство может стать «филиалом» мирового коммунизма и естественным трамплином для Кремля при распространении его влияния на Ближний Восток⁹.

Самыми влиятельными противниками создания еврейского государства были в Вашингтоне государственный секретарь Джордж Маршалл и министр обороны Джеймс Форрестол. Маршалл пригрозил президенту отставкой, если Трумэн позволит Израилю появиться на свет. Форрестол доказывал, что арабская нефть важнее всего остального, и задача американской внешней политики – обеспечить вооруженные силы нефтью. «Вы просто не понимаете, что сорок миллионов арабов столкнут четыреста тысяч евреев в море. И все. Лучше подумайте о нефти – мы должны быть на стороне нефти», – говорил Форрестол¹⁰. Американские дипломаты вопреки воли Трумэна фактически проводили собственную линию, поддерживая англичан, даже пойдя наперекор решению и указанию президента. Американский представитель в Совете Безопасности Уоррен Остин заявил, что решение о разделе Палестины просто невыполнимо. Известна реакция Трумэна на эту «самоволку». Он записал на календаре: «Оказывается, государственный департамент пересмотрел мою политику. И я узнаю об этом из газет!»¹¹ Гарри Трумэн наслал на Госдеп,

жестко контролируя, как исполняется его указание. В конце концов, США проголосовали за резолюцию № 181.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В результате этих ограничений в 1945 г. в Палестину приехало даже меньше евреев – 13000 чел., чем в военном 1944 г. (14500 чел.). См.: Лакер В. История сионизма. М.: Крон-пресс, 2000. С. 798.
2. См.: Рогов С.М. Сионизм и американская еврейская община в политической жизни США. Ч. 1. М.: Ин-т США и Канады, 1980. С. 116; The Jewish Journal. 1978. Febr. 16.
3. Cited in: Truman H.S. Memoirs. 1946–1952. Years of Trial and Hope. Vol. 2. N.Y.: Smithmark Publisher, 1996. P. 132–33; Edward R. Stettinius, Jr. to Harry S. Truman, April 18, 1945; Palestine – 1945–1947; Foreign Affairs; Subject File; PSF; Truman Papers.
4. Лакер В. Указ. соч. С. 803.
5. Clark H. Truman and Israel: The power of the Lobby. 2006. June 3 // <http://www.counterpunch.org/clark06032006.html>
6. Ben-Gurion D. Israel. A Personal History / Tel Aviv: New York Sabra Book, 1971. P. 58
7. Clark H. Truman and Israel: The power of the Lobby. 2006. June 3 // <http://www.counterpunch.org/clark06032006.html>
8. Halberstam D. The Best and the Brightest Greenwich: Fawcett publications, 1972; Abraham Ben-Zvi, The United States and Israel: The Limits of the Special Relationship New York: Columbia University Press, 1993. p.19.
9. Steven L. Spiegel, The Other Arab-Israeli Conflict: Making America's Middle East Policy from Truman to Reagan. Chicago: The University of Chicago Press, 1985. P. 16–18.
10. Halberstam D. The Best and the Brightest Greenwich: Fawcett publications, 1972
11. Ben-Zvi A, The United States and Israel: The Limits of the Special Relationship. New York: Columbia University Press, 1993. P 23

Т.В. Носенко

ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ОТНОШЕНИИ СОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (1945–1948 ГГ.)

Создание еврейского государства в мае 1948 г. явилось результатом целенаправленной деятельности сионистского движения как в Палестине, так и на международной арене на протяжении нескольких десятилетий. Добившись поддержки влиятельных кругов еврейской общины сначала в Великобритании, а затем и в США, сионисты обеспечили материальную, моральную и политическую основу для продвижения своих планов. Чувство вины, которое международное сообщество испытывало в послевоенный период в отношении еврейского народа из-за пережитой им трагедии преследований и массового уничтожения гитлеровским режимом, ускорило включение вопроса о независимом существовании евреев в Палестине в международную повестку дня. Однако разноплановые интересы Великобритании и США на Ближнем Востоке, сопротивление, оказанное арабами реализации планов сионистов, могли затормозить образование еврейского государства, а то и совсем заблокировать его. Важную роль в продвижении вопроса о разделе Палестины на два самостоятельных государства – еврейское и арабское – сыграла позиция СССР. Она была обусловлена в первую очередь стремлением нанести удар по Великобритании в этом стратегически важном регионе, воспрепятствовать усилиению роли США на Ближнем Востоке и в Арабском мире в целом¹. Решение вопроса о Палестине, об образовании еврейского государства в рамках ООН проходило в обстановке Израиль явился детищем «холодной войны» в той мере, в какой на принятии

резолюции о разделе Палестины от 29 ноября 1947 г. и дальнейшей позиции великих держав по ее реализации сказывались их geopolитические интересы и идеологические разногласия.

* * *

Резолюция Генеральной Ассамблеи 181 (II) является весьма противоречивым документом. Содержащийся в ней план раздела Палестины на два государства – еврейское и арабское – так никогда и не был реализован. Сам принцип раздела был категорически отвергнут арабами, и до сих пор его неприятие является важным пунктом в идеологии радикальных исламских и арабских националистических движений. Легитимность основного документа подвергается сомнению леволиберальными критиками, которые утверждают, что резолюция наносила удар по правам арабского большинства, что она имела всего лишь рекомендательный характер, а Генеральная Ассамблея не имела юридических полномочий ни на раздел Палестины, ни на передачу сионистам прав на создание Израиля². Напротив, еврейские праворадикальные националисты усматривают в плане раздела Палестины ущемление прав еврейского народа на всю историческую родину. Ее территория, как они считают, в соответствии с первоначальной формулировкой британского мандата, включала и восточную часть Палестины (ныне Иордания). По этой логике, все события – уход англичан, начатая арабами война на уничтожение евреев, провозглашение Израиля – произошли бы и без принятия плана раздела³.

Несмотря на такие радикально противоположные подходы к толкованию этого документа, он все же является одним из основополагающих международно-правовых актов в решении палестинской проблемы. В Декларации независимости (14 мая 1948 г.) резолюция Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 г. упоминается как правоустанавливающий документ европейской государственности. Именно на основе этой резолюции исторически складывался принцип двух государств, который большинство международного сообщества все еще принимает как основу

политического урегулирования палестино-израильского конфликта.

* * *

Политику британского правительства в отношении Палестины в послевоенные годы невозможно рассматривать без учета ситуации, складывавшейся в колониальной системе имперского владычества. Именно в эти годы, когда решался вопрос о предоставлении независимости Индии, когда британцы стремились сохранить свои позиции в арабском мире, будучи связанными договорными обязательствами с Египтом, Ираком, Иорданией, империя, как никогда раньше, нуждалась в поддержке всего мусульманского мира. Твердое противостояние арабов сионистскому продвижению в Палестине ставило британцев перед необходимостью трудного выбора. В результате в 1946–1947 гг. произошло серьезное ужесточение британской политики в отношении сионистских планов в Палестине, и прежде всего, в отношении еврейской иммиграции. Британские репрессии против еврейского ишуга достигли своего пика 29 июня 1946 г. В этот день, вошедший в историю евреев Палестины как «черная суббота», британская армия и полиция произвели массированные рейды в кибуцах и еврейских учреждениях, в ходе которых было арестовано более 3 тыс. евреев, включая лидеров еврейской общины. Цель этих операций заключалась в деморализации и устрашении евреев, нанесении удара по Хагане⁴, прекращении нелегальной, не разрешенной британскими властями, иммиграции из Европы⁵.

Последней попыткой англичан найти решение арабо-еврейских противоречий стала конференция в Лондоне в конце января – начале февраля 1947 г. Посредником между арабами и евреями, заседавшими в разных комнатах, выступал глава Форин оффис Э. Бевин. Он предложил в качестве окончательного решения разделить Палестину на арабский и еврейский кантоны под управлением центрального правительства, в которое войдут как британцы, так и арабы, и евреи. Через четыре года стране могла

быть предоставлена независимость, если стороны достигнут согласия по этому вопросу. Британцы предполагали разрешить ограниченную еврейскую иммиграцию в Палестину⁶. Евреи, как и арабы, отвергли этот план.

Передача Великобританией вопроса о Палестине в ООН в апреле 1947 г. была вынужденным шагом. В отличие от Индии, например, где статус колониальных властей регулировался исключительно внутренним имперским законодательством, палестинский мандат являлся продуктом международных договоренностей и был частью системы, созданной на Ближнем Востоке международной организацией – Лигой наций. В послевоенный период ответственность за территории, находящиеся под мандатом, взяла на себя Организация Объединенных Наций⁷.

Помимо этого, палестинская проблема приобрела большой международный резонанс в послевоенные годы в связи с тяжелым положением европейских евреев, освобожденных из гитлеровских концлагерей и составлявших основную массу так называемых перемещенных лиц на территориях европейских стран. Сионистское руководство видело решение этой проблемы в нелimitированном размещении пострадавших в военные годы людей в Палестине. Помимо гуманитарного аспекта это давало сионистам выигрыш и в демографическом плане. Но британские власти препятствовали перемещению евреев из Европы в Палестину самыми жесткими методами. В одном из своих выступлений в августе 1947 г. Г. Меир призывала «весь мир, все народы, многие из которых так сильно пострадали во время войны, с кем евреи сражались на фронтах и помогали их освобождению»⁸, положить конец британским насильственным мерам, направленным на предотвращение въезда европейских евреев в Палестину. Обращение к помощи международного сообщества, в том числе и в рамках ООН, для спасения европейских евреев стало частью стратегии сионистского движения в борьбе за достижение политической независимости.

* * *

Союзнические отношения, сложившиеся между странами антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, в послевоенный период быстро сменялись ростом недоверия, усилением взаимной враждебности и напряженности. В послевоенные годы советское продвижение в Европе, как в Восточной, так и в Западной, советские территориальные претензии к Турции и итальянским колониям, разногласия с бывшими союзниками по проблеме Черноморских проливов, поддержка сепаратистских настроений в Иране рассматривались западными странами как угроза всему «свободному» миру. Американский посланник в Москве Дж. Кеннан в своей известной длинной телеграмме в феврале 1946 г. отмечал: «Русские будут энергично стремиться развивать советское присутствие и официальные связи с теми странами, которые, с их точки зрения, обладают наибольшими возможностями в противостоянии западным центрам силы»⁹. Фултонская речь У. Черчилля (март 1946 г.) и «доктрина Трумэна» (март 1947 г.) стали программными заявлениями, заложившими концептуальные основы для противодействия распространению советского влияния во всех районах мира.

На Ближнем Востоке способы решения арабо-еврейского конфликта в Палестине были напрямую увязаны с дальнейшим развитием отношений США и Великобритании с арабским миром – важным поставщиком нефти. Госдепартамент и военные предупреждали президента Г. Трумэна, что решение палестинского вопроса в пользу евреев может настроить народы региона против Запада и подтолкнуть их в сторону СССР. Президент Г. Трумэн придавал особое значение последнему соображению. Он писал в своих мемуарах: «Давление в отношении Турции и инциденты в Иране ясно указывали на то, что русские с готовностью примут арабов в свой лагерь»¹⁰. Вопрос о Палестине имел для Трумэна и внутриполитическое измерение: в своей дальнейшей борьбе за пост президента он не мог не учитывать роль влиятельных и богатых американских евреев, среди которых было немало сторонников сионистов¹¹.

В поле зрения высшего руководства СССР палестинская проблема попала, как представляется, на последнем этапе войны и в первые послевоенные годы, когда в советском внешнеполитическом курсе отчетливо проявилось стремление нащупать слабые места в глобальных позициях своих союзников по антигитлеровской коалиции, попытаться вклинииться и усилить свое влияние в тех регионах, которые казались наиболее уязвимыми с точки зрения прочности положения западных держав. Палестину как раз и считали одной из таких слабых точек в системе империалистического господства не только по причине интенсивного арабо-израильского конфликта, вину за который возлагали на британские мандатные власти. Но советская дипломатия рассматривала ее как узел англо-американских противоречий на восточном побережье Средиземного моря. «... еврейский «очаг» или «государство» представило бы американцам возможность экономического и политического вытеснения англичан», – сообщал в Москву в январе 1946 г. советский посланник в Ливане Д. Солод¹². В секретных материалах советского МИДа указывалось, что интерес США к Палестине отражает намерения американского капитала укорениться в этой стране, создать серьезную опорную базу на Средиземном море¹³.

Попытки англо-американской дипломатии в 1945–1946 гг. решить палестинский вопрос без привлечения бывшего военного союзника вызывали резкое осуждение со стороны СССР. В дипломатических депешах с Ближнего Востока с начала 1946 г. подчеркивалось, что решение палестинского вопроса «без нашего участия для нас невыгодно», что Палестина представляет интерес для Советского Союза как территории, прилегающая к важным линиям морских коммуникаций и как страна-убежище для многих евреев, оказавшихся и в советской оккупационной зоне¹⁴. С передачей Великобританией вопроса о Палестине на обсуждение Объединенных Наций перед СССР впервые открылась возможность не только высказать свою точку зрения по вопросу о Палестине, но и принять эффективное участие в ее судьбе.

Советский интерес к Ближнему Востоку и Палестине, в частности активное осуждение мандатной политики Великобритании, на которую Москва возлагала главную ответственность за нараставший там хаос, позволяли сионистам с оптимизмом оценивать перспективы сотрудничества с СССР. Сионистское руководство, анализируя советскую политику на Ближнем Востоке, делало вывод, что в случае передачи вопроса о Палестине в ООН, позиция СССР скорее окажется дружественной, чем враждебной. «Не потому, что они симпатизируют нам или ненавидят арабов, а исходя из необходимости свести политические счеты с англичанами», – отмечал представитель Еврейского Агентства Э. Сассон¹⁵. Новый советский активизм на Ближнем Востоке расценивался сионистами как вполне позитивный фактор, так как ограничивал единоличный контроль Великобритании, а в конечном итоге, как полагал Э. Сассон, мог вообще разрушить складывавшееся единство арабского мира, столь опасное для продвижения сионистских планов¹⁶. Таким образом, советское требование о передаче палестинского вопроса на рассмотрение ООН не противоречило интересам сионистов, давая шанс для легитимации европейской государственности через процедуры международной организации.

Позиция, заявленная советским представителем в ООН А. Громыко на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи в мае 1947 г. о возможности рассмотреть вопрос о разделе Палестины на два самостоятельных независимых государства еврейское и арабское¹⁷, сыграла важнейшую роль в дальнейшей выработке в рамках ООН решения о создании на части Палестины еврейского государства. Нет сомнений, что советское предложение укрепляло президента Трумэна в продвижении идеи о создании жизнеспособного еврейского государства на адекватной части Палестины, с которой он выступил еще в октябре 1946 г.

Советские расчеты строились на том, что поддержка претензий евреев на создание собственного государства обеспечит возможность нанести удар в спину англичанам, выдавить их из стратегически важной Палестины. Реализация этих планов пошатнула бы позиции Великобритании в арабском мире, вновь

напомнила бы об ответственности колониальной империи, открывшей путь сионистам на Ближний Восток.

Американская позиция по Палестине отличалась противоречивостью и непоследовательностью вследствие разных подходов ведомств, занимавшихся ее формулированием. Государственный департамент и военные полагали, что geopolитические интересы США требуют осторожного отношения к претензиям сионистов. Напротив, Белый дом во главе с Трумэном был более склонен поддержать создание еврейского государства, хотя и проявлял большуюдержанность в отношении прямого военного вмешательства в арабо-еврейский конфликт.

Когда в сентябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла доклад большинства UNSCOP и приступила к разработке конкретного плана раздела, оказались те противоречия между двумя великими державами, которые определяли их отношения в ближневосточном регионе в целом. Обсуждения плана устройства Палестины в Палестинском комитете¹⁸ были с американской стороны подчинены цели минимизации роли СССР, предотвращения реализации выдвигаемых советской стороной предложений, которые могли бы способствовать закреплению советских позиций на Ближнем Востоке. Со своей стороны, Москва преследовала цели как можно более быстрого и окончательного выдворения Великобритании из Палестины, торможения выгодных для Запада схем решения палестинского вопроса, закрепления за СССР активной роли в создании двух независимых государств – еврейского и арабского¹⁹.

Так, СССР предлагал отменить мандат уже с 1 января 1948 г. и поставить переходный период под контроль специальной комиссии, подотчетной Совету Безопасности ООН. Американская сторона, однако, препятствовала расширению полномочий СБ ООН и наделению комиссии ООН какими-либо функциями управления, требуя сохранения британского контроля за ситуацией в стране вплоть до провозглашения независимости новых государств. Советские предложения о проведении выборов в учредительные собрания новых государств на демократических началах и под контролем специальной комиссии Совета

Безопасности вызывали скептические комментарии американских дипломатов, напоминавших, что «опыт в Германии, Австрии и Корее показывает, насколько разнятся взгляды Запада и Советского Союза на то, что такое “демократические начала”»²⁰.

В итоге компромиссные формулировки были найдены. СССР и США, заинтересованные в принятии резолюции о разделе Палестины, приложили усилия для обеспечения 2/3 голосов на заседании Генассамблеи. В результате за резолюцию 181 (II), принятую 29 ноября 1947 г., проголосовали 33 члена ООН, против – 13 стран и 10 воздержались. Однако содержавшиеся в ней рекомендации по плану раздела Палестины на два государства так и остались на бумаге.

Вопрос о способах практического осуществления принятой резолюции встал перед международной организацией уже в декабре 1947 г. В это время в Палестине между арабами и евреями разворачивалось ожесточенное вооруженное противостояние. Еврейская сторона довольно активно добивалась от СССР и США посылки войск в Палестину²¹. В ООН обсуждался вопрос о целесообразности формирования международных сил для реализации плана раздела²². Советские эксперты расценивали это предложение положительно. Они указывали: «Ввиду существующего в Палестине положения Совет Безопасности вправе принимать принудительные меры в отношении проведения в жизнь решения Генеральной Ассамблеи и может создать международные вооруженные силы, которые должны будут принять на себя ответственность за поддержание законности и порядка сразу же после окончания мандата»²³. В то же время, существовали опасения, что по своему составу это будут силы главным образом американо-английского блока, которые станут опорой и проводником антисоветской политики в Палестине²⁴.

В Вашингтоне аналитики Национального совета безопасности уже в первые месяцы после принятия резолюции о разделе ставили под сомнение соответствие этого плана американским интересам. В Проекте позиции по Палестине, разработанном ими в феврале 1948 г., указывалось, что, с позиции военных, для интересов безопасности США наиболее неблагоприятными последствиями

развития ситуации в Палестине могут стать, во-первых, ввод советских вооруженных сил и, во-вторых, использование американских войск для подавления сопротивления арабов плану раздела²⁵. В документе подчеркивалось, что Советский Союз под прикрытием совместных операций ООН может добиться размещения в Палестине подконтрольных ему сил или развертывания коммунистической агентуры. Роль этой агентуры значительно усиливаться в случае создания еврейского государства, а враждебность и сопротивление арабских народов разделу будут использованы в пользу СССР и в ущерб американским интересам²⁶. Поэтому правительству было рекомендовано отказаться от любого прямого военного вмешательства в палестинские дела и препятствовать привлечению международных вооруженных сил для решения этой проблемы.

Свои рекомендации администрации давали и американские нефтяные компании. В одном из докладов их представителя, побывавшего на Ближнем Востоке, говорилось, что Соединенные Штаты должны пересмотреть свою политику в палестинском вопросе для укрепления отношений с арабами, поскольку создание еврейского государства в Палестине является делом рук Советского Союза, еврейское государство является троянским конем в руках у коммунистов, а между евреями и Советским Союзом имеется секретное соглашение²⁷.

В то время как обстановка в Палестине становилась все более напряженной, а британские власти демонстративно отстранялись от вмешательства в кровопролитный конфликт, в Совете Безопасности 5 марта 1948 г. была принята резолюция, предлагавшая постоянным членам всего лишь проконсультироваться по палестинскому вопросу и дать свои рекомендации в целях осуществления резолюции Генеральной Ассамблеи²⁸. Проведенные консультации мало что изменили в плане разработки механизмов осуществления раздела и вновь выявили существенные разногласия между СССР и Западом. Так, советский представитель зарезервировал свою позицию по пунктам совместного заявления, в которых говорилось о необходимости предотвращать проникновение в Палестину

вооруженных элементов морским и сухопутным путем, полагая, что такая постановка вопроса направлена против евреев и европейской иммиграции²⁹. Активная поддержка евреев усиливала подозрения противников СССР относительно его намерений использовать сложившуюся в Палестине ситуацию в своих интересах. Тем более что палестинские события разворачивались на фоне советского продвижения в Восточной Европе: в феврале 1948 г. в Чехословакии в результате переворота был установлен прокоммунистический режим, что еще более усугубляло антагонизм холодной войны.

В американских правящих кругах усиливались позиции тех, кто выступал против плана раздела Палестины. В уже упоминавшемся документе Проект позиции по Палестине в качестве временной альтернативы разделу было выдвинуто предложение об установлении над Палестиной опеки ООН³⁰. Предлагались различные формы опеки: либо опека трех государств – США, Великобритании, Франции, либо совместная опека США и Великобритании, либо административное управление под контролем Совета по опеке ООН. Все три варианта исключали какую-либо роль Советского Союза в управлении Палестиной³¹, но укрепляли стратегические позиции его противников на Ближнем Востоке.

Советский Союз оказывал серьезное противодействие американским попыткам пересмотреть решение ООН по Палестине. Советский представитель при ООН А.А. Громыко заявлял: «Перемена позиции Соединенных Штатов в палестинском вопросе продиктована их нефтяными и военными интересами. Известные влиятельные круги, отражающие эти интересы, пытаются превратить Палестину в свою стратегическую и военную базу, а в экономическом отношении – в американскую полуколонию»³². В этой ситуации Советский Союз выступал против нарушения принятых международным сообществом решений, а также представлял поборником прав народов Палестины на самоопределение, подчеркивая, что опека не соответствует культурно-политическому уровню развития еврейского и арабского населения.

15 мая 1948 г., на следующий день после провозглашения в Тель-Авиве независимого еврейского Государства Израиль, его первый министр иностранных дел М. Шертофф (Шаретт) направил телеграмму министру иностранных дел СССР В.М. Молотову с просьбой о признании³³. 18 мая советское правительство сообщило, что оно приняло решение об официальном признании Государства Израиль и его Временного правительства³⁴, т. е. о полном юридическом признании (де-юре). Через несколько дней стороны согласились учредить дипломатические миссии соответственно в Москве и Тель-Авиве.

Американская дипломатия всю первую половину мая 1948 г. продолжала оказывать давление на сионистов, чтобы заставить их отказаться от идеи провозглашения государства. Доходило до серьезных угроз: например, Еврейское агентство получало завуалированные предостережения из Госдепартамента о том, что США могут прибегнуть к эмбарго на перевод американских долларов в Палестину. Не гнушаясь обычным шантажом, высокопоставленный американский дипломат предупреждал представителя Еврейского агентства, что из-за упрямства сионистов могут пострадать их сторонники в США, лояльность которых американскому государству будет поставлена под вопрос³⁵.

Решающую роль в этот судьбоносный для еврейского народа момент сыграла позиция президента Г. Трумэна. Он не был безоговорочным сторонником раздела, но его стремление «переиграть» Госдепартамент, глубокое уважение к Х. Вейцману, который просил его признать еврейское государство, когда оно будет провозглашено, а также влияние советников (а среди них было немало сторонников сионистов) сделали свое дело. Операция по признанию Соединенными Штатами Государства Израиль проходила в режиме строгой секретности. Еврейское агентство подготовило специальное письмо на имя президента с просьбой о признании, которое было передано непосредственно в Белый дом. В тот момент, когда американская делегация в ООН все еще добивалась принятия решения об опеке над Палестиною, ее члены узнали, что президент принял решение признать провозглашенное Государство Израиль³⁶.

Однако в отличие от СССР американцы признали Израиль де-факто, т. е. не полностью. Во-первых, оставались сомнения в том, будет ли молодое государство жизнеспособным, сможет ли оно противостоять напору окружавших его врагов. Во-вторых, американцы опасались, что в своей внешней политике Израиль будет склоняться к просоветской ориентации. Основанием для этих опасений служили и довольно сильные позиции левых сил в молодом государстве, и существенная поддержка, оказанная ему Советским Союзом. Госдепартамент даже направил в декабре 1948 г. специального представителя с целью выяснить, не является ли Израиль «красным государством». Американский посланник пришел к заключению, что, несмотря на присутствие в израильском обществе некоторых элементов, заинтересованных в подталкивании страны к просоветской ориентации, «провозглашенная израильским правительством политика нейтралитета разделяется большинством неиндоктринированных граждан»³⁷. Состоявшиеся в конце января 1949 г. первые выборы в Израиле, на которых победу одержала партия Д. Бен-Гуриона Мапай³⁸, подтвердили этот вывод. Сразу же вслед за выборами США установили отношения с Израилем в полном объеме.

* * *

В политике великих держав по палестинскому вопросу уже в самые первые послевоенные годы оказались тенденции, превратившие Ближневосточный регион к середине 1950-х годов в зону ведения «холодной войны». В решении вопроса о судьбе Палестины ярко проявились те особенности, которые в последующие годы составляли суть противоборства великих держав на международной арене: стремление воспрепятствовать расширению сферы влияния противника и активизации его роли в решении региональных проблем, использование любых политических, идеологических, национальных противоречий на региональном уровне для нанесения ущерба противнику. После принятия резолюции 181 (II), когда уже с декабря 1947 г. в Палестине умножались жестокие, кровопролитные схватки

между арабами и евреями, США и СССР в комитетах ООН были озабочены прежде всего поисками таких схем реализации раздела, которые не давали бы преимущественного влияния другой стороне. Механизмы ООН, предназначавшиеся для установления мира и обеспечения безопасности народов, оказались парализованными, и план раздела так никогда и не был осуществлен. Провозглашение Израиля произошло совсем не по той схеме, которая была начертана в ооновской резолюции и даже вопреки этой резолюции.

Объективно наиболее последовательную позицию в поддержку выполнения резолюции Генеральной Ассамблеи и создания еврейского государства занимал Советский Союз. Но провозглашенная советскими представителями приверженность принципу реализации права народов на создание собственного государства лишь камуфлировала советские geopolитические интересы: вытеснение Великобритании из важного стратегического региона Восточного Средиземноморья, торможение американских экономических и стратегических планов в Ближневосточном регионе. Пока Советский Союз рассматривал план раздела Палестины как условие для того, чтобы положить конец британскому военному присутствию и ликвидировать мандатную систему, его политика была направлена на обеспечение благоприятной для сионистов атмосферы в рамках ООН и помочь Израилю в первой большой схватке с арабами. Однако Москва не предполагала брать на себя какие-либо долгосрочные обязательства в отношении еврейского государства. Советская система не была способна ответить на главные запросы Израиля – свободу европейской эмиграции и предоставление экономической помощи. Кроме того, идеологическая чуждость сионизма ценностным установкам, господствовавшим в советском обществе, с одной стороны, а с другой – антикоммунистические настроения, преобладавшие в израильском руководстве, быстро развели два государства по разные стороны «железного занавеса».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно по этому вопросу см.: Носенко Т.В. Политика СССР и США по вопросу создания Государства Израиль (1945–1948) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика № 2. 2016.
2. Hammond J.R. The Myth of the U.N. Creation of Israel // Эл. ресурс доступ: <https://www.foreignpolicyjournal.com/2010/10/26/the-myth-of-the-u-n-creation-of-israel/> (дата обращения: 05.09.2017)
3. Эл. ресурс доступ: <http://www.rosenblit.com/CREATE%20ISRAEL.htm> (дата обращения: 06.09.2017)
4. Хагана – еврейская полуподпольная военная организация, действовавшая в Палестине до 1948 г.
5. Meir G. My Life. The Autobiography. L. Futura Publications Limited. 1979. P. 158
6. Kurzman D. Genesis. 1948. The First Arab-Israeli War. NY. The New American Library. 1972. P. 25
7. Устав ООН. Гл.XII, ст. 77а // Эл. ресурс <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-xii/index.html>, дата обращения 05.10.2017
8. Meir G.P. 170
9. The Charge in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State. Moscow, February 22, 1946 // Эл. ресурс: <http://nsarchive2.gwu.edu/coldwar/documents/episode-1/kennan.htm> (дата обращения: 09.10.2017)
10. Truman H.S. 1946–1952. Years of trial and hope. Memoirs. Vol. II. New York: The New American Library, 1956. P. 178.
11. Подробнее об американской политике см. Карасова Т.А. Израиль и США. Основные этапы становления стратегического партнерства. 1948–2014. М.: Аспект-Пресс, 2015 г.
12. Письмо посланника СССР в Ливане Д. С. Солода заведующему Ближневосточным отделом НКИД СССР И. В. Самыловскому 3 января 1946 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Москва: Международные отношения. 2000. Т. 1. Кн. 1. Док.56. С. 139
13. Телеграмма советского посла в США Н. Новикова советскому руководству от 27 сентября 1946 г. Первое письмо с «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 148–154; Записка советника МИД СССР Б. Е. Штейна первому заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому

- 6 марта 1947 г. // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 74. С. 190
14. Письмо посланника СССР в Ливане Д. С. Солода заведующему Ближневосточным отделом НКИД СССР И.В. Самыловскому 3 января 1946 г. // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 56. С. 141
 15. Письмо заведующего арабской секцией политического департамента Правления Еврейского агентства для Палестины Э. Сассона представителю Еврейского агентства в Вашингтоне Э. Эпштейну 28 июня 1946 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Москва: Международные отношения. 2000. Т. 1. Кн. 1. Док. 63. С. 155
 16. Там же. С. 155
 17. Выступление постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громыко на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Палестине // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 83. С. 218.
 18. Комитет Ad hoc, или Специальный комитет по Палестине, был создан на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 1947 г. для разработки плана раздела Палестины
 19. Советские предложения по плану устройства Палестины в переходный период содержатся в Записке министра иностранных дел СССР В.М. Молотова Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б), Председателю Совета министров СССР И.В. Сталину от 26 октября 1947 г. // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 100. С. 260.
 20. Memorandum by Mr. M. Gordon Knox to the United States Deputy Representative at the United Nations (Johnson), November 4, 1947 // FRUS. 1947. The Near East and Africa. Vol. V. P. 1235. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v05/pg_1235 (accessed: 01.08.2016).
 21. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в США С.К. Царапкина с представителем Еврейского агентства для Палестины в Вашингтоне Э. Эпштейном 26 января 1948 г. // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 110. С. 283.
 22. См.: Запись беседы директора Политического департамента Еврейского агентства для Палестины М. Шертона с заместителем Генерального секретаря ООН А.А. Соболевым // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 108. С. 278–279.
 23. Краткая справка о выполнении решения Генеральной Ассамблеи относительно раздела Палестины, январь 1948; Записка заведующего отделом

- ООН МИД СССР С.А. Виноградова и советника МИД СССР Б.Е. Штейна заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому «об отношении к документу генсека ООН “взаимоотношения между палестинской комиссией ООН и СВ”, 15.03.1948 // Архив А.Н. Яковлева. Ближневосточный конфликт. Доступ: <http://www.alexanderyakovlev.org/db-docs/59350> (дата обращения: 03.09.2016).
24. Краткая справка «О выполнении решения Генеральной Ассамблеи относительно раздела Палестины» //Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. В 2 т. Т. 1: 1947–1956/ Отв. ред. В.В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. С. 25
 25. Draft to position of the United States with respect to Palestine. Available at: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/israel/large/documents/index.php?documentdate=1948-02-17&documentid=3-12&pageumber=1 (accessed: 22.05.2016).
 26. Там же.
 27. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в США С.К. Царапкина с представителем Еврейского агентства для Палестины в Вашингтоне Э. Эпштейном 9 февраля 1948 г.// Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 111. С. 286
 28. 42 (1948) Резолюция от 5 марта 1948 г. S/691//Эл. ресурс: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/048/25/IMG/NR004825.pdf?OpenElement> Доступ: 29.10.2017
 29. Записка заведующего отделом по делам ООН МИД СССР С.А. Виноградова заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому 19 марта 1948 г.// Ближневосточный конфликт 1947–1967. Т. 1: 1947–1956. Док.№ 11.С.33.
 30. Op. cit. Draft to position of the United States with respect to Palestine. P. 13
 31. СССР не являлся членом Совета по опеке.
 32. Протокольная запись выступления постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громыко на заседании Первого комитета Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 апреля 1948 г. // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 118. С. 301.
 33. Телеграмма министра иностранных дел Израиля М. Шертоха министру иностранных дел СССР В.М. Молотову 15 мая 1948 г. // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 120. С. 304.

Политика великих держав в отношении создания
еврейского государства (1945–1948 гг.)

34. Телеграмма министра иностранных дел СССР В.М. Молотова министру иностранных дел Израиля М. Шертоку 18 мая 1948 г. // Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 1. Док. № 121. С. 305.
35. Kurzman D. Genesis. P. 250
36. Kurzman D. Genesis. Pp. 294–296
37. Bialer U. Between East and West: Israel's foreign policy orientation 1948–1956. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. 208–209.
38. МАПАЙ (акроним Мицдехет Поели Эрец Исраэль) – Рабочая партия Израиля, образована в 1930 г., умеренной социал-демократической ориентации.

Е.А. Якимова

РЕВИЗИЯ ПРИНЦИПА ДВУХ ГОСУДАРСТВ: НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Вопрос о том, существует ли палестинское государство, по сей день звучит неоднозначно. С одной стороны, на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН организация повысила статус Палестины до уровня государства-наблюдателя, а глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас своим декретом от января 2013 г. постановил считать единственно верной официальной формулировкой «Государство Палестины». С другой стороны, по-прежнему сомнения вызывает даже формальное соответствие этого образования необходимым признакам, среди которых единство территории, суверенитет и наличие централизованных органов власти, попытки сформировать которые периодически демонстрируют враждующие фракции ХАМАС и ФАТХ. Не поддерживает усилия по одностороннему изменению палестинского международно-правового статуса и ряд влиятельных международных игроков, включая США, а также вторая сторона конфликта в лице Израиля. Впрочем, у проблемы есть еще одно, региональное измерение, в некотором смысле претендующее на выдвижение альтернативных подходов к тому, как и где палестинское государство может быть или уже образовано.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II), отмечающая в 2017 г. 70-летний юбилей, рекомендовала формирование на территории подмандатной Палестины двух государств. Их предполагаемые границы, обозначенные в плане раздела территорий с точностью до деревень, должны были дополнить лоскутное одеяло политической карты мира двумя новыми фрагментами

причудливой формы¹. Впрочем, последовавшая за провозглашением независимости Израиля война 1948–1949 гг., завершившаяся оккупацией Газы Египтом, а Западного берега реки Иордан – Трансиорданией, привела к неопределенности в отношении будущего палестинского государства и его границ. Более того, этот порядок, сохранившийся вплоть до 1967 г., поставил вопрос о возможности палестинцев самостоятельно сформировать органы власти, способные обеспечить соблюдение базовых принципов справедливости, ответственности и кооперации. В этой связи на протяжении дальнейшей истории были предложены несколько сценариев, содержащих варианты отступления от традиционного подхода к разделу Палестины при усилении роли Аммана и Каира в судьбе ближайших соседей.

Первым из них можно считать так называемую иорданскую опцию или проект иордано-палестинского объединения, представлявшийся в различных вариантах после Шестидневной войны. Способов его реализации, действительно, озвучивалось множество. На более раннем этапе речь шла о создании федерации, в рамках которой предусматривалась автономия двух округов во всех вопросах за исключением внешней политики и безопасности. Амман должен был стать централизованной столицей федерации и главным городом Иорданского округа, расположенного на восточном берегу одноименной реки. Для Палестинского округа, охватывающего соответственно западный берег и, как говорится в проекте, «любые другие освобожденные палестинские территории, чье население захочет присоединиться»², столицей должен был стать Восточный Иерусалим. Таков был план «Объединенного арабского королевства», представленный в 1972 г. королем Хусейном. Образование федерации и возможность ухода Израиля с большей части Западного берега реки Иордан обсуждались на секретных переговорах в Лондоне тогдашним министром иностранных дел Израиля Шимоном Пересом и иорданским монархом в 1987 г.³

Однако далеко не все представители израильского военно-политического истеблишмента того периода разделяли позитивный настрой по отношению к инициативе. К примеру, против проекта

выступал премьер-министр Ицхак Шамир, в правительстве которого Ш. Перес и возглавлял внешнеполитическое ведомство. Еще в 1967 г. министр труда Игаль Алон, стоявший у истоков формирования «Пальмах», предостерег от следования иорданскому сценарию. С его точки зрения, несостоительность привлечения Хашимитского королевства к решению палестинского вопроса была продемонстрирована еще после войны 1948–1949 гг. Помимо этого он утверждал, что при наиболее благоприятном для Израиля развитии событий договоренность будет иметь смысл в течение промежутка времени, который не превышает 60 лет, т. к. основывается на личности монарха и его восприятии внешнеполитических ориентиров. В дальнейшем министр не исключал попадания Иордании под сильное влияние Сирии⁴.

В наиболее общем смысле современный проект, чаще называемый конфедерацией, предусматривает созыв объединенного парламента с двумя региональными центрами власти и одним центральным, а также единую экономическую систему. Вопросы безопасности должны находиться под контролем конфедеративных органов власти, где решающая роль отводится Иордании. Ее представителям, помимо прочего, предстоит вести диалог с Израилем⁵. Таким образом, стремление закрепить за Амманом решающие полномочия в отношении наиболее значимых вопросов при фактическом отсутствии в представленных проектах процедуры выхода из состава конфедерации в политико-правовом смысле означает, что возможное иордано-палестинское образование будет представлять собой, скорее, форму государственного устройства, а не межгосударственное объединение.

В новейшей истории проект озвучивался на нескользких этапах всплеска внимания к ситуации в Израиле на палестинских территориях. В начале 2000-х иорданский политик Марван аль-Муашер высказал предположение, что израильский заградительный барьер ориентирован на вытеснение палестинцев в королевство. По его словам: «Стена эффективно разделит Западный берег на три части. Это сделает жизнь палестинцев невозможной: отрежет их от их работы, их школ, их земель. Если это произойдет,

какие варианты есть у палестинцев? Они добровольно или по принуждению уйдут в Иорданию»⁶.

В 2007 г. переход Газы под контроль ХАМАС спровоцировал публикации, в соответствии с которыми с согласия Абдаллы II королевство вновь заинтересовалось данной инициативой. По итогам посещения Израиля экс-главой правительства Хашимитского королевства Абдельсаламом аль-Маджали в издании Haaretz появилась статья, автор которой утверждал, что с подачи монарха его представитель поднял этот вопрос в беседе с израильскими министрами, а также предпринял попытку привлечения к дискуссии США⁷.

По мнению израильского исследователя Шломо Брома из Института исследований национальной безопасности (INSS), внимание к теме было вызвано провалом попыток палестинцев самостоятельно решить судьбу своей государственности, что продемонстрировал их раскол. В этой связи вновь оказалось необходимым передать их будущее в руки соседних государств. Иордания как нельзя лучше подошла бы на эту роль, т. к., по мнению исследователя, королевство опасалось, что новый поток беженцев и распространение радикальных взглядов захлестнут и его. Более того, Ш. Бром, опираясь на опросы общественного мнения, проведенные Palestinian Center for Policy and Survey Research, указывал, что более 40% палестинского населения выступали за союз с Иорданией⁸.

Помешал проекту перейти из области мечты в реальную политику иорданский монарх, в одном из интервью заявивший: «На данном этапе это предложение является заговором против Палестины и Иордании»⁹. Палестинские источники, близкие к ХАМАС, отставали противоположную позицию, полагая, что инициатива являлась лишь элементом в стратегии США во главе с Джорджем Бушем младшим в рамках построения задуманного им «нового Ближнего Востока». Иордания, по их мнению, в обмен на частичную потерю свободы в принятии внешнеполитических решений пыталась получить безопасность и гарантию сохранения нынешнего режима¹⁰.

В 2012–2013 гг. на волне очередной попытки создать правительство национального согласия из враждующих палестинских фракций новую жизнь обрел и проект конфедерации, фигурировавший в повестке дня переговоров главы палестинской национальной администрации Махмуда Аббаса и короля Иордании Абдаллы II в декабре 2012 г. Реакция на него в СМИ оказалась крайне негативной. Иорданский журналист Н. Хаттар из издания al-Arab al-Yawm тогда написал: «Соединенные Штаты, Европа и Израиль поощряют конфедерацию между Иорданией и Западным берегом, чтобы передать бремя администрирования “территорий” и их жителей Иордании»¹¹. В январе 2013 г. после встречи с иорданским монархом тогдашний глава Политбюро ХАМАС Халед Машаль отметил, что не исключает будущего альянса, однако, он возможен лишь после образования независимого палестинского государства.

В год 70-летия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II), катализатором для обсуждения иорданского сценария стали усилия президента США Дональда Трампа по реанимированию ближневосточного урегулирования. 15 февраля 2017 г. на совместной с израильским премьер-министром Биньямином Нетаньяху пресс-конференции в Вашингтоне американский лидер произнес фразу: «Я рассматриваю два государства и одно государство, и мне нравится то, что нравится обеим сторонам»¹².

Незадолго до первой встречи главы израильского правительства с новоизбранным американским президентом Центром стратегических исследований Бегин-Садат был опубликован аналитический материал, призывающий Израиль обратить внимание на все возможности в сфере разрешения конфликта, а не замыкаться в рамках традиционного принципа двух государств для двух народов. Авторы отмечали, что новое руководство США наиболее склонно к отказу от непродуктивного отстаивания необходимости создать суверенное палестинское государство любой ценой. В этой связи предлагалось вернуться к кажущейся забытой иорданской опции, которая не только могла бы способствовать реализации израильских интересов, но и позволить укрепить положение Хашимитского королевства в рамках Ближнего Востока¹³.

В обзоре говорилось, что только вмешательство Иордании позволит стабилизировать палестинцев, предотвратив окончательный переход власти в руки ХАМАС. Кроме того, Иордания, как утверждали авторы, сама постоянно дает сигналы готовности отступить от приверженности традиционному сценарию разрешения конфликта. В качестве аргументов в тексте приводилось два примера. Во-первых, авторы отметили, что королевство так и не внесло поправки в статьи конституции, касающиеся его объединяющей роли по обе стороны реки Иордан. Во-вторых, из уст различных политических и общественных деятелей неизменно звучат слова о применимости иорданского сценария для разрешения палестино-израильского конфликта¹⁴. После майского выступления на саммите в Саудовской Аравии, в котором Д. Трамп предложил широкий региональный альянс Израиля с умеренными суннитскими режимами, перспектива иордано-палестинской конфедерации показалась многим еще более реальной.

Свообразным пиком обсуждения инициативы стала конференция под названием «The Jordan Option – The Ultimate Alternate Solution», проведенная 17 октября 2017 г. в Центре Менахема Бегина в Иерусалиме. Пожалуй, важнейшей ее особенностью явилось то, что подавляющее большинство присутствовавших не рассматривали иорданский сценарий с точки зрения федерации или конфедерации, посчитав возможным, что палестинцы могут просто стать частью ныне существующего королевства без каких-либо политических трансформаций. На мероприятии выступили несколько известных докладчиков, включая депутата от партии «Ликуд» Йехуду Глика, активно отстаивающего права иудеев на Храмовую гору, а также генерального секретаря Коалиции иорданской оппозиции Мудара Захрана. По мнению последнего, высказанному в различных интервью, палестинское руководство сегодня фактически не существует, следовательно, нет необходимости учитывать его точку зрения при реализации иорданского сценария. Более того, выдвигая весьма революционную идею, он предлагает не убеждать Хашимитское королевство в необходимости взять на себя эту ответственность, а считает

возможным попросту отстранить правящую династию от власти при помощи воздействия США на армейские круги.

Й. Глик начал выступление на конференции с простой и лаконичной фразы: «Всем известно, что Иордания является палестинским государством»¹⁵. В последующей речи он несколько более подробно описал суть своих взглядов, основанных на ряде допущений. Во-первых, представитель «Ликуд» указал, что большая часть иорданцев – это и есть палестинцы, следовательно, речь идет об их воссоединении. Во-вторых, с точки зрения парламентария, многие в Рамалле и Газе полагают, что их собственное руководство коррумпировано, и предпочли бы перейти под власть Иордании. Впрочем, в иорданском сценарии Й. Глик видит и недостаток, заключающийся в необходимости территориальных уступок со стороны Израиля, которые он считает недопустимыми¹⁶.

Оценки состоявшейся конференции оказались весьма противоречивыми. В некоторых израильских изданиях, несмотря на критику в адрес ряда докладчиков, общие итоги мероприятия сводились к позитивному его влиянию на перспективы урегулирования конфликта. Заключается оно в том, что данный сценарий позволяет считать проблемы Западного берега реки Иордан разрешимыми¹⁷. Журналист Х.А. Барари на страницах *the Jordan Times*, наоборот, резко осудил организаторов за отказ от понимания шаткого ближневосточного баланса между войной и миром и неуважение к мирному договору, подписанному Израилем с Хашимитским королевством в 1994 г. По его мнению, «неявный призыв к реализации “иорданского сценария” выдает неспособность израильских лидеров преодолеть внутриполитические трудности и внутренние препятствия на пути к миру»¹⁸.

Впрочем, возможность продвижения данной идеи высказывалась и до избрания Д. Трампа, начав набирать силу еще в 2016 г. Ярким проявлением этой тенденции стала реализация проекта «One Million Hebronians», запущенного в мае 2016 г. С целью формирования позитивного восприятия плана конфедерации был организован визит иорданской делегации в Хеврон, а затем ответная поездка представителей города в королевство¹⁹. В некоторых источниках утверждалось, что этот замысел был реализован при

поддержке Абдаллы II, хотя официальные представители палестинской и иорданской сторон позднее заявили, что не имеют к этому никакого отношения.

В целом т. н. «иорданская опция» в своем современном прочтении представляет собой, скорее, не альтернативу существующей концепции ближневосточного мирного урегулирования, а её продолжение. Формирование независимого палестинского государства, соседствующего с Хашимитским королевством, автоматически не решает проблем в сфере безопасности и угрозы распространения радикальной идеологии на Иорданию. В этой связи, как полагает израильский исследователь Ашер Сассер, построение сотрудничества в формате конфедерации с централизованным контролем над наиболее острыми вопросами со стороны Аммана позволило бы стабилизировать ситуацию, одновременно создав модель политического развития для самих палестинцев²⁰. Впрочем, приступить к реализации этого сценария монархия будет готова лишь после того, как палестинское государство будет создано и признано.

Вторым альтернативным сценарием палестино-израильского урегулирования можно считать так называемый план «территориальной компенсации». По его условиям участниками процесса обмена территориями становились бы не только сами стороны противостояния, но и их ближайшие соседи в лице Иордании и Египта, которые за счет собственной земли должны были стимулировать уступки, необходимые для достижения мира²¹. Несколько иное звучание этой инициативе в 2017 году придал министр без портфеля, позднее получивший пост министра связи в правительстве Израиля Аюб Кара. Поводом для обращения к вопросу стала первая встреча премьер министра Израиля Б. Нетаньяху с президентом США Д. Трампом, на которую, как уже упоминалось выше, возлагались большие надежды с точки зрения трансформации подходов к ближневосточному урегулированию. По словам А. Кара, предложение было вновь выдвинуто президентом Египта А. Ф. ас-Сиси, а двум лидерам на переговорах в Вашингтоне предстояло его утвердить. Как заявил министр, «так мы проложим путь к миру, в том числе с суннитской коалицией»²².

От участия в подобной сделке глава израильского правительства сразу же отказался, сообщив, что тема в повестке дня переговоров не фигурирует, а арабская республика рассматривается как важный игрок, позволяющий обеспечить мир и безопасность в регионе. Интересно, что даже после публикации точки зрения Б. Нетаньяху, А. Кара продолжил настаивать на своем, заявляя, что обсуждал эту перспективу с премьер-министром лично и добился от него понимания того, что только этот проект представляет собой реалистичный механизм разрешения конфликта и сохранения за Израилем стратегически значимых территорий²³. О неизменности курса в отношении отстаивания принципа двух государств для двух народов в связи с публикацией в прессе упомянутых цитат заявили и представители Египта.

Надо сказать, что сам проект активно обсуждался еще в 2004 г. благодаря тогдашнему главе Совета национальной безопасности Гиоре Эйланду, став своего рода следующим этапом после одностороннего размежевания с Газой. По условиям выдвинутой инициативы, Израиль должен был передать Египту 200 км² в районе пустыни Негев в обмен на то, что Каир санкционировал бы предоставление 600 км² палестинцам на Синайском полуострове. Помимо этого, в прессе утверждалось, что полученная арабской республикой территория на юге должна будет соединиться подземным туннелем с Иорданией, за счет чего королевство получит доступ к инфраструктуре, которую планировалось развивать в Газе²⁴. Предложение одобрил тогдашний глава израильского правительства Ариэль Шарон, а затем оно было представлено главам внешнеполитических ведомств США и Германии.

Впрочем, и эту идею реализовать на практике не удалось, однако, в теоретическом плане она получила развитие на страницах доклада Г. Эйланда, опубликованного Центром стратегических исследований Бегин-Садат в 2010 г. Там были описаны основные достоинства данного предложения, а также расширенный перечень компенсаций, которые Израиль был готов предоставить Египту. В их число вошли перспективы решения проблемы водных ресурсов с применением новейших израильских технологий, а также готовность пересмотреть военную составляющую

мирного договора 1979 г., который накладывал на Египет ограничения в вопросе размещения воинского контингента на Синае. Наконец, поскольку еще в 2004 г. проект предполагалось реализовать под эгидой Европейского союза, в документе утверждалось, что Франция должна построить в Египте атомную электростанцию. Стоит отметить, что с повышением количества нетерриториальных уступок арабской республике могли сократиться объемы земли в районе Негева, передаваемые по условиям обмена²⁵. Израиль, в свою очередь, должен был сохранить за собой порядка 12% территории на Западном берегу реки Иордан. Близкая цифра указывалась Эхудом Бараком как стратегически значимая на переговорах в Кэмп-Дэвиде в 2000 г.²⁶

Египетские лидеры по-разному отзывались о проекте расширения Газы за счет Синайского полуострова. К примеру, Хосни Мубарак опасался международного вмешательства в проблему. По его словам: «Мы боремся как с США, так и с Израилем ... Через год или два вопрос о лагерях палестинских беженцев на Синае будет интернационализирован»²⁷. Мохаммед Мурси, представлявший правительство «Братьев мусульман» и стремившийся сблизиться с ХАМАС, наоборот, выдвинул аналогичный план, также не получивший развития на протяжении его непродолжительного пребывания у власти. В феврале 2015 г. в арабской прессе появилась информация, в соответствии с которой египетский президент А. Ф. ас-Сиси якобы предложил палестинцам расширить Газу за счет 1600 км² на Синае. Взамен палестинский лидер М. Аббас должен отказаться от идеи создания государства на территории Западного берега р. Иордан и отступить от поступлата о необходимости закрепления за Восточным Иерусалимом статуса столицы.

Последнее сообщение спровоцировало острую критику со стороны Рамаллы и Каира, посчитавших их провокацией Израиля на фоне попыток М. Аббаса добиться внимания к палестинской проблеме. Главной причиной, по которой предложение вызвало недовольство палестинской администрации, стало то, что представленный в прессе проект фактически предполагал уход палестинцев с исторически значимой для них территории. Впрочем,

в ряде публикаций того периода появилось предположение, что такого рода провокация была выгодна, скорее, самому М. Аббасу, стремившемуся бросить тень на ХАМАС и их предыдущий диалог с М. Мурси. Основывались такого рода допущения на том, что данные о готовности правительства «Братьев-мусульман» пойти на сделку не были подкреплены достоверными источниками. Более того, палестинского лидера уличили в том, что он стал критиковать проект еще до его обнародования в арабской прессе, в некотором смысле самостоятельно создавая информационный повод²⁸.

Интересно, что с точки зрения израильского экспертного сообщества иорданский сценарий и план обмена территориями не противоречат друг другу. Наоборот, при наиболее благоприятном для государства сценарии развития событий они вместе могли органично дополнить мирный процесс, разделяя ответственность за палестинцев в Газе и на Западном берегу реки Иордан между их ближайшими соседями. Такая идея, к примеру, высказывалась в упомянутом выше отчете Г. Эйланда. Подводя итоги своего исследования, он пишет, что перспектив для объединения палестинских территорий в некое единое государственное образование существует крайне мало. Одновременно с этим историко-культурные связи между палестинцами и жителями прилегающих к местам их проживания районами Иордании и Египта, которые сознательно разрывались при Я. Арафате, создают все условия для их сближения и одновременного урегулирования конфликта²⁹.

В целом, рассмотренные выше альтернативные проекты палестино-израильского урегулирования, являющиеся в большей степени не противоположностью, а дополнением существующих мирных инициатив, обладают рядом общих черт. Прежде всего, они требуют широкого международного участия как со стороны внешних игроков, так и региональных государств, тем самым снимая определенную долю ответственности за затягивание разрешения конфликта с его непосредственных участников. Одновременно с этим указанные планы предполагают и уступки не только со стороны Израиля, но и его ближайших соседей в лице Иордании

и Египта, которые должны, по сути, заплатить свою цену за мир и стабильность в районе собственных границ. С одной стороны, может показаться, что 2017 г., значимый для израильской истории в символическом смысле, а также отмеченный высказываниями президента США Д. Трампа о возможности широкого регионально соглашения и гибкого подхода к мирному процессу, оказался как никогда более удачным для воплощения на практике одного из предложенных сценариев. С другой стороны, ни Амман, ни Каир на нынешнем этапе не готовы взять на себя ответственность и представить проект урегулирования, демонстрируя возможность глубже вмешаться в проблему лишь после того, как суверенное палестинское государство станет реальностью. Однако это оказывается недостижимым в условиях отсутствия прогресса на палестино-израильском треке, образуя своеобразный замкнутый круг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Resolution 181 (II). Future government of Palestine // United Nations General Assembly. A/RES/181(II). 29.11.1947. Эл. ресурс доступ: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/7F0AF2BD897689B785256C330061D253>; дата обращения 03.05.2018.
2. King Hussein's plane for a federation. 15.03.1972 // The Jerusalem Question and its Resolution: Selected Documents. Dordrecht, 1994. P. 291.
3. Карасова Т.А. История израильских поисков альтернативы плану «Два государства для двух народов» // Вестник МГИМО Университета № 52010 С. 179
4. Pedatzur R. The 'Jordanian Option,' the Plan That Refuses to Die // Haaretz [on-line]. 25.07.2007. Эл. ресурс доступ: <https://www.haaretz.com/print-edition/features/the-jordanian-option-the-plan-that-refuses-to-die-1.226164>
5. Baskin G. Encountering Peace: Palestine-Jordan Confederation and Peace // Jerusalem Post [on-line]. 13.08.2016. Эл. ресурс доступ: <http://www.jpost.com/Opinion/Encountering-Peace-Palestine-Jordan-confederation-and-peace-466534>; дата обращения 08.05.2018.
6. Sussman G. Ariel Sharon and the Jordan Option // Middle East Research and Information Project. March, 2005. Эл. ресурс доступ: <http://www.merip.org/mero/interventions/ariel-sharon-jordan-option>; дата обращения 03.06.2018.
7. Pedatzur R. Op. cit.
8. Brom S. Jordanian-Palestinian Confederation: An Idea Whose Time Has Not Come // INSS Insight № 24. 11.07.2007. Эл. ресурс доступ: <http://www.inss.org.il>

- org.il/publication/jordanian-palestinian-confederation-an-idea-whose-time-has-not-come/; дата обращения 06.06.2018.
9. Abdullah talks down confederation talk // Jewish Telegraph Agency. 02.07.2007. Эл. ресурс доступ: <https://www.donate.jta.org/2007/07/02/news-opinion/abdullah-talks-down-confederation-talk>; дата обращения 26.04.2018.
 10. Khalil O. Deconstructing the Jordan option // The Electronic Intifada. 13.07.2007. Эл. ресурс доступ: <https://electronicintifada.net/content/deconstructing-jordan-option/7095>; дата обращения 03.05.2018.
 11. Miller E. Talk of Palestinian-Jordanian confederation irks observers on both sides of the river // Times of Israel 17.12.2012. Эл. ресурс доступ: <https://www.timesofisrael.com/talk-of-palestinian-jordanian-confederation-irks-observers-on-both-sides-of-the-river/>; дата обращения 18.04.2018.
 12. Ravid B. Trump Declines to Endorse Two-state Solution, Calls on Netanyahu to Hold Back on Settlements // Haaretz [on-line]. 16.02.2017. Эл. ресурс доступ: <https://www.haaretz.com/israel-news/LIVE-1.771849?cardid=Trump-Netanyahu-two-state-one-state>; дата обращения 13.05.2018.
 13. Frisch H., Sokoloff Y. Trump, the Mideast Conflict, and the Jordanian Option // BESA Center Perspectives Paper № 407. 05.02.2017. Эл. ресурс доступ: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/02/407-Trump-Mideast-Jordanian-Option-final.pdf>; дата обращения 14.05.2018.
 14. Ibid.
 15. Rudee E. Mass Arab Emigration to Jordan would solve Israel's Palestinian Problem, suggests conference // Breaking Israel News 18.10.2017. Эл. ресурс доступ: <https://www.breakingisraelnews.com/96422/move-palestinians-jordan-free-israel-urges-conference-middle-east-peace/#/>; дата обращения 19.04.2018.
 16. Ibid.
 17. См. например: Dobrin R. A Review of the Jordan Option Conference // JewishPress.com. 18.10.2017. Эл. ресурс доступ: <http://www.jewishpress.com/blogs/israpundit/a-review-of-the-jordan-option-conference/2017/10/18/>; дата обращения 15.05.2018.
 18. Barari H.A. The 'Jordan option' and the failure of the Israeli right // The Jordan Times [on-line] 16.10.2017. Эл. ресурс доступ: <http://jordantimes.com/opinion/hassan-barari/jordan-option%E2%80%99-and-failure-israeli-right>; дата обращения 03.05.2018.
 19. Jacob C. Idea Of Jordanian-Palestinian Confederation Resurfaces, Only To Be Rejected By Both Sides // The Middle East Media Research Institute. 02.10.2016. Эл. ресурс доступ: <https://www.memri.org/reports/idea-jordanian-palestinian-confederation-resurfaces-only-be-rejected-both-sides>; дата обращения 12.04.2018.
 20. A. Susser Israel, Jordan, and Palestine: The Two-state Imperative. Brandies, 2011. P. 198
 21. Карасова Т.А. История израильских поисков альтернативы плану «Два государства для двух народов» // Вестник МГИМО Университета № 52010 С. 179
 22. Woolliff R. Minister claims Netanyahu, Trump will push for Palestinian state in Sinai // Times of Israel. 14.02.2017. Эл. ресурс доступ: <https://www.timesofisrael.com/minister-claims-netanyahu-trump-will-push-for-palestinian-state-in-sinai/>

Ревизия принципа двух государств:
некоторые варианты решения палестинской проблемы

- com/minister-claims-netanyahu-trump-will-push-for-palestinian-state-in-sinai/;
дата обращения 19.04.2018.
- 23. Ibid.
 - 24. Israel proposes land swap with Egypt to enlarge Gaza // The Daily Star [on-line]. 08.09.2004. Эл. ресурс доступ: <http://www.dailystar.com.lb/News/Middle-East/2004/May-08/63022-israel-proposes-land-swap-with-egypt-to-enlarge-gaza.ashx#axzz3CqEXtbtj>; дата обращения 23.12.2017.
 - 25. Eiland G. Regional Alternatives to the Two-State solution // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 2010. P. 33
 - 26. Ibid.
 - 27. Cook J. Is Gaza-Sinai state a possibility for Palestinians? // Al Jazeera. 24.07.2017. Эл. ресурс доступ: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/07/gaza-sinai-state-possibility-palestinians-170716093036972.html>
 - 28. См. например: Cook J. Analysis: Is there a plan to force Palestinians into Sinai? // Middle East Eye. 13.02.2015. Эл. ресурс доступ: <http://www.middleeasteye.net/in-depth/features/analysis-there-plan-force-palestinians-sinai-1669375394>; дата обращения 06.05.2018.
 - 29. Eiland G. Regional Alternatives to the Two-State solution // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 2010. P. 36

А.В. Федорченко

СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И ПАЛЕСТИНСКИМИ ТЕРРИТОРИЯМИ ПОСЛЕ ШЕСТИДЕВНОЙ ВОЙНЫ

Экономические цели в отношении палестинских территорий, очевидно, не были определяющими для Израиля в ходе и после арабо-израильской войны 1967 г. Тем не мене эта страна получила вполне ощутимые выгоды от использования палестинских территорий. Во-первых, вследствие недостаточного развития производственной базы территорий проблема трудоустройства экономически активного населения решалась путем экспорта рабочей силы в Израиль (а также соседние арабские страны). Трудовая миграция палестинцев стала одним из центральных элементов рассматриваемой специфической интеграционной модели. Широкое применение дешевой рабочей силы оккупированных территорий началась еще в период экономического подъема в Израиле 1968–1974 гг. Тогда бурное развитие военной и связанных с ней отраслей израильской промышленности потребовало вовлечение в экономику большого числа рабочих рук. Но поскольку в военном производстве использовался труд только еврейских рабочих, другие сферы хозяйства начали испытывать нехватку трудовых ресурсов. В Израиле палестинские рабочие с оккупированных территорий были заняты неквалифицированными видами труда: в строительстве, сельском хозяйстве и в сфере услуг. В 1987 г. их число составило 108,9 тыс. человек, или 8,2% всех занятых в Израиле. В том же году палестинцы с Западного берега и из сектора Газа составляли 72,3% строительных рабочих Израиля¹. В этих отраслях палестинцы работали в основном

в не престижном производстве, которое англоязычная пресса определила как «3D» – dirty, dangerous & difficult (грязная, опасная, трудная работа).

В конце 1960-х–первой половине 1970-х годов применение во все возрастающих масштабах рабочей силы оккупированных палестинских территорий компенсировало истощение к тому времени других источников экстенсивного роста израильской экономики. Однако нельзя не отметить, что использование труда палестинцев, обеспечив израильским предпринимателям краткосрочные выгоды, отодвинуло почти на десятилетие переход хозяйства Израиля от экстенсивного к преимущественно интенсивному типу развития, стало важной причиной невысокой эффективности производства в ряде отраслей израильской экономики.

Во-вторых, расширилось экономическое пространство для хозяйственной деятельности израильских предпринимателей, что имело особую ценность для такой малой страны как Израиль. Ограничавая возможности инвестирования местного капитала, власти Израиля поощряли прямое воспроизведение израильского капитала на палестинских территориях, воссоединяли инфраструктуру данных районов с израильской. “Освоение” захваченных районов помимо строительства еврейских поселений включало создание здесь израильской промышленной структуры. Власти обеспечивали израильским промышленным и строительным фирмам чрезвычайно выгодные условия деятельности (предоставление субсидий, льготных кредитов, освобождение от налогов, строительство за государственный счет объектов инфраструктуры и др.).

В-третьих, несколько расширился рынок сбыта израильской продукции как за счет поставок на территории, так и посредством использования политики «открытых мостов» для продвижения израильского экспорта в Иорданию и другие арабские страны, бойкотировавшие Израиль.

В-четвертых, Израиль получил возможность использовать палестинские природные ресурсы, среди которых первостепенное значение в данном случае имеет столь дефицитная на ближнем Востоке вода.

Общий итог, в достижении которого фактор палестинских территорий, конечно, не был определяющим, но сыграл свою роль, следующий. В третье тысячелетие Израиль вошел в качестве страны с высокоразвитой экономикой постиндустриального типа. Свидетельством тому является набор основных израильских макроэкономических индикаторов. В 2015 г. объем валового национального дохода (ВНД) на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности, составил 31,2 тыс. долл., что примерно соответствовало показателям Италии, Испании, Новой Зеландии. Уровень и качество жизни в стране позволяет измерить индекс человеческого развития (ИЧР), который вбирает в себя индексы предстоящей продолжительности жизни, охвата населения образованием и показатель подушевого ВНД. В 2015 г. ИЧР Израиля составил 0,899 (19-е место среди 188 стран мира)².

На фоне этого результатом полувекового функционирования подобной модели двусторонних экономических отношений стала консервация, и даже деградация производительных сил Западного берега и Газы. Экономика Западного берега р. Иордан и сектора Газа так и не приобрела характер стабильной, самовоспроизводящейся, конкурентоспособной хозяйственной системы. Причины этого следует искать в неурегулированности ближневосточного конфликта, который не позволил палестинцам самостоятельно и эффективно заниматься экономическим строительством на указанных территориях.

В 2015 г. подушевое значение ВНД территорий составило 5,5 тыс. долл. Последний показатель примерно соответствовал уровню Индии, Молдавии, Республики Конго. По показателю индекса человеческого развития Западный берег и сектор Газа занимали в 2015 г. лишь 114-ю позицию в группе 188 стран мира. Вместе с тем, по абсолютному значению ИЧР (0,684) палестинские территории немного выделялись в лучшую сторону, в группе стран со средним показателем ИЧР (medium human development group – в среднем 0,631), примерно соответствовали среднеарабскому уровню (0,687), но, естественно, сильно отставали от соседнего Израиля³. Следует отметить, что столь невысокое место объясняется низким показателем национального дохода на душу

населения. По другим составляющим ИЧР ситуация значительно лучше – главным образом за счет внешнего финансирования, развития систем образования и здравоохранения⁴.

В итоге, что мы видим сегодня в южной, прибрежной части Восточного Средиземноморья? С одной стороны – Израиль (высокоразвитое постиндустриальное государство). С другой – дезинтегрированные и слаборазвитые в экономическом плане палестинские территории. Оба этих хозяйственных организма, находящиеся в разных весовых категориях, искусственно, с применением насилиственных мер, объединены в таможенный союз.

Показательно, что палестинские территории выпадают из современной классификации стран по так называемому уровню несостоятельности/состоятельности. Количественной оценкой меры «несостоятельности», которая выражается индексом несостоятельности государств (Failed States Index – FSI), занимается американский фонд «За мир» (Fund for Peace). Наличие у Западного берега и сектора Газа специфичного набора политических, социально-демографических, экономических и иных «неудач», очевидно, заставило экспертов фонда отказаться от оценки самих территорий и объединить в общем списке объектов данной оценки Израиль и Западный берег (Газа никак не учитывается)⁵. В данном случае такой аналитический прием, на наш взгляд, является спорным, мало что проясняет и лишь затушевывает общую картину с несостоятельностью/состоятельностью и в Израиле, и на Западном берегу.

Израиль и эти территории имеют длительный, но весьма специфический и во многом ограниченный опыт ближневосточной экономической интеграции.

Вследствие недостаточного развития производственной базы территорий проблема трудоустройства экономически активного населения решалась путем экспорта рабочей силы в Израиль и соседние арабские страны. Трудовая миграция палестинцев стала одним из центральных элементов рассматриваемой специфической интеграционной модели.

Экономическая политика Израиля на палестинских территориях была направлена на стимулирование роста дохода местного

населения и одновременно на сдерживание роста тех производств, которые реально или потенциально были способны конкурировать с израильскими производителями. В особом положении оказались палестинские фермеры, нашедшие рынки сбыта в Иордании и ряде других арабских стран благодаря политике «открытых мостов». Парадокс одновременного роста доходов населения и упадка материального производства частично разрешался за счет заполнения соответствующих потребительских ниш израильскими товарами и разбуханием сектора операций с недвижимостью.

После начала процесса Осло и подписания в апреле 1994 г. Парижского протокола был достигнут компромисс, отразивший инерцию прежней модели взаимоотношений. Его суть состояла в установлении де-факто таможенного союза, сильно деформированного военно-политическими ограничениями. Учреждались единые для Израиля и палестинских территорий внешнеторговые тарифы на основную часть импорта. В качестве исключения ПНА было предоставлено право устанавливать собственные тарифы на ограниченные партии некоторых товаров, а часть импорта осуществлять на беспошлинной основе. Самостоятельность палестинских властей в регулировании ввоза товаров и услуг при этом существенно ограничивалась тем, что непосредственно взиманием пошлин и различных таможенных сборов занимались израильтяне, контролирующие внешние границы этого своеобразного таможенного союза. Хотя Израиль был обязан передавать эти деньги ПНА, он получал рычаг экономического давления, которым активно пользовался в 2000-е годы. Основная часть палестинского экспорта была свободна от экономических ограничений (ввоз в Израиль более дешевого бензина с территорий прекесался путем его обязательной цветовой маркировки, до 1998 г. существовали количественные ограничения на импорт в Израиль части сельскохозяйственной продукции), однако израильские власти в любой момент могли закрыть для него пограничные пропускные пункты.

Формально внешнеторговое тарифное регулирование перемстилось на внешний периметр границ Израиля и палестинских территорий. Между ними устанавливался свободный режим

передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В действительности же был разработан комплекс мер по возведению экономической границы, открытой в направлении Израиль – территории и жестко контролируемой израильскими властями (за немногими исключениями) в обратном направлении. На пути движения палестинского капитала встало стена из официальных израильских инструментов валютного регулирования и контроля над движением капитала. Так, жителям территорий запрещалось приобретать реальные активы и инвестировать в финансово-сферу Израиля. Для палестинских производителей аграрной и промышленной продукции прямой доступ на израильский рынок был ограничен. Израильские власти ввели в отношении палестинских товаров длительные процедуры таможенного контроля, что существенно снижало конкурентоспособность экономики западного берега и Газы.

В качестве обобщающей характеристики успеха или неуспеха страны в экономическом развитии часто используется состояние инвестиционного климата. Благоприятные условия для притока и использования предпринимательского капитала, как национального, так и зарубежного, в конечном итоге обеспечивают продвижение страны (или автономной территории) в повышательном направлении в мировом рейтинге конкурентоспособности. Последняя категория трактуется экспертным сообществом по-разному. По определению аналитиков ОЭСР «конкурентоспособность – это умение в условиях свободного и справедливого рынка производить товары и услуги, соответствующие стандартам международных рынков, и в то же время поддерживать и повышать уровень реальных доходов своих граждан в долгосрочной перспективе»⁶. На наш взгляд, с понятием «инвестиционный климат» в большей степени связана формулировка Всемирного экономического форума, более полно раскрывающая механизм воздействия притока инвестиционных ресурсов на экономический прогресс: «конкурентоспособность – это набор экономических факторов, политических действий и институтов, которые определяют уровень производительности данной страны. Повышение производительности – т. е. лучшее использование имеющихся

ресурсов – является движущей силой прибыльности инвестиций, которое, в свою очередь, определяет темпы роста экономики»⁷. Иными словами, конкурентоспособность характеризует потенциал экономического роста каждого государства на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Чем объяснить тот факт, что ни заметный рост доходов палестинцев (по сравнению с ситуаций накануне Шестидневной войны), ни мирный процесс 1990-х гг. и создание таможенного союза с Израилем с соответствующим устранением торговых барьеров между этой страной и территориями, ни наличие и с той и с другой стороны инвестиционных ресурсов не сделали эту часть мировой экономики привлекательной для притока капиталов и, как следствие, хозяйственного возрождения палестинских земель?

В 2016 г. палестинские территории занимали 129-ю позицию в группе 189 стран в рейтинге Всемирного банка Doing Business. В той же классификации они стояли на 56 месте по уплачиваемости налогов, 75 – по доступности источников энергоснабжения, 84 – трансграничной торговле и только 144 – по уровню защиты миноритарных акционеров, 170 – по легкости оформления бизнеса, 162 – по легкости получения лицензии на строительство, последнее место – по урегулированию проблемы с несостоительностью. В группе 20 ближневосточных стран (без Израиля) территории занимали в 2015 г. 15-е место⁸. Таким образом, привлекательность была невысока. Чем это обусловлено?

Серия исследований Всемирного банка, посвященных оценке инвестиционного климата Западного берега и сектора Газа, выявила парадоксальное, на первый взгляд, сочетание благоприятствующих экономическому росту факторов и непреодолимых в современных условиях барьеров на пути использования этих факторов, делающих инвестиционный климат здесь малопривлекательным для инвесторов. Рассмотрим отдельно эти «две стороны медали».

В наборе характеристик инвестиционного климата положительной оценки – по состоянию на начало XXI века и на фоне остальной части Арабского мира – заслуживают: относительно

высокий образовательный и профессиональный уровень населения, сравнительно развитый финансовый рынок, невысокий показатель коррумпированности общества, довольно эффективный аппарат государственного управления. По данным Всемирного банка, экономика палестинских территорий является одной из самых открытых в мире, что в теории должно было создать высококонкурентную среду и повысить эффективность национального хозяйства.

Проблема финансирования также не является серьезным ограничителем предпринимательской активности, поскольку большинство предприятий имеют доступ к денежным ресурсам для обеспечения своей текущей деятельности. Банковский сектор относительно хорошо развит и не испытывает трудностей с ликвидностью. Здесь функционируют 17 (по другим данным 22) частных банков (в том числе 10 с иностранным капиталом), которые предоставляют широкий спектр современных банковских услуг. В то же время сектор таких услуг как лизинг, факторинг, ипотека и микрокредитование только начинает формироваться. При неразвитой акционерной форме собственности фондовый рынок пока занимает в финансовой системе маргинальное положение.

В целом предложение финансовых ресурсов значительно превышает имеющийся у предпринимателей спрос. Последние, как правило, не проявляют интереса к внешнему финансированию и предпочитают в сложившейся ситуации опираться на внутренние источники – часть прибыли и амортизационные отчисления, что существенно снижает возможности для расширенного воспроизводства. По опросам, около 90% предпринимателей используют внутренние ресурсы компаний для капитонакопления, а 70% не обращаются к банковскому кредитованию, поскольку не испытывают необходимости в заемных средствах.

Еще одна составляющая инвестиционного климата – ситуация с коррупцией и излишними бюрократическими ограничениями. Здесь наблюдается еще одно противоречие. С одной стороны, как в большинстве других ближневосточных стран, палестинцы постоянно сталкиваются с выходящими за правовые рамки поборами и притеснениями со стороны государственных чиновников

разного уровня. В докладе за 2005 г. организации Transparency International палестинские территории оказались на 107-м месте среди 159 стран мира. Здесь получила распространение такая местная форма взяток как оплата посредничества – *васита* (от арабского слова – *wāsitah*)⁹.

С другой стороны, согласно опросам, большинство бизнесменов не считают коррупцию одним из наиболее серьезных ограничителей предпринимательской деятельности. Соотношение взяток и валовой стоимости продаж составляет всего 0,5%, тогда как в Ливане этот показатель составляет 3,0%, в Египте 8,5%. Необходимо учитывать, что палестинская бюрократия – относительно молодая прослойка на фоне остальной части Ближнего Востока. Она пока не впитала многолетние традиции централизованного государственного руководства и планирования. Предоставление госуслуг относительно прозрачно и справедливо. Однако в будущем вполне возможно повышение коррупционности в госаппарате. На современном этапе обеспокоенность большинства предпринимателей больше связана с жестким контролем ПНА над отдельными высокоприбыльными сегментами экономики (например, производство и сбыт цемента, топлива, табачных изделий). Кроме того, постепенно усиливаются не всегда экономически обусловленные связи между госаппаратом и склонным к монополизму крупным – по палестинским масштабам – бизнесом, что чревато нарастанием коррумпированности и непотизма.

Юридическая система также не является одним из главных ограничителей экономической деятельности. Большинство предпринимателей имеют многолетние деловые связи с коллегами и не обращаются в суды для разрешения возникающих споров. В то же время система законодательства нуждается в совершенствовании, принятии новых законов, регулирующих экономические отношения. Существенный урон бизнесу наносит сложная криминальная ситуация: на Западном берегу доля расходов на обеспечение безопасности компаний составляет в среднем 8% от стоимости продаж, в Газе – 10% (что в пять раз выше, чем в аналогичных турецких фирмах).

Транспортная инфраструктура и средства связи хорошо развиты и могли бы способствовать улучшению инвестиционного климата. Однако в условиях оккупации израильские власти часто под предлогом обеспечения безопасности израильских поселений ограничивают доступ палестинцев к развитой системе автомобильных дорог, что вынуждает их пользоваться параллельной транспортной сетью значительно худшего качества.

Набор ограничителей, во многом объясняющих перечисленные парадоксы, более широк, но имеет единую основу – сохранение режима оккупации и продолжение израильской поселенческой колонизации территории Западного берега, военная и экономическая блокада Израилем сектора Газа. Проведенный в 2006 г. экспертами Всемирного банка опрос палестинских предпринимателей показал, что среди препятствий хозяйственной деятельности на территориях наибольший удельный вес имели вызванная неблагоприятной политической обстановкой 1) макроэкономическая нестабильность (30%), 2) сама по себе политическая нестабильность (24%), 3) доступность транспортной инфраструктуры (9%). Взвешенные на основе этого опроса остальные факторы оценивались в 7% и менее¹⁰. Обследование, проведенное в 2001 г., дало почти такие же результаты. К концу второго десятилетия XXI века никакого улучшения в этом отношении не произошло.

В целом военно-политическая обстановка на территориях не позволяет палестинцам использовать те отдельные благоприятные характеристики местного инвестиционного климата, которые были рассмотрены выше. Конкретно это проявляется в следующем:

- Затрудненность передвижения товаров и рабочей силы (как следствие хозяйственной фрагментации территорий и недостаточной доступности современной транспортной сети) не позволяет осуществлять расширенное воспроизводство и осуществлять средне- и долгосрочные бизнес-планы.
- Низкая экономическая активность определяет слабый спрос на кредитные ресурсы и неразвитость фондового рынка. Имеющиеся финансовые ресурсы становятся избыточными.

- Израильский контроль над источниками воды и электроснабжением сдерживает развитие палестинской экономики, в первую очередь промышленности и сельского хозяйства.
- Нерешенность территориальной проблемы затрудняет использование еще одного производственного ресурса – земельных площадей. На палестинских территориях ощущается острый дефицит участков под промышленное строительство. Пригодные для этих целей земли либо уже давно находятся в частной собственности палестинцев, либо относятся к зоне «А» и контролируются ПНА. На остальной территории получить разрешение израильских властей на возведение промышленных объектов очень сложно. Кроме того, отсутствует определенность с правовым статусом части пригодных для хозяйственной деятельности и жилищного строительства земель, что подрывает сами основы экономического развития, делает туманными перспективы улучшения инвестиционного климата. Около 30% земель на Западном берегу не зарегистрировано, и их оборот регулируется часто противоречащими друг другу законодательными актами, в том числе оставшимися со времен Оттоманской империи. Все это поднимает земельные цены под промышленные сооружения до европейского уровня – так, в Рамалле стоимость одного квадратного метра колеблется от 100 до 200 долларов. Ограниченнность пригодной для залоговых операций земли тормозит использование этого инструмента в кредитной деятельности.

- В сфере внешнеэкономических связей палестинские компании фактически отрезаны от прямого и свободного взаимодействия с мировыми рынками.

Таким образом, за последние четыре десятилетия на Западном берегу и в Секторе Газа не сложился сбалансированный хозяйственный комплекс, обеспечивающий стабильное воспроизводство на расширенной основе.

* * *

Из двух вариантов развития палестинской экономики в среднесрочной перспективе – пессимистичного и оптимистичного

пока наиболее вероятен первый. Продолжение оккупации и застой в ближневосточном урегулировании означают продолжение прежних хозяйственных трендов. Западный берег окончательно утратит свою экономическую самостоятельность и растворится в несравненно более мощной израильской экономике. Это будет происходить по двум линиям – 1) через взаимодействие с экономикой Государства Израиль и 2) посредством расширения хозяйственной деятельности израильских поселений на Западном берегу.

В то же время не стоит предаваться фаталистическому настрою на непреодолимость слаборазвитости. Ситуация может поменяться. Характеризуя изменчивость траектории развития мировой экономики корейский экономист, профессор Кембриджского университета Д. Чхан заметил, что «вплоть до начала XX века австралийцы и американцы, побывав в Японии, говорили, что японцы ленивы. До середины XIX века британцы, побывавшие в Германии, говорили, что немцы слишком глупы, слишком эгоистичны и слишком эмоциональны, чтобы поднять экономику своих стран (тогда Германия еще не была объединена) – полная противоположность существующему сегодня стереотипу немцев»¹¹. Хозяйственный потенциал Государства Палестины после обретения им полноценного суверенитета вполне может обеспечить динамичное развитие палестинской экономики и даже превратить эту страну в своего рода лабораторию по реализации альтернативного для Арабского мира варианта развития. Однако рассмотрение подобного сценария, а также возможной в будущем трансформации израильско-палестинской интеграционной модели выходит за рамки данной статьи¹².

Составляя прогнозы, нельзя не вспомнить о славном, пусть и далёком, экономическом прошлом арабского мира. Его расцвет пришёлся на средние века. Тогда динамично развивалась экономика, внутренняя и внешняя торговля Арабского халифата, раскинувшегося на широких просторах от Индостана до Атлантики. Во время средневекового упадка европейской науки различные её отрасли переживали бурное развитие в халифате и оказали заметное влияние на европейцев. Так, первый крупный математик

средневековой Европы Фибоначчи, изучавший математику в Алжире, Египте и Сирии, способствовал распространению на европейском континенте простых и удобных правил сложения и вычитания чисел, записанных в позиционной десятичной системе счисления, применявшейся в процветавшей тогда арабской торговле. За много веков до того «Благодатный или плодородный полумесяц» (Месопотамия, Левант, долина Нила) стали колыбелью современной цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Statistical Abstract of Israel 1988. C. 732.
2. Human Development Report 2016. Table 1: Human Development Index and its components. United Nations Development Programme. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/HDI>
3. Там же.
4. Федорченко А.В.. Крылов А.В., Морозов В.М. Государство Палестины: право на будущее». МГИМО-Университет. М., 2018. С. 321.
5. Failed States Index 2006 // www.fundforpeace.org
6. World Competitiveness Yearbook'99. International Institute for Management and Development. www.imd.ch
7. Эксперты в Давосе: Израиль поднялся с 23 на 15 место в мире. <http://www.intersol.co.il/ispr/print.php?page=3183>
8. Doing Business 2016. World Bank. Url: <http://www.doingbusiness.org/rankings>
9. Понятие васита в арабской среде не вполне воспринимается как «взятка». Оно означает использование связей, знакомств, своего влияния для юридически не всегда обоснованного приобретения выгод того или иного масштаба – от ускорения процедуры выдачи паспорта или иных документов до приема на высокооплачиваемую работу, получения выгодного государственного контракта. Строго говоря, этот элемент теневой экономики не обязательно подразумевает передачу заинтересованным лицом денежных средств. Близкие по смыслу слова – «блат» в России, «Vetternwirtschaft» в Германии, «protektzia» в Израиле.
10. West Bank and Gaza Investment Assessment. Unlocking the Potential of the Private Sector. World Bank. March 2007. С. 37.

Специфика экономической кооперации между Израилем и палестинскими территориями после Шестидневной войны

11. Чхан Д. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм. М., 2014. С. 150.
12. Подробнее см. Федорченко А.В.. Крылов А.В., Морозов В.М. Государство Палестина: право на будущее». МГИМО-Университет. М., 2018.

Д.А. Марьясис

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ ИЗРАИЛЯ ПОСЛЕ 1967 Г.

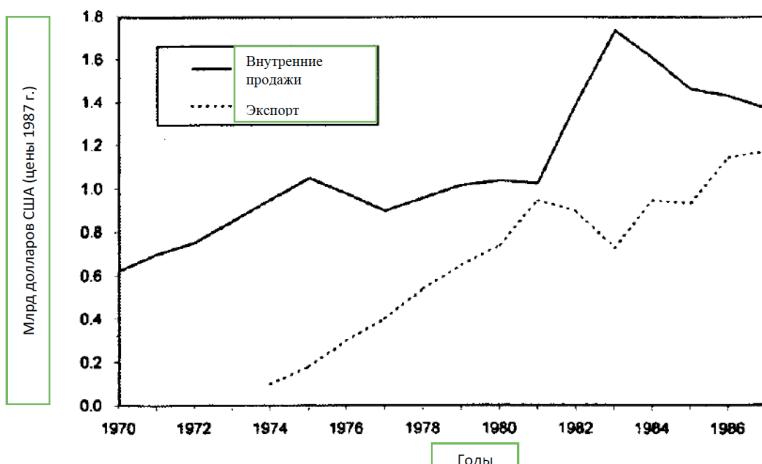
После Шестидневной войны Израиль неожиданно для себя оказался в ситуации, когда даже, казалось бы, надёжные союзники от него отвернулись. Особенно сильно это ощущалось в отношениях с Францией, которая на тот момент являлась основным поставщиком вооружений в страну. Де Голлю настолько пришлась не по душе эта война, что он не только наложил эмбарго на дальнейшую поставку французского оружия в Израиль, но и отказался отдавать уже оплаченные им ракетные катера, стоящие на верфи во французском Шербуре. Дело зашло так далеко, что израильтянам просто пришлось в декабре 1969 г. их выкрасть¹. Отношения с США к тому времени ещё были не на таком уровне, чтобы можно было всерьёз рассматривать возможность заменить Францию на них в качестве основного поставщика вооружений в страну. Между тем, в сложных геополитических условиях, в которых находился Израиль, требовалось постоянно развивать военную мощь Армии обороны Израиля (АОИ), то есть была необходимость в новых вооружениях.

В сложившейся ситуации правительством Израиля разрабатывается амбициозная концепция развития военно-промышленного комплекса (ВПК) страны, целью которой является достижение независимости от иностранных поставщиков вооружений. Поскольку основным потенциальным противником Израиля являлись арабские страны, население которых значительно преувеличивало (и превосходит) население Израиля, то даже при всеобщей мобилизации армия страны не могла количественно соответствовать «живой силе» армий предполагаемого противника.

Отсюда возникает единственно возможный вариант – добиться качественного превосходства. Это означает интенсивное развитие собственных научно-исследовательских опытно-конструкторских разработок (НИОКР) в сфере военных технологий, а также организацию выпуска продукции, созданной на их основе.

Воплощение в жизнь указанной концепции привело к тому, что работавшие в сфере ВПК компании стали активно аккумулировать в своих лабораториях и производственных отделах соответствующие человеческие ресурсы (учёных, инженеров, техников)². Инвестиции в НИОКР (в основном военные) в период 1967–1972 годов выросли на 300%, а количество занятых в секторе ВПК практически удвоилось³. Результаты не заставили себя ждать. Израильские компании ВПК стали в скором времени не только интенсивно проводящими НИОКР структурами, но и производителями сложной техники, включая ракеты, самолёты, танки, электронные коммуникационные системы и системы ведения боя. Быстрый рост компаний ВПК привёл к тому, что внутренний рынок вооружений насытился достаточно быстро, а потребность увеличивать производство диктовалась, в частности, необходимостью экономии на масштабе, из-за того, что сырьё для производства импортировалось, делая израильскую военную технику дорогой. Сложившаяся ситуация заставила израильтян организовать экспорт своих вооружений, который рос достаточно активно с 1974 г. (рис. 1). И в настоящее время он остаётся важной частью израильской внешней торговли.

Рисунок 1. Рост выпуска продукции ВПК Израиля

Источник: Vekstein D. Defense Conversion, Technology Policy and R&D Networks in the Innovation System of Israel // Technovation 19 (1999). Elsevier Science, 1999. P. 617.

В сфере гражданских НИОКР в рассматриваемый период также произошли принципиальные изменения. Государство всерьёз задумалось о формировании единой политики в сфере научно-технического комплекса (НТК), о систематизации НИОКР. С этой целью в 1968 г. премьер-министром Израиля была создана специальная комиссия, которую возглавил известный учёный и будущий президент страны Эфраим Качальский (Кацир). Эта комиссия выработала несколько рекомендаций. Одной из принципиальных было создание Ведомства главного учёного (ВГУ) в рамках министерства промышленности и торговли с целью координации государственных программ содействия развитию НИОКР в частном секторе. До этого государственные средства шли только на развитие государственных институтов НТК. Эта рекомендация была выполнена – в 1969 г. ВГУ приступило к работе. Как следствие в последующие годы промышленные гражданские НИОКР значительно выросли. Так, в период с 1969 по 1987 гг. расходы на промышленные НИОКРросли в среднем на 14% в год,

а экспорт продукции сектора высоких технологий вырос в этот период с \$422 млн до \$3,3 млрд (в ценах 1987 г.)⁴.

Однако в первые годы своего существования вплоть до 1974 г. влияние ВГУ на НТК страны было незначительным. Глава ведомства даже не был оформлен на полную ставку – по сути, это была дополнительная нагрузка для известного представителя академических кругов. Но в 1974 г. тогдашний министр промышленности и торговли Хаим Бар-Лев ввиду происходивших в экономике страны изменений принял решение усилить деятельность ВГУ, переведя его руководителя на полную ставку⁵. Первым руководителем ведомства, работавшим на полную ставку, стал Ицхак Яков, имевший до этого большой опыт в управлении НИОКР в ВПК. И он оказался правильным человеком на этом месте. За 4 года работы на этом посту Якову удалось создать эффективную на тот момент систему государственной поддержки промышленных НИОКР, сформировать идеологию ВГУ как активного и по многим направлениям центрального игрока со стороны государства на этом поле.

Основным инструментом ВГУ⁶ была система выдачи грантов частным компаниям, занимающимся НИОКР в различных областях. Эта система стала основой государственной политики в области поощрения частных гражданских НИОКР. Удивительно, но такой подход в тот момент был абсолютно новаторским. Во-первых, тогда мировой практикой было оказывать государственную поддержку в первую очередь государственным научно-исследовательским институтам (НИИ), а затем стимулировать трансфер разработанных таким образом технологий в промышленность. Примерами такого подхода могут служить Индия и Тайвань⁷. Во-вторых, в тот период основным методом стимулирования НИОКР были налоговые послабления, а не гранты. Судя по всему, дело тут в том, что для крупных компаний налоговые вычеты являются более привлекательным инструментом. Гранты же являются более эффективными для малых и средних компаний⁸. И для Израиля, ввиду того что там преобладали (и преобладают сегодня) именно такие формы бизнеса, грантовая система была естественной.

До 1984 г. 100% государственных денег, направленных на эти цели, шло через ВГУ⁹. Важно, что создание ВГУ именно в рамках министерства промышленности и торговли подразумевало поддержку экспортной ориентации проводимых НИОКР. Одной из главных задач поддерживающих программ ВГУ на начальном этапе его существования было содействие коллективному обучению процессу НИОКР, выработке своего подхода к инновациям и идентификации областей потенциального конкурентного преимущества Израиля. Разработанная ведомством система грантов была достаточно эффективна для формирования рынка частных инновационных компаний, которые сами определяли сферу своих исследований, то есть выстраивалась система формирования спроса «снизу», а не «сверху» (от государства), как это было в предыдущем периоде¹⁰. Показателем такой направленности системы грантов ВГУ является то, что отобранные ведомством проекты получали лишь 50% утверждённой сметы НИОКР, то есть остальную сумму они должны были привлечь самостоятельно.

Определённой иллюстрацией успешности политики ВГУ могут служить данные по патентованию израильских изобретений в США. Это объясняется тем, что, как уже отмечалось, изначально государственная грантовая программа задумывалась в качестве стимулирующей создание экспортноориентированных технологий, а США – не только основное направление израильского технологического экспорта, но и патентные стандарты там выше, что способствовало стремлению израильских изобретателей патентовать свои разработки именно в этой стране.

Из таблицы 1 видно, что в целом, несмотря на некоторую неоднородность тренда, наблюдался рост количества выданных израильтянам в США патентов. Также интересна корреляция с расходами на промышленные НИОКР. Дело в том, что патент – это результат работы в предыдущие несколько лет, то есть существует довольно высокая степень корреляции между затратами на НИОКР в некий год и количеством выданных патентов через 2–4 года после этого¹¹. Безусловно, остаётся вопрос, сколько из выданных патентов будут успешно применяться на практике, учитывая, что, как показано у М. Трахтенберга, источником

большого числа изобретений в Израиле в тот период являлись НИИ и вузы, что резко отличает его от тех же США¹². Но в данном случае это не так важно, так как патентная активность – это результат научно-исследовательской деятельности, направленной на дальнейшее практическое использование¹³, а патентная активность в США – показатель, как уже отмечалось, экспортных устремлений израильян¹⁴.

**Таблица 1. Количество выданных израильянам патентов
в США и затраты на промышленные НИОКР в Израиле**

Год	Количество выданных патентов	Затраты на промышленные НИОКР (\$ млн в ценах 1990 г.)
1968	48	
1969	49	
1970	58	
1971	64	
1972	72	68,3
1973	82	74,5
1974	106	76
1975	97	77,5
1976	102	91,3
1977	122	150,7
1978	112	153,8
1979	131	181,2
1980	140	205,8
1981	143	186,3
1982	159	242,9
1983	151	275,5
1984	193	385

Источник: Trajtenberg M. Innovation in Israel 1968–1997: A Comparative Analysis Using Patent Data. National Bureau of Economic Research (NBER) Working Paper #7022, Cambridge, 03.1999. URL: www.nber.org/papers/w7022, Table 1.

Вообще в исследуемый период происходил довольно интересный процесс структурных изменений в израильской промышленности в пользу увеличения в ней в разных аспектах доли высокотехнологичных отраслей, таких как электрооптика и высокоточное машиностроение, суда и самолёты, электроника, приборы связи; а также относительно высокотехнологичных отраслей промышленности, таких как металлоизделия, продукция химической промышленности, электротовары. Это наглядно показано в таблице 2. Нельзя не отметить также и определённый рост научоёмкости израильского экспорта, выразившийся, в частности, в увеличении доли экспорта информационно-коммуникационных услуг в общем объёме экспорта услуг. В среднем этот показатель в 1969–1984 гг. составлял 20%. Однако в 1977–1979 гг. произошёл существенный скачок сразу на несколько процентных пунктов¹⁵.

Таблица 2. Структурные изменения в экономике Израиля*

	Доля в продукции			Доля в экспорте			Доля в высококвалифицированном труде		Доля капитала			Доля в занятости		
	ВТ	ОВТ	ОТ	ВТ	ОВТ	ОТ	ВТ	ОВТ+ОТ	ВТ	ОВТ	ОТ	ВТ	ОВТ	ОТ
1968	6	20	74	5	42	53	~30	~70	4	30	66	6	15	79
1983	24	20	56	28	32	40	~70		11	32	57	17	14	69
Изменение в доле	+18	0	18	+23	-10	-13	+40		7	+2	-9	+11	-1	-10

ВТ – высокие технологии, ОВТ – относительно высокие технологии, ОТ – обычные технологии.

*Без учёта алмазобриллиантовой отрасли; данные в процентах.

Источник: Teubal M. The Innovation System of Israel: Description, Performance, and Outstanding Issues. Oxford, 1993. P.480, table 15.2.

W

Интересно, что ещё одной важной рекомендацией комиссии Качальского стала рекомендация правительству Израиля рассмотреть возможность организации трансфера технологий из ВПК в гражданский сектор. На основании этой рекомендации в 1969 г. вышла директива правительства министерствам обороны и промышленности и торговли Израиля изучить данный вопрос.

Свидетельств о том, что указанные министерства произвели какие-либо действия в этом направлении, не говоря уже о рассмотрении возможности формулировки единой национальной научно-технической политики, координирующей деятельность в сфере НИОКР всех государственных министерств и ведомств, нет¹⁶.

В 1984 г. на волне серьёзного экономического кризиса правительство Израиля провело фундаментальную ревизию экономической системы страны, результатом чего стала новая парадигма её развития, направленная на либерализацию и усиление интеграции с международными экономическими структурами и иностранными партнёрами¹⁷. Система развития военно-промышленного и научно-технического комплексов страны также требовала пересмотра. ВПК к этому моменту разросся до немыслимых размеров, выкачивая всё больше и больше ресурсов, тормозя таким образом развитие других секторов израильского хозяйства, а НТК, по сути, уже находился на пороге превращения в сектор инновационной экономики, нужно было придать ему соответствующий импульс, в частности путём перераспределения ресурсов и технологий из ВПК страны. В соответствии со стандартной для Израиля схемой решения таких задач правительством страны в том же 1984 г. была создана комиссия, которую возглавил проф. Шимон Ифтах.

Эта комиссия не внесла принципиальных изменений в рекомендации комиссии Качальского. Однако она более настоятельно рекомендовала создать систему конверсии оборонных технологий, обозначив эту потребность как важный инструмент для развития всей экономической системы Израиля. Также комиссией Ифтаха было рекомендовано создать ВГУ в других министерствах страны, чтобы усилить НИОКР в различных секторах экономики. Важной рекомендацией этой комиссии было создание единого органа в составе правительства в форме Национального центра или Управления по НИОКР, отвечающего за разработку и претворение в жизнь единой государственной политики в области инноваций¹⁸. Кроме создания ВГУ в других министерствах, никаких других шагов, основанных на рекомендации комиссии Ифтаха, предпринято не было. В частности, единого центра

по координации государственной политики в области инновационного развития в Израиле по сути не существует до сих пор¹⁹.

Между тем одним из важных результатов политики по усилению роли гражданских промышленных НИОКР в НТК Израиля стало повышение внимания к стране со стороны транснациональных корпораций (ТНК) именно как к центру научно-технических разработок. Так, в 1972 г. свой центр НИОКР в Израиле создала «IBM», а в 1974 г. – «Intel». Причём израильский центр НИОКР «Intel» практически сразу стал играть заметную, если не сказать определяющую, роль в разработке новых продуктов компании. В нём разработали первый математический процессор 8087 (1980 г.), чип MMX, процессор Пентиум, двухядерный процессор и многое другое, что является основой бизнеса компании «Intel» сегодня²⁰. Видимо, основываясь на успешном примере деятельности «Vishay», в страну с целью организации своего производства полупроводников в 1979 г. приходит американская «National Semiconductor»²¹.

Вообще, в 1970-е гг. США начинают играть всё более заметную роль в экономическом развитии Израиля, включая инновационный сектор его экономики, не только в виде частных компаний, как это показано выше, но и на государственном уровне. Остановимся на этом подробнее. Во-первых, в указанный период израильтяне и американцы начали сотрудничать в области производства технологически сложных вооружений. Это сотрудничество было формализовано путём подписания различных меморандумов. Первым из наиболее значительных документов такого рода стал меморандум 1979 г. Он позволил израильским компаниям участвовать в американских государственных тендерах без обязательств соответствовать американскому закону «Покупай американское», а также дал возможность обеим странам развернуть полноценное сотрудничество в области военных НИОКР²². При этом эксперты по-разному оценивают это сотрудничество. С одной стороны, сложные и дорогие исследования Израилю в тот период без сотрудничества с США было выполнить крайне непросто, а иногда и невозможно. С другой – США использовали (и используют) это сотрудничество в качестве скрытого

оборонного заказа, так как АОИ обязана закупать определённую часть продукции только в США, к тому же США получили возможность опосредованно контролировать экспорт израильских вооружений, так как часть технологий считаются результатом совместной разработки.

Во-вторых, именно в исследуемый период Израиль и США создали несколько совместных фондов НИОКР. О структуре работы таких фондов подробнее рассказывается в третьей главе данной работы. Здесь лишь отметим, что к тому моменту это был новый для Израиля инструмент международного научно-технического сотрудничества, ставший в последствии заметным элементом соответствующей системы. Итак, в 1974 г. был создан Американо-израильский научный фонд (BSF), финансируемый Израилем и США на паритетных началах и субсидирующий программы гражданских исследований в таких областях науки, как антропология, биомедицинская инженерия, физика, экология и т. д. В 1977 г. был основан Американо-израильский фонд исследований и разработок в сельском хозяйстве (BARD), задачей которого являлось поощрение и поддержка важных исследований в области сельского хозяйства. Его капитал составил \$110 млн. В этом же году был основан Американо-израильский межгосударственный фонд исследований и разработок в промышленности (BIRDF), целью которого являлось стимулирование двустороннего сотрудничества в области высоких технологий, а именно поддержка НИОКР, направленных на внедрение в производство технических нововведений²³. Этот фонд наряду с ВГУ стал одним из важнейших источников финансирования гражданских НИОКР Израиля, особенно в сфере ИКТ (как оборудования, так и программного обеспечения – ПО)²⁴.

В-третьих, благодаря усилиям уже упомянутого ранее Дана Толковского в 1972 г. первая израильская компания «Elsocint», созданная за три года до этого, совершила первичное размещение своих акций на рынке NASDAQ²⁵, что привело к росту заинтересованности американских инвесторов в технологиях из этой страны. И к 1980-м годам американские инвесторы начали входить в образовавшиеся к тому времени новые израильские компании,

которые, к слову, уже не всегда были «выходцами» из крупных корпораций страны. Формат вхождения осуществлялся на основе специальной программы по формированию ограниченных партнёрств²⁶ между израильскими и американскими предпринимателями. Таковых к 1986 г. набралось 54. Вклад инвесторов из США оценивается приблизительно в \$40–80 млн что достаточно существенно²⁷.

И, наконец, в-четвёртых, с начала 1980-х годов израильские компании стали всё больше обращать внимание на американский фондовый рынок, особенно на индекс компаний сектора высоких технологий – NASDAQ. Некоторое количество израильских компаний даже организовало там при посредничестве таких финансовых организаций, как «Lehman Brothers», первичное размещение своих акций (IPO)²⁸.

Несмотря на явный тренд преобладания прикладных разработок, правительство Израиля, понимая важность фундаментальных исследований, в 1972 г. решило создать в рамках академии наук специальный фонд, предоставляющий гранты на конкурсной основе для проведения исследований такого рода. Основу финансирования составляли правительственные деньги. Однако бюджет фонда был невелик. В 1981 г. его годовой бюджет составлял лишь \$500 тыс.²⁹ Но всё-таки само по себе существование такой структуры было важно.

Таким образом, именно в этот период в Израиле сформировались все базовые элементы НТК страны, подготовившие почву для инновационного рывка 1990-х годов. Дополнительной иллюстрацией произошедших в рассматриваемый период изменений могут служить данные таблицы 3, в которой показан рост расходов на промышленные НИОКР в стране (вообще, ежегодный прирост НИОКР в 1969–1984 гг. составлял 18% – это значительная величина) и увеличение других важных составляющих НТК Израиля.

Таблица 3. Рост гражданских промышленных НИОКР в Израиле

	1969–1970	1985–1986	Изменения в%
Текущие расходы на НИОКР (\$ млн в ценах 1984–1985 гг.)	26	347	1335
Текущие расходы на НИОКР как% от промышленных продаж	0,45	2,2	390
Учёные и инженеры*, занятые в НИОКР:			
Абсолютные цифры	890	4300	380
Доля от общего числа занятых в промышленности	0,45	1,4	
Инженеры-практики и техники:			
Абсолютные цифры	671	3260**	386
Доля от общего числа занятых в промышленности	0,34	1,72**	
Структуры, занимающиеся НИОКР	210	370	76

*неполный рабочий день

** на 1984/85 гг.

Рассчитано по: Teubal M. The Innovation System of Israel: Description, Performance, and Outstanding Issues. Oxford, 1993. P.488, table 15.10.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом и вообще о развитии ВМС Израиля замечательно написано в книге Rabinovich A. The Boats of Cherbourg. Naval Institute Press, Annapolis, 1997.
2. Vekstein D. Defense Conversion, Technology Policy and R&D Networks in the Innovation System of Israel // Technovation 19 (1999), p.616. Elsevier Science, 1999.
3. Global Arms Trade: Commerce in Advanced Military Technology and Weapons. Chapter 5. Israel's Defense Industry: Evolution and Prospects. P. 94. U.S. Congress, Office of Technology Assessment. Washington, June 1991. URL: <https://www.princeton.edu/~ota/disk1/1991/9122/912207.PDF>

4. Trajtenberg M. Government Support for Commercial R&D: Lessons from the Israeli Experience//Innovation Policy and the Economy, Volume 2. MIT Press, Cambridge, 01.2002., p.82.
5. Breznitz D. Innovation and the State. Political Choice and Strategies for Growth in Israel, Taiwan, and Ireland. P.53.
6. Подробнее о деятельности ВГУ см. Марьясис Д.А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. Москва, ИВ РАН, 2015 г., с. 120–172.
7. Teubal M. The Innovation System of Israel: Description, Performance, and Outstanding Issues. Oxford, 1993. P.487.
8. Там же.
9. Avnimelech G. A Five-Phase Entrepreneurial Oriented Innovation and Technology Policy Profile: The Israeli Experience. European Planning Studies. Vol.16, Issue 1, 17.12.2007., p.87. URL: http://www.tandfonline.com/toc/ceps20/16/1#.UwbsGfl_t8G.
10. Там же.
11. Trajtenberg M. Innovation in Israel 1968–1997: A Comparative Analysis Using Patent Data. NBER, Working Paper #7022, Cambridge, 03.1999. URL: www.nber.org/papers/w7022, p.8.
12. Там же. С. 17.
13. И в этом периоде израильтяне стали авторами ряда важных изобретений, в том числе мирового значения.
14. Для полноты картины в таблице 9 Приложения 1 монографии Марьясиса Д.А. «Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля», с. 232–233. приведена статистика по заявкам на патентование в Израиле как местных изобретателей, так и иностранных. Из этой таблицы видно, что роль иностранцев в этой сфере была довольно высока. Уже в первые десятилетия существования государства доля подаваемых ими заявок в Израиле колебалась вокруг отметки в 60% от общего количества поданных заявок.
15. См. данные международного статистического портала Index Mundi. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/BX.GSR.CCIS.ZS/compare?country=il#country=il>.
16. Vekstein D. Defense Conversion, Technology Policy and R&D Networks in the Innovation System of Israel. P.617.
17. В отечественном израилеведении есть несколько существенных работ, в которых так или иначе уделяется место рассмотрению указанных трансформационных процессов. Среди них: Федорченко А.В. Экономика переселенческого

Особенности развития инновационной экономики Израиля после 1967 г.

- общества. ИИИиБВ, Москва, 1998 г.; Сатановский Е.Я. Экономика Израиля в 1990-е годы. ИИИиБВ, Москва, 1999 г.; Марьясис Д.А. Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.), ИБВ, Москва, 2007 г.
- 18. Vekstein D. Defense Conversion, Technology Policy and R&D Networks in the Innovation System of Israel. P.618.
 - 19. См. об этом подробнее Марьясис Д.А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. Москва, ИВ РАН, 2015 г., с. 120–172.
 - 20. Israel's High-Tech Sector. A Brief History. URL: <http://israelstrategist.com/2011/06/02/brief-history/>, 02.06.2011.
 - 21. Avnimelech G., Kenney M., Teubal M., A Life Cycle Model for the Creation of National Venture Capital Industries: The US and Israeli Experiences. P.203.
 - 22. Global Arms Trade: Commerce in Advanced Military Technology and Weapons. Chapter 5. Israel's Defense Industry: Evolution and Prospects. P. 95.
 - 23. Марьясис Д.А. Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.), ИБВ, Москва, 2007 г. С. 199.
 - 24. Breznitz D. Innovation and the State. Political Choice and Strategies for Growth in Israel, Taiwan, and Ireland. P.59–60.
 - 25. Duts M.A., Kuznetsov Y., Lasagabaster E., Pilat D. (editors). Making Innovations Policy Work. Learning From Experimentation. OECD and World Bank, April 2014. P.261. Онлайн версия: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/science-and-technology/making-innovation-policy-work_9789264185739-en#page263
 - 26. Не путать со стандартной формой организации венчурного фонда в формате ограниченного партнёрства.
 - 27. Avnimelech G., Kenney M., Teubal M., A Life Cycle Model for the Creation of National Venture Capital Industries: The US and Israeli Experiences. P.203.
 - 28. Там же.
 - 29. Israel Science Foundation, URL: <http://www.isf.org.il/default.asp>.

Т.В. Носенко

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА И ИНТЕРЕСЫ СССР

В израильской и западной историографии преобладает точка зрения, что Советский Союз несет значительную долю ответственности за военную вспышку на Ближнем Востоке в 1967 г. Во многих работах подчеркивается, что в первой половине мая 1967 г. Советский Союз передал Египту ложную информацию о сосредоточении сил израильской армии для нанесения удара по Сирии. Якобы именно вследствие этих советских предупреждений президент Насер направил свои армейские подразделения на Синай, что и положило начало майскому кризису, переросшему затем в полномасштабную войну¹. На Советский Союз, таким образом, возлагается прямая ответственность за провоцирование арабов против Израиля.

Эта оценка советской политики в майском кризисе 1967 г. основывается на распространенном в зарубежной научной и публицистической литературе утверждении, что СССР эксплуатировал арабо-израильских конфликт в интересах укрепления своих стратегических позиций в ближневосточном регионе. Так, известная израильская исследовательница Г. Голан писала: «...арабо-израильский конфликт ... был для Советского Союза главным средством в осуществлении его интересов»². Еще более резкую оценку советской политике давал израильский дипломат и автор ряда работ по советско-израильским отношениям Й. Говрин: «Чем больше СССР боролся за укрепление своих позиций на Ближнем Востоке, тем более интенсивным и по форме, и по масштабу становился арабо-израильский конфликт»³. В ряде работ, вышедших в последнее десятилетие, именно на Советский

Союз возлагается ответственность за распространение ближневосточного терроризма, за оголтелую враждебность арабов в отношении Израиля, а также за провоцирование арабов против Израиля в 1967 г. якобы в целях уничтожения его ядерной программы⁴. Общий итог подведен в работе под редакцией израильских исследователей Я. Рой и Б. Морозова, вышедшей в 2008 г. Авторы считают, что ближневосточная политика СССР диктовалась, прежде всего, стремлением набрать очки в свою пользу в глобальном противостоянии с США. Поэтому региональная политика его союзников должна была подвергаться манипулированию во избежание ослабления советских позиций в целом⁵.

Таким образом, внешняя политика Советского Союза получает упрощенное толкование как некое «абсолютное зло», порождавшее самые негативные процессы в региональной обстановке на Ближнем Востоке. В системе конфронтационных международных отношений оноозвучно былой советской интерпретации региональных событий как происков империализма, как козней американских и британских спецслужб, что и в наши дни характерно для ряда российских экспертных оценок в отношении сложных процессов, происходящих на Ближнем Востоке.

Такому подходу противостоит позиция, объясняющая и оправдывающая советскую политику в ближневосточном конфликте интересами обеспечения безопасности СССР. Внешнеполитическая задача Советского Союза определяется как создание безопасной для себя среды в мире за счет продвижения социализма в других странах⁶. Это толкование, как представляется, лишь частично отображает многообразие советских внешнеполитических интересов на Ближнем Востоке и к тому же снижает ответственность СССР за поддержку и поощрение агрессивности арабских режимов в отношении Израиля. Ради укрепления «социалистической ориентации» и антиимпериалистического настроя своих арабских союзников Москве приходилось поддерживать их провокационные антиизраильские действия, хотя зачастую издержки такой политики значительно превышали полученные преимущества.

Ближневосточному региону, непосредственно прилегающему к южным границам СССР, действительно уделялось большое внимание в советской военной стратегии. Постоянное присутствие в Средиземном море 6-го флота США, дополненное в 1960-х гг. подводными лодками с ракетами дальнего действия, рассматривалось в СССР как серьезное усиление угрозы безопасности страны. С середины 1960-х гг., по решению советского руководства, присутствие сил ВМФ в Средиземноморье было переведено на регулярную основу. Для обеспечения содержания и обслуживания советского флота необходимы были базы на суше, и на это требовалось согласие прибрежных арабских государств. Мотивировать арабов, для которых ликвидация иностранного военного присутствия на их территории была одним из лозунгов антиколониальной борьбы, можно было лишь тем, что советские военные базы станут для них защитой от «сионистской экспансии» и «происков империализма». В этом ракурсе поддержка арабов в 1967 г. вполне может рассматриваться как один из инструментов советской военно-политической и оборонной стратегии.

Однако советско-американское противостояние в период холодной войны вряд ли сводилось к цели обеспечения «в мире безопасной для себя среды, гарантирующей выживание» каждой из сторон, как считают некоторые авторы⁷. Важными причинами, лежавшими в основе конфронтации времен холодной войны, являлись идеологические противоречия и системные различия двух антагонистов, столкновение советской и американской идеологических концепций миропорядка. Фактически это была борьба двух мировоззрений за идеологическое, политическое, военное господство в мире. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде в октябре 1961 г., указывалось, что главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человечества определяют мировая система социализма, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества⁸. В практической внешней политике эти установки воплощались в поддержке всех сил, подрывающих позиции Запада, в частности в оказании помощи

молодым независимым государствам, в которых к власти приходили революционно-националистические силы, готовые ориентироваться на Советский Союз.

США и их союзники отвечали доктриной сдерживания коммунизма, применением силовых и иных способов давления на движения и режимы, считавшиеся просоветскими. В этой системе отношений манипулирование локальными конфликтами позволяло обеим сторонам ограничивать свое соперничество региональным уровнем, не доводя его до глобального столкновения.

Концепция противоборства между социализмом и капитализмом, преобладавшая в советском внешнеполитическом видении международных отношений вплоть до второй половины 1980-х гг., определяла и советский подход к региональным конфликтам. С середины 1950-х гг. советская внешнеполитическая линия в отношении ближневосточного конфликта уже разрабатывалась на основе установки на использование существующих противоречий «между Израилем и арабскими странами, а также между Израилем, арабскими странами и империалистическими державами в целях противодействия сколачиванию агрессивных блоков на Ближнем и Среднем Востоке и для ослабления позиций США и Англии в этом районе»⁹. Своего рода зеркальным отражением советского подхода являлась американская политика кризисного реагирования, которая с 1960-х гг. выстраивалась в соответствии с теорией «контролирования» или «управления» конфликтными ситуациями. На стадии «контролирования» для обеспечения внешнеполитических задач США предполагалось применение ряда мер вмешательства в региональный конфликт, в том числе использование зависимости стран от американской военной и экономической помощи.

В ближневосточном конфликте советская сторона усматривала не просто затяжное арабо-еврейское противоборство, но видело в нем «элементы классовой борьбы между силами империализма и силами национального освобождения, демократии и социального прогресса»¹⁰. Соответственно в отношении участников ближневосточного конфликта советская

сторона руководствовалась неизменной формулой об агрессивности Израиля, выступавшего в качестве пособника империализма в борьбе против прогрессивных арабских режимов – жертв агрессии. В арабо-израильской войне в 1967 г. неизменной советской поддержкой пользовались Египет (ОАР)¹¹ и Сирия, которые получили в Москве статус дружественных государств. Для Советского Союза было важно демонстрировать свою всестороннюю поддержку арабским протеже, даже когда их действия носили явно провокационный характер в отношении Израиля.

Американцы защищали Израиль, рассматривая его в качестве регионального союзника в борьбе с арабским радикализмом. На шкале внешнеполитических приоритетов США предотвращение войны занимало менее значительное место, чем задача воспрепятствовать усилению позиций Египта в арабском мире вследствие предпринятых режимом Г.А. Насера антиизраильских действий в период майского кризиса 1967 г. Хотя в мае-июне 1967 г. ни СССР, ни США не были заинтересованы в перерастании арабо-израильского конфликта в войну, но политика манипулирования конфликтной ситуацией сыграла в конечном итоге роль катализатора в ее развязывании.

* * *

В мемуарной литературе и во всех исследованиях, посвященных войне 1967 г., довольно подробно описан факт передачи Москвой секретной информации египтянам о концентрации израильских войск на границе с Сирией и готовящемся нападении Израиля. Академик Е.М. Примаков, один из наиболее осведомленных в этой области отечественных авторов, подтверждает, что «резидентура советской внешней разведки обладала фактическим материалом о подготовке израильских сил к атаке»¹². Из-за отсутствия доступа к официальным документам, которые разъясняли бы цели этого шага, возникло множество его интерпретаций. Наиболее утвердившаяся в западной и израильской историографии версия состоит в том, что поскольку сведения о сосредоточении войск на границе с Сирией опровергались

не только Израилем, но и представителями ООН и даже египтянами, то советская информация считается намеренно сфабрикованной фальшивкой, имевшей целью подтолкнуть Насера к войне. Ее связь с действиями египетского руководства по эскалации напряженности на Синае, казалось бы, подтверждается хронологией событий. А. Садат в своей автобиографической книге писал, что 13 мая перед вылетом из Москвы по завершении его визита в СССР провожавшие его заместитель министра иностранных дел В. Семенов и председатель Верховного Совета СССР В. Подгорный сообщили ему о том, что «десять израильских бригад сосредоточены на сирийской границе»¹³. 14 мая египетским руководством было принято решение о вводе войск на Синай. 16 мая Насер обратился к командованию сил ООН на Синае с требованием об их эвакуации.

Очевидно, сведения, переданные Садату, сыграли свою роль как сигнал Насеру о советской поддержке его решительных действий, однако вряд ли можно придавать советской информации гипертрофированное значение как единственному решающему фактору, способствовавшему раздуванию войны. На протяжении 1966 г. – первой половины 1967 г. предупреждения о военных приготовлениях Израиля на границе с Сирией неоднократно фигурировали в советских дипломатических документах и официальных заявлениях. Так, в заявлении советского правительства от 25 мая 1966 г. говорилось, что концентрация израильских войск «приобретает опасный характер в связи с тем, что она осуществляется одновременно с ведущейся в Израиле враждебной кампанией против Сирии»¹⁴. В то же время из анализа доступной дипломатической переписки этого периода напрашивается вывод, что Москва не была заинтересована в раздувании воинственных настроений ни в Египте, ни в Сирии¹⁵. Египетский посол в Москве сообщал в своих телеграммах, что советское руководство настоятельно рекомендовало египтянам избегать каких-либо шагов, в том числе эскалации напряженности в арабо-израильском конфликте, которые могли бы привести к открытой войне¹⁶. А. Громыко подвергал резкому осуждению и диверсионную деятельность против Израиля, осуществлявшуюся

палестинской организацией «Аль-Фаттах», которую в то время возглавлял А. Шукейри, тем более что в поддержке палестинцев видели китайский след¹⁷.

Как писал один из ближайших соратников Насера М. Хейкал, в середине мая 1967 г. Москва, отвечая на запрос египетского руководства, сообщала через советское посольство, что имеющиеся разведданные не позволяют определить, является ли концентрация израильских войск намеренной провокацией или сугубо оборонительной мерой для предупреждения сирийских попыток атаковать Израиль в День его независимости (15 мая)¹⁸. Он утверждал, что советские предупреждения были скорее нацелены на то, чтобы подтолкнуть египтян к более активному сотрудничеству по вопросам региональной ситуации, чем на провоцирование независимой военной активности со стороны Египта. В Москве рассчитывали, что «запуганное региональное государство будет более склонно консультироваться с супердержавой»¹⁹ и предотвратили Каир от повторения событий 1956 г.²⁰

У египтян были и свои источники информации о ситуации на сирийско-израильской границе. Так, например, советский посол Д. Пожидаев сообщал 16 мая из Каира, что, по словам военного министра Ш. Бадрана, «египтяне узнали от сирийской стороны, что Израиль сконцентрировал на границах с Сирией 12 бригад»²¹. Понятно, что сирийцы были заинтересованы в нагнетании израильской угрозы, чтобы таким образом подталкивать Египет к выполнению обязательств по заключенному ранее соглашению о совместной обороне. С другой стороны, эскалация египетской угрозы Израилю была на руку сирийцам, поскольку отвлекала внимание израильтян от происходившего на сирийском участке.

Официальный Израиль категорически отрицал распространявшуюся информацию о концентрации своих военных сил на границе с Сирией. Советскому послу Чувахину было предложено самому проехать вдоль израильско-сирийской границы и проверить ситуацию там. Однако в советском посольстве эти предложения отклонялись самым решительным образом.

Какова бы ни была роль внешних сил, но самое главное заключалось в том, что и в Египте, и в Сирии, и в Израиле нагнеталась атмосфера, делавшая военное столкновение неизбежным. Позиции Насера как лидера арабского мира подвергались эрозии, и это заставляло его искать новые средства для поддержания своего авторитета, проявлять большую податливость в ответ на требования радикальных сил действовать более решительно против Израиля. Насер прямо заявлял, что Израилю не следует рассчитывать на то, что ОАР не имеет возможности оказать Сирии эффективную помощь²².

Сирийская пропаганда неустанно напоминала о том, что израильская политика является частью империалистического заговора против арабских прогрессивных сил²³. Министр иностранных дел Сирии в беседах с советским послом подчеркивал, что «Сирия даст самый решительный отпор агрессии со стороны Израиля, рассматривая ее как американскую агрессию»²⁴, что партия БААС руководствуется «теорией народно-освободительной войны против Израиля, предусматривающей широкую организацию трудящихся масс и их подготовку к ведению такой войны в будущем вместе со всем арабским народом»²⁵. В рамках этой стратегии Дамаск усилил поддержку палестинских партизанских группировок, которые действовали с территории Сирии, а также засыпались в Иорданию и Ливан для проведения антиизраильских акций. В течение 1966 г. Израиль зарегистрировал девяносто три пограничных инцидента – минирование территории, обстрелы, саботаж²⁶. Были жертвы и среди мирного населения. Обострению отношений способствовало и неурегулированность сирийско-израильского конфликта по использованию вод р. Иордан.

На протяжении всего 1966 г. напряженность в сирийско-израильских отношениях нарастала. В Израиле резко усилились позиции тех сил, прежде всего генералитета, которые предлагали использовать приграничные инциденты для нанесения удара по Сирии. И. Рабин, занимавший должность начальника Генерального штаба, в своих высказываниях не раз возлагал ответственность за антиизраильские акты агрессии не только на их

непосредственных исполнителей, но и на сирийский режим, поддерживающий терроризм²⁷. Израильские военные настоятельно предлагали политическому руководству начать большую войну против Сирии. На одном из совещаний в январе 1967 г., посвященном положению в приграничных зонах, начальник оперативного отдела Генштаба полковник Р. Зеэви говорил, например: «В демилитаризованных зонах существует проблема контроля, отвода ресурсов реки Иордан, и, наиболее серьезная из всех, проблема террористических атак против Израиля. Война с Сирией решила бы все эти три проблемы»²⁸. Только сдержанная позиция премьер-министра Л. Эшкола, опасавшегося, что Израилю придется воевать против широкого фронта объединившихся арабских стран, противостояла воинственному настрою армейского командования.

В Израиле усилившаяся деятельность федаинов на приграничных с арабскими странами территориях, а также безудержная антиизраильская пропаганда и в Сирии, и в Египте способствовали повышению градуса страха у населения, вызывали ответную воинственную реакцию. Маленькая нация – численность населения Израиля составляла тогда немногим более 2,5 млн человек, – со свежими воспоминаниями о массовом уничтожении евреев в Европе в годы Второй мировой войны оказалась лицом к лицу с враждебным, не скрывавшим своей ненависти многомилионным арабским миром, за спиной которого маячил могущественный Советский Союз. И хотя современные историки до сих ведут полемику о том, насколько реальна была угроза существованию еврейского государства в 1967 г., но настрой израильского генералитета на ликвидацию арабской военной угрозы и демонстрацию израильского военного превосходства сыграл важную роль в развитии событий. Генерал А. Шарон был, например, убежден, что целью Израиля должно быть полное уничтожение египетской армии, чтобы в следующие десять или двадцать лет египтяне и не думали воевать против Израиля²⁹. Даже такой сдержанный политик, как Л. Эшкол, заявлял, что у Израиля нет другого выхода, как принять соответствующие меры против банды саботажников и их подстрекателей и что он сам выберет время, место

и средства для того, чтобы противостоять агрессору³⁰. Резкие заявления с угрозами войны против Сирии, делавшиеся израильскими политическими и военными деятелями, израильские военные операции, проводившиеся в качестве акций возмездия в ответ на приграничные инциденты³¹, расценивались арабами как подготовка к агрессии. И арабы, и израильтяне двигались к столкновению семимильными шагами.

Многие известные на сегодняшний день источники и свидетельства говорят о том, что Москва не была заинтересована в развязывании войны на Ближнем Востоке. Можно считать установленным историческим фактом, что советское руководство не было осведомлено ни о планах Г. Насера по замещению египетской армией Чрезвычайных сил ООН на Синайском полуострове, ни о решении египтян блокировать Тиранский пролив для прохода судов, направлявшихся в Израиль. Аналитики ЦРУ, например, указывали в мае 1967 г., что Москва вряд ли подталкивала египетского президента к провокациям и заключали, что Советский Союз не будет использовать свои вооруженные силы, чтобы спасти арабов от поражения³².

В выступлении на Пленуме ЦК КПСС уже после войны 20 июня 1967 г. Л.И. Брежnev заявил, что в мае «правительство ОАР предприняло ряд непродуманных шагов... К сожалению, наше правительство не было проинформировано заранее об этих действиях, которые имели серьезные последствия»³³. Правда, это мнение, возможно, сформировавшееся уже под влиянием разочаровывающих результатов войны, не являлось преобладающим в период майского кризиса на Ближнем Востоке.

В мае 1967 г. советской политике была присуща опасная двойственность. С одной стороны, требование Г. Насера вывести войска ООН с Синайского полуострова считалось оправданным «перед лицом империалистического заговора, угрожающего агрессией против независимых арабских государств»³⁴. Вопрос о положении в Акабском заливе ни в советских заявлениях, ни в дипломатических документах вообще не фигурировал – его считали внутренним делом арабских стран³⁵. В Совете Безопасности для СССР было важно не допустить решения, осуждающего

арабские государства. Действия арабов рассматривались как оборонительные, направленные на укрепление своей безопасности и на защиту своих неотъемлемых прав, в то время как Израиль осуждался за провокационно-агрессивные действия³⁶. Обеспеченная арабам безоговорочная поддержка на международной арене вкупе с уже упоминавшимися разведсведениями, переданными египтянам, а также не всегда уместные заверения в солидарности, выражавшиеся некоторыми советскими руководителями³⁷, давали основания египетской стороне требовать неограниченной помощи в виде все больших поставок вооружений. Уже после предпринятых шагов на Синае Насер выдвигал советскому послу условия, которые больше были похожи на шантаж, чем на дипломатические переговоры: «Я хочу, чтобы Вы понимали, что все, что происходит сейчас, является следствием вашей информации и советов, которые мы получали от вашего правительства. Вы ответственны передо мной за это. Ваши люди в Москве должны понимать, что политически и в военном плане это все как можно быстрее должно найти выражение в материальной помощи. Нам нужен воздушный мост (поставки оружия по воздуху – Т.Н.)»³⁸.

В Москве рост напряженности на Ближнем Востоке, грозившей взорваться военными действиями и повлечь столкновение с американцами, не мог не вызывать беспокойства. На уровне двусторонних отношений советские руководители и дипломаты предупреждали египтян об опасности развития такого сценария. Так, Косыгин указывал находившемуся в Москве с визитом министру обороны Египта Ш. Бадрану, что своими действиями Египет добился большой политической победы, и если не будет войны, то есть перспектива закрепить эту победу. «Почему бы не подумать о юридическом решении проблемы прохода через проливы?» – спрашивал он у своего египетского собеседника³⁹.

Израильский публицист и историк Т. Сегев со ссылками на израильский документальный материал писал о том, что Советский Союз, «заинтересованный в предотвращении эскалации» военной угрозы, оказывал давление на сирийцев, с тем чтобы сдерживать антиизраильскую активность⁴⁰.

Однако вопреки утверждениям академика Е. М. Примакова о том, что все советское руководство было категорически против войны⁴¹, многие западные и израильские авторы полагают, что в Москве не было единства по этому вопросу. Политики и дипломаты придерживались умеренной линии, в то время как военные, и прежде всего министр обороны А. Гречко, как считают израильские авторы, своими высказываниями о высокой боевой готовности египетской армии и неосторожными намеками о готовности СССР прийти на помощь Египту в любой ситуации косвенно подталкивали Насера и его окружение к военному нападению на Израиль⁴².

В советском руководстве, по-видимому, не было единства и относительно степени вовлеченности советских вооруженных сил в военные действия на стороне арабов. Например, израильская исследовательница Г. Голан, принадлежавшая к весьма информированному клану советологов, выдвигала версию о том, что смещение Н. Егорычева с поста первого секретаря МК КПСС и В. Семичастного с должности председателя КГБ, а также вывод А. Шелепина из Секретариата ЦК в мае-июле 1967 г., были связаны с тем, что они настаивали на более активном вмешательстве Советского Союза на стороне арабов в военные действия на Ближнем Востоке⁴³. Один из участников событий в 1967 г., офицер советского флота А. В. Розин в своих воспоминаниях говорит о том, что среди сторонников Гречко, занимавшего антиизраильскую позицию, был руководитель КГБ Ю. Андропов и первый секретарь МК КПСС Н. Егорычев. В то же время, Косыгин категорически возражал против прямого вмешательства в этот конфликт. «Он упорно утверждал, что мы не имеем никакого права вмешиваться и ни в коем случае не должны этого делать»⁴⁴.

Отсутствие доступа к документам высших партийных и правительственные инстанций тех лет не позволяет вывести эту тему из сферы догадок и предположений, проследить на более достоверном материале процесс принятия политических решений. Вероятно, у высших советских руководителей и были разногласия относительно степени вмешательства в ближневосточный

конфликт. Реальные действия и опубликованные документы МИД СССР говорят лишь об одном: советская политика носила крайне односторонний, антиизраильский характер. Создается впечатление, что советское руководство было загипнотизировано собственной миссией по спасению арабских народов от притязаний «империалистов и их приспешников». По-видимому, сказывались недооценка уровня подготовленности и высокой степени мотивированности израильской армии и непонимание значимости для молодого государства южного морского пути, блокада которого была достаточным поводом для начала военных действий.

В то же время в Москве вряд ли хотели полномасштабной войны на Ближнем Востоке. Советский Союз не давал никаких заверений, что выступит на стороне арабов, хотя и египтяне, и сирийцы пытались добиться этого. К прямому военному вмешательству на стороне Израиля не были готовы и американцы, ведшие затратную и бесперспективную войну во Вьетнаме. Две сверхдержавы явно не желали доводить дело до непосредственного столкновения на Ближнем Востоке.

Некоторые зарубежные авторы утверждают, что рассылка писем А. Косыгина президенту Л. Джонсону, премьер-министру Г. Вильсону, президенту Франции Ш. де Голлю и премьер-министру Л. Эшколу 27 числа, в самый разгар майского кризиса, была связана с полученной Москвой секретной информацией от американцев о подготовке египтянами в ближайшие часы наступления на израильские позиции. Источником информации были израильские агентурные сведения, и в Советском Союзе опасались, что Израиль ответит превентивным ударом по Египту. В советских письмах содержались заявления о недопустимости войны, граничившие с угрозами прямого вмешательства на стороне жертв агрессии в случае нападения Израиля⁴⁵. В ту же ночь, когда советский посол явился со срочным визитом к Л. Эшколу в Тель-Авиве для передачи ему письма советского премьера, в Каире состоялась беседа посла Пожидаева с Насером, в ходе которой ему также было передано письмо Косыгина, в котором

подчеркивалась «необходимость сделать все возможное для предупреждения вооруженного конфликта с Израилем»⁴⁶.

В хорошо документированном и наиболее исчерпывающем исследовании М. Орена о «шестидневной войне» эпизод о готовившемся египетском наступлении в ночь на 27 мая под кодовым названием «Заря» подтверждается рядом арабских и западных источников. О воинственном настрое египетского руководства свидетельствовала и речь Насера, произнесенная накануне, 26 мая, перед арабскими профсоюзными деятелями. В ней он подчеркивал готовность египетских вооруженных сил одержать победу над Израилем и уничтожить его⁴⁷. Отечественные авторы, однако, настаивают на том, что версия о подготовке Насером preventivного удара по Израилю не более чем миф⁴⁸.

В советском руководстве были трезвые голоса, предлагавшие в конце мая – начале июня организовать визит Л. Эшкола в Москву. Сирийцы выступили категорически против, мотивируя свою позицию тем, что это вызовет в арабском мире недоверие к политике Советского Союза. Насер, первоначально одобравший эту идею, через несколько дней заявил, что «визит Л. Эшкола в Москву уже не дал бы прямой выгоды для интересов ОАР»⁴⁹. По воспоминаниям посла Д. Чувахина, представлявшего СССР в Израиле, по возвращении из Тель-Авива он имел длительную беседу с А. Громыко, который высказал сожаление по поводу принятого тогда решения. «Развитие последующих событий показало, что нам не следовало бы прислушиваться к мнению сирийцев», – сказал он⁵⁰. Этот эпизод красноречиво свидетельствует о том, насколько зависимость Москвы от эгоистичных интересов арабских партнеров препятствовала осуществлению разумных шагов, которые могли не только способствовать снижению напряженности на Ближнем Востоке, но значительно повысить престиж СССР на международной арене.

Страх утратить расположение арабов, дать повод сомневаться в пресловутой солидарности с «прогрессивными, антиимпериалистическими силами в арабском мире» был серьезным двигателем советской ближневосточной политики тех лет. В указаниях советскому представителю в ООН Н. Федоренко министр

иностранных дел настаивал: «Вам необходимо установить тесный контакт с делегациями ОАР и Сирии и согласовывать с ними все свои действия. Если представители ОАР и Сирии будут по-прежнему возражать против рассмотрения вопроса о положении на Ближнем Востоке в Совете Безопасности, Вам следует поддержать их, используя мотивы, которые будут ими выдвинуты... В случае, если представители ОАР и Сирии выскажут пожелания, чтобы Советский Союз применил вето против...проектов резолюций, Вам следует это сделать, чтобы не допустить решения, осуждающего арабские государства»⁵¹. Идеологическая заикленность, возобладавшая над pragматическим интересом, превращала великую державу в исполнителя чужих задач, в защитника чуждых интересов. Любые высказывания советских дипломатов о необходимости сотрудничества с Израилем в деле урегулирования конфликта воспринимались арабами как предательство, любые упоминания Израиля как полноправного действующего лица на ближневосточной арене вызывали протесты с арабской стороны.

Уже в майском кризисе проявились особенности, которые в дальнейшем делали советское участие в ближневосточном урегулировании все менее эффективным. Слишком большая зависимость от постоянно меняющихся интересов арабских лидеров выливалась в следование в фарватере наиболее непримиримых, экстремистских сил в арабском мире. Заданный идеологизированный схематизм во взгляде на Израиль без учета интересов безопасности еврейского государства приводил к ошибочным решениям (например, разрыв дипломатических отношений 10 июня 1967 г.). Это не только лишило Москву необходимой маневренности в урегулировании конфликта, но и повышало градус враждебности и недоверия со стороны Израиля. Разбалансированность советского подхода к сторонам конфликта была использована Соединенными Штатами для постепенного вытеснения Москвы в 1970-х гг. из реального процесса ближневосточного урегулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Haaretz 03.06.2013; The Jerusalem Post 09.06.2013; The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. by Yaakov Ro'i and Boris Morozov. Stanford University Press. 2008.
2. Golan G. Soviet Policies in the Middle East from World War Two to Gorbachev. Cambridge. Cambridge University Press. 1990. P. 2.
3. Govrin Y. Israel-Soviet Relations: 1964–1966. Jerusalem. The Hebrew University of Jerusalem. The Soviet and East European Research Centre. Research Paper № 29. January 1978. P. 155.
4. Stroilov P. Behind the Desert Storm. L. Price World Publishing. 2011; Ginor I. Remez G. Foxbats over Dimona. The Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day War. New Haven: Yale University Press. 2007.
5. Ro'i Y. Soviet Policy towards the Six Day War through the prism of Moscow's relations with Egypt and Syria// The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. by Yaakov Ro'i and Boris Morozov. Stanford University Press. 2008. P. 3.
6. Дауров Р. Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. М. Институт востоковедения РАН. 2009. С. 61.
7. Дауров Р. Ук.соч. С. 62.
8. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат. 1961. С. 336.
9. Из записки заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева (к заседанию коллегии МИД СССР) 10 марта 1955 г. // Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. Отв. ред. Наумкин В.В. М.: Издат-во «Материк». 2003. Т. 1 Док.№ 159. С. 259.
10. “On Soviet Policy Following the Israeli Aggressions in the Middle East” Report By Comrade L.I. Brezhnev To The Plenum Of The Central Committee Of The Soviet Communist Party, Held On 20 June 1967 // <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112654>.
11. ОАР – Объединенная Арабская Республика, с 1958 г. по 1961 г. – наименование государственного объединения Египта и Сирии; 1961–1971 гг. – наименование Египта.
12. Примаков Е. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) М. «Российская газета». 2006, 2012. С. 118.

13. El-Sadat Anwar. In Search of Identity. An Autobiography. Glasgow. William Collins Sons&Co Ltd. 1978. P. 209.
14. Запись беседы заместителя министра иностранных дел В. С. Семенова с послом Израиля в СССР К. Кацем от 9 ноября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 237. С. 506.
15. См., например, Телеграмму МИД СССР послу СССР в ОАР от 11 октября 1966 г.// Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 232.С.519.
16. Heikal. M. The Sphinx and the Commissar – NY: Harper & Row. 1978. P. 168
17. Записка министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС. Ноябрь 1966 г.// Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 238. С. 530.Маоистский Китай в этот период проводил политику «непримиримого противоборства» с империализмом, в том числе и в региональных конфликтах, и отвергал советскую концепцию мирного сосуществования.
18. Heikal. M. The Sphinx and ommissar. P. 175.
19. Heikal. M. The Sphinx and the Commissar. P. 171.
20. Heikaël. M. The Sphinx and the Commissar. P. 176.
21. Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с военным министром ОАР III. Бадраном. 16 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 249. С. 554.
22. Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с президентом ОРА Г.А. Насером 22 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 253. С. 561.
23. Statement by an Official Syrian Foreign Ministry Spokesman on the “Repeated Threats by Israel”. Damascus, May 13, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 530.
24. Телеграмма посла СССР в Сирии А.А. Барковского в МИД СССР 11 мая 1966 г. //Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 223. С. 503.
25. Телеграмма посла СССР А.А. Барковского в Сирии в МИД СССР // Ближневосточный конфликт. Док. № 234. С. 521.
26. .Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. L. Penguin Books. 2003. P. 27.
27. Op. cit. Oren M.P. 30.
28. The General Staff Deliberations, January 1966.// Haaretz, 01.06.2007.
29. Segev T. 1967. Israel, The War and the Year that Transformed the Middle East. – L.: Abacus. 2008. P. 388.
30. Jerusalem Post. 08. 05.1967.

31. Важную роль в нагнетании напряженности сыграл инцидент 7 апреля 1967 г., когда в воздушном бою с сирийскими ВВС Израиль продемонстрировал неоспоримое военное преимущество.
32. Robarge D. CIA Analysis of the 1967 Arab-Israeli War// https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol49n01/html_files/arab_israeli_war_1.html#_ftn8 – Дата обращения 15.05. 2017.
33. “On Soviet Policy Following the Israeli Aggressions in the Middle East” Report By Comrade L.I. Brezhnev To The Plenum Of The Central Committee Of The Soviet Communist Party, Held On 20 June 1967 // <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112654> Этот документ известен только в английском переводе версии, направленной советским руководством Польской объединенной рабочей партии для информации. Ряд имеющихся в нем неточностей заставляют настороженно относиться к его достоверности.
34. Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко послу СССР в ОАР 25 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 255. С. 565.
35. Запись беседы зам. министра иностранных дел СССР В.С. Семенова с послом Ливана в СССР Наимом Амиуни 25 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 256. С. 567.
36. Телеграмма министра иностранных дел СССР постоянному представителю СССР при ООН 21 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 252. С. 561.
37. Министр обороны А.А. Гречко заверял египетского министра обороны Ш. Бадрана: «...Что бы ни случилось, мы будем с вами...»
38. Heikal. M. The Sphinx and the Commissar. P. 178.
39. Govrin J. The Six-Day War in the Mirror of Soviet-Israeli Relations. April-June 1967. The Hebrew University of Jerusalem. Research Paper № 61. December 1985. P. 13.
40. Op. cit. Segev T.P. 233.
41. Ук.соч. Примаков Е.С. 119.
42. Op.cit. Oren M.P. 117–118.
43. Golan G. Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Cambridge, NY. Cambridge University Press. 1990. P. 65.

44. Розин А.В. Советский ВМФ в сдерживании и прекращении «шестидневной войны» в 1967 г. // Ближний Восток: командировка на войну. М.: Институт востоковедения РАН. 2009. С. 178.
45. Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко послам СССР в Польше, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Монголии, КНДР, ДРВ, Кубе. 28 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 257. С. 568–569.
46. “On Soviet Policy Following the Israeli Aggressions in the Middle East” Report By Comrade L.I. Brezhnev To The Plenum Of The Central Committee Of The Soviet Communist Party, Held On 20 June 1967 // <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112654>.
47. Egyptian President Gamal Abdel Nasser: Speech to Arab Trade Unionists (May 26, 1967) // The Israel-Arab Reader. P. 99.
48. Ук.соч. Примаков Е.С. 117.
49. Запись беседы посла СССР Д.П. Пожидаева с президентом ОАР Г.А. Насером 1 июня 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 260. С. 573
50. Чувахин Д. Израиль накануне разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 г. // Международная жизнь. 1994. № 9. С. 128–135.
51. Телеграмма министра иностранных дел СССР постоянному представителю СССР при ООН 21 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. № 252. С. 560–561.

Н.А. Семенченко

РАЗМЕЖЕВАНИЕ В ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Шестидневная война 1967 г. является одним из ключевых событий в истории государства Израиль. Итоги войны оказали существенное влияние на общественную жизнь страны и на дальнейшее развитие государства в целом.

После долгого напряжения, в котором пребывало население в ожидании неизбежной войны, наступила глубокая эйфория от легкой военной победы над арабами, от возможности свободного доступа к еврейским святыням. Израильское общество ликовало и праздновало блестящую победу, которая сняла напряженность, накопившуюся из-за постоянной угрозы со стороны арабских стран, в предвоенный период. Победа же, особенно ее стремительность, трактовалась как чудо, как спасение¹.

Эйфория от победы рассеивалась медленно, тем не менее, от политического руководства требовалось осмысление итогов войны.

После поддержки резолюции 181/11 ГА ООН еврейским ищувом и создания государства в 1948 г. в границах, предусмотренных этой резолюцией, а затем заключения в 1949 г. перемирия с соседними арабскими странами в границах «зелёной линии», вопрос о границах Израиля и его территории официально практически не поднимался. На повестке дня стоял вопрос о мире с арабскими странами.

Шестидневная война и ее итоги снова подняли вопрос о территории государства и его границах, а именно вопрос «как быть с палестинскими территориями» независимо от того, как их называть – захваченные, оккупированные или освобождённые. При

этом во главе победившей в войне страны, стояло правительство, не имевшее четкой единой позиции в отношении дальнейших политических шагов.

Война полностью изменила политическое самосознание израильян. Едва ли не все политические и общественные силы в стране разделились на два лагеря: на сторонников «Великого Израиля», которые сомневались в готовности арабов заключить мир с Израилем на каких-либо условиях, и на тех, кто считал, что мира можно реально добиться лишь путём территориальных, в том числе и значительных, уступок.

Это разделение нашло свое выражение в деятельности двух организаций – Движение за Великий Израиль и Движение за мир и безопасность. «Оглядываясь в прошлое можно увидеть, что истоки радикализации в Израиле в последние десятилетия исходят именно из этих двух движений и их мировоззрения», – писал израильский политолог².

В сформированное накануне войны правительство Национального единства входили доминирующая лейбористская партия МАПАЙ, возглавлявшая блок Маарах, и правый блок ГАХАЛ во главе с М. Бегиным. Позиция Бегина была жесткой. Он не признавал никаких компромиссов. Несмотря на различие в подходах, оба блока считали, что Израиль не должен возвращаться к границам 5 июня 1967 г, т. е. к границам «зеленой линии», как этого требовала резолюция 242 СБ ООН.

Все стороны считали также, что, исходя из соображений безопасности, целесообразно создавать на этих территориях еврейские поселения. Перед принимающими политические решения было три варианта:

- а) создать еврейские поселения во всех частях оккупированных территорий как средство утверждения израильского суверенитета на основе исторических прав;
- б) создать еврейские поселения на части территорий в целях обеспечения безопасности Израиля;
- в) воздержаться от создания поселений на этих территориях, которые подлежали бы возвращению в случае заключения мира.

В правительстве высказывались противоположные мнения:

Маарах выступал за второй вариант действий, Ликуд же – за первый. Но никто не высказывался за третий вариант³.

Поскольку арабы не были готовы на компромисс и на переговоры с Израилем, ведущая правительственный партия МАПАЙ приняла «решение не принимать политических решений». Такая тактика способствовала сохранению правительства Национального единства и вместе с тем ослабляла противостояние между различными фракциями внутри самой партии, которые не могли прийти к единому политическому мнению.

На правительственном уровне, действующий премьер-министр Леви Эшкол выдвинул компромиссное решение территориальной проблеме, согласно которому Израиль не будет строить планов в отношении оккупированных территорий; они будут считаться лишь «залогом», удерживаемым до тех пор, пока арабские страны не пойдут на диалог. При этом арабы должны согласиться на переговоры, исходя из сложившегося на тот момент статуса⁴. На практике это означало, что у Израиля было предостаточно времени, чтобы выработать политические планы и концепции.

В обществе разброс мнений был не менее широкий.

В разгар общественных дебатов о будущих границах Израиля группа «ястребов», особо эмоционально принимавшая идеи «Великого Израиля», из рядов партии МАПАЙ и не только, во главе с поэтом Н. Альтерманом (МАПАЙ) и писателем М. Шамиром (МАПАМ) организовала лобби против ухода с оккупированных территорий. 31 октября 1967 г. на митинге в Тель-Авиве официально было оформлено Движение за Великий Израиль. Принятый Движением манифест был подписан 57 выдающимися израильтянами, включая писателей, поэтов, ученых, военачальников, представителей крупного бизнеса и раввинов. В Движение также вошли лидеры Национальной религиозной партии (МАФДАЛ), ряд учеников З. Жаботинского, но большинство составили выходцы из рядов МАПАЙ⁵.

Целью этого Движения за Великий Израиль было добиться того, чтобы все территории, оккупированные в Шестидневной войне, оставались частью Израиля. Эта политика зиждалась на глубоком чувстве принадлежности всей Земли Израиля евреям.

Хотя большинство членов Движения не были религиозными, часть манифеста была сформулирована в чисто религиозных терминах. В тексте его говорится: «Вся Земля Израиля находится сейчас в руках еврейского народа, и как нам не позволено отказаться от Государства Израиль, так нам приказано сохранить то, что мы получили там от Земли Израиля. Мы обязательно будем верны целостности нашей страны – как ради прошлого, так и ради будущего нашего народа, – поскольку ни одно правительство в Израиле не имеет права отказаться от ее целостности»⁶.

На другом фланге израильского общества, начиная с лета 1967 г ряд ведущих израильских ученых – историки, социологи и др. – периодически публиковали в прессе статьи против оккупации и призывали правительство признать права палестинцев, а также предпринять шаги, которые могли бы открыть путь к переговорам с соседними арабскими странами.

Сторонники мира, чья точка зрения на арабо-израильский конфликт еще до войны отличалась от позиции большинства израильтян, отнеслись к завоеванию Западного берега и сектора Газа как к новой возможности для заключения мира с арабами.

9 июня, практически, когда война еще не закончилась, известный израильский журналист, в тот период депутат Кнессета Ури Авнери, обратился к премьер-министру Л. Эшколу с письмом, в котором «умолял» его создать палестинское государство на только что оккупированных территориях и заключить с этим государством мирный договор⁷.

В сентябре 1967 г. группа общественных деятелей Израиля опубликовала в газете «Гаарец» обращение, в котором содержалось предупреждение, что «оккупация влечет за собой чужую власть. Чужая власть влечет за собой сопротивление, а сопротивление – угнетение, угнетение влечет за собой террор и контртеррор. Жертвами террора обычно бывают невинные люди... Сохранение оккупированных территорий превратит нас в народ, который убивает и которого убивают»⁸.

Вероломное вторжение правоэкстремистского раввина Ш. Левингера⁹ и его сторонников в арабский город Эль Халиль (Хеврон) в мае 1968 г. и основание там еврейской иешивы при

полном попустительстве правительства подтолкнуло академические круги к более решительным действиям. 1 июля 1968 г. на конференции в Тель-Авиве было создано Движение за мир и безопасность. Движение за мир привлекало к себе участников из рядов левых партий (особенно Мапам), членов кибуцев и академических факультетов крупнейших университетов Израиля. Принятое Движением хартия содержала требование к правительству «заявить недвусмысленно, что Государство Израиль не намерено аннексировать территории. И будет придерживаться принципов ухода с контролируемых территорий, при достижении мирного соглашения, основанного на согласованных и безопасных границах»¹⁰.

Прошло совсем немного времени, и группы, поддерживающие оккупацию арабских территорий, решили стимулировать правительство на поддержку неофициальных программ по созданию поселений на палестинских территориях. Усиление правых настроений в обществе и бездействие правительства вызывали тревогу и опасения в рядах либеральной интеллигенции, которая считала своим долгом попытаться остановить «скатывание общество вправо»¹¹.

В начале 1969 г. профессора университетов организовали группу – Призыв к миру и безопасности¹². Они призывали правительство быть более осмотрительным и не допускать шаги, которые могли бы создать условия, при которых Израилю грозило либо перестать быть еврейским, либо перестать быть демократическим государством.

Представителей Призыва к миру и безопасности пользовались у большинства населения страны несомненным авторитетом, но они были далеки от создания оппозиции режиму и существующей политике. Они считали себя лишь наставниками и предупреждали, что пренебрежение их советами обойдется Израилю слишком дорого¹³.

В этот период возник целый ряд небольших сионистских групп, выступавших за возвращение оккупированных земель и за урегулирование ближневосточного конфликта на основе резолюции 242 Совета Безопасности ООН. К ним относились Комитет за мирную

ициативу, Брит хасмол (Союз левых), отколовшийся в 1969 г. от партии МАПАМ, когда последняя вошла в состав блока Маарах, леворадикальные организации СИАХ и Мацпен¹⁴, которые своим радикализмом привлекали в основном молодых людей и студенчество, а также ряд других организаций. Все они были малочисленные и маловлиятельные группы, к которым примкнули отдельные члены некоторых общественных организаций, представители творческой и научной интеллигенции. Оказывали поддержку этим группам известные журналисты, писатели и студенты исходя из соображений справедливости, национальных и гражданских чувств, а также из боязни, что оккупация поставит под угрозу израильскую демократию.

При всех противоречиях между ними, все эти группы разделяли общий взгляд на арабо-израильский конфликт. Они рассматривали его как противостояние евреев и палестинцев, считая, что обе стороны должны пойти на уступки и что общая земля должна быть поделена согласно их национальным устремлениям. Движения и группы протesta верили, что оккупация территорий ставит под угрозу израильскую демократию и «вступает в противоречие со всеми моральными принципами, будь они еврейскими, социалистическими, общечеловеческими или либеральными»¹⁵.

Но этого было недостаточно. Действующим в тот период движениям и группам активного и пассивного протesta не удалось сплотиться, как их главному «конкуренту» – Движению за Великий Израиль. А попытка списка Движение за мир и безопасность баллотироваться на выборах в Кнессет в 1969 г. потерпела неудачу.

Разногласия между мирными группами происходили не только из-за того, сколько территорий необходимо вернуть; группы отличались по своему мировоззрению, они не были готовы отойти от своих идеологических установок и идти на компромисс. Таким образом, разобщенность и малая активность были на первом этапе характерными чертами общественных сил, выступавших против оккупации, за мирное урегулирование ближневосточного конфликта.

Движениям протesta, или – как можно их еще называть – движениям за мир, не только не удалось достигнуть необходимой

степени сплоченности, но, что более важно, они не получили массовой поддержки. Отчасти это произошло из-за различий в подходах к решению тех или иных проблем, но, в первую очередь, это объясняется тем, что большинство лейбористских сионистов, составлявших основу этих движений, все еще верили, что лейбористское правительство честно изыскивает любую возможность мирного урегулирования конфликта.

В период до Октябрьской войны 1973 г., благодаря усилиям руководства страны в Израиле царила атмосфера уверенности и покоя. Израильская политика по отношению к арабскому миру ограничивалась периодическими предложениями арабским лидерам «сесть за стол переговоров с Израилем без предварительных условий». Среди населения преобладало мнение, что некуда торопиться, поскольку «положение ни мира, ни войны» предпочтительнее любого другого¹⁶. Тем более, что за три недели до войны министр обороны М. Даян заявлял, что «в ближайшем десятилетии Израиль не ожидает войны»¹⁷. В обстановке политического застоя правительство Г. Меир продолжало проводить политику «свершившихся фактов» на оккупированных территориях.

Вскоре после Октябрьской войны 1973 г. наметилось уже чёткое размежевание между двумя общественными группами. Сформировались два блока – движение «Гуш эмуним» («Блок верных») и «Шалом ахшав» («Мир сейчас»). Оба движения были в оппозиции правительству и выражали неудовлетворенность текущей или намеченной политикой правительства и/или неодобрение ее, притом каждое из них выдвигало свой альтернативный политический курс¹⁸. Одна группа требовала создания поселений на оккупированных территориях невзирая на то, как это может повлиять на мирный процесс; другая выступала за уход с этих территорий как необходимое условие мира.

После Октябрьской войны 1973 г. массовый протест стал едва ли не постоянным явлением в израильской политической культуре. 3 февраля 1974 г. у канцелярии премьер-министра в Иерусалиме появился человек с транспарантом, призывающим к отставке министра обороны М. Даяна, поскольку последний нёс ответственность за «провалы и оплошности октябрьской

войны». Это был Моти Ашкенази, офицер запаса, положивший своим выступлением начало широкому движению протеста против тех, кто формировал и проводил израильскую политику. Протест М. Ашкенази вызвал широкий резонанс. В середине февраля состоялась первая демонстрация, в которой участвовало 4 тыс. человек, в том числе и солдаты в военной форме. Вскоре движение протеста расширилось и в других направлениях. В активизации движений протеста нашло свое выражение стремление молодого поколения участвовать в политической жизни страны. Эти движения обладали большим потенциалом, направленным на изменение стиля политической жизни, но не на изменение содержания самой политики. Ни одно из этих движений не поднимало вопрос об альтернативной политике правительства по отношению к арабо-израильскому конфликту.

Тем не менее, как отмечает М. Бар-ОН, один из лидеров «Мир сейчас»: «Моти Ашкенази и его соратники оставили значимое наследство израильскому Движению за мир, а именно: осознание того, что политика слишком серьезное дело, чтобы оставить ее исключительно политикам; сознание того, что общественная группа, объединенная вокруг даже одного вопроса, может повлиять на политическую систему; веру в значение и влияние массовых демонстраций. Все это стало направляющими принципами в деятельности движений за мир, которые возникли позже»¹⁹.

Тем временем палестинские организации все чаще и чаще прибегали к террористическим акциям. Атака на мирных жителей в аэропорте Лод в мае 1972 г., нападение на израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене в сентябре 1972 г. и т. д. В целом, в период с 1974 по 1977 г. было совершено несколько десятков терактов против израильтян. На этом фоне формировалось и общественное мнение.

Очень немногие из лидеров движений протеста 1974 г. в последующие годы продолжали участвовать в новых организациях движений за мир.

Октябрьская война 1973 г., которая воспринималась израильтянами как «землетрясение», явилась «кризисом», который привёл к образованию целого ряда групп протеста, одной из которых

было движение «Гуш эмуним». Движение «Гуш эмуним» было основано 7 февраля 1974 г. Лидеры движения уже участвовали в более ранних акциях протesta после шестидневной войны в рядах сторонников «Великого Израиля».

Организаторы «Гуш Эмуним» были в основном молодые религиозные люди (на третьем десятке лет), имевшие общую социальную базу: они были бывшие члены «фракции молодых» в Национальной религиозной партии (НРП/ МАФДАЛ), известной своим жестким подходом. Это были солдаты или офицеры-резервисты в религиозных военных частях и бывшие учащиеся иешivot в Иерусалиме.

Основатели «Гуш Эмуним» черпали поддержку из трех разных центров. Прежде всего, это была партии НРП/ МАФДАЛ, которая предоставляла им политическую подготовку и опыт. МАФДАЛ традиционно была умеренной прагматичной партией в том, что касалось внешней политики, но после шестидневной войны она уступила давлению «фракции молодых», в состав которой входили лидеры «Гуш Эмуним», заняв воинственные позиции. Партия выступала в поддержку религиозных и исторических прав евреев на то, что она считала исконными землями и требовала заселения оккупированных территорий. Но будучи в составе правительственный коалиции, МАФДАЛ не могла выполнять все требования своих наиболее экстремистских членов. В итоге они предпочли отказаться от соблюдения партийной дисциплины и действовать как отдельная политическая группа. После того, как правительство заключило в 1974 г. промежуточные соглашения с Египтом и Сирией, они отмежевалась от своей прежней партии и стали активизироваться в рамках самостоятельной организации, главной целью которой было заселение территорий Великого Израиля с тем, чтобы утвердить право Израиля на эти земли.

Вторым центром, от которого «Гуш Эмуним» получал поддержку, было Движение за «Великий Израиль», участниками которого были многие из лидеров «Гуш Эмуним». Их приверженность идеи Великого Израиля была едва ли не естественной, поскольку с религиозной точки зрения право и долг народа Израиля владеть Землёй Израиля были неоспоримы. Таким образом,

идейный багаж «Гуш Эмуним» был связан с группой, уже прочно утвердившейся на израильской политической арене. Оно отличалось от этой группы главным образом тактикой, а не идейным подходом.

Религиозная школа служила организаторам «Гуш Эмуним» источником идеологических ресурсов, опиравшихся на чисто религиозные верования. Философия иешивы требовала мессианских истолкований событий, связанных с историей сионизма в прошедшем столетии, особенно со временем восстановления еврейской государственности. В завоевании Западного берега они видели «освобождение» Иудеи и Самарии и воспринимали это как деяние Божье и проявление воли Всевышнего. Заселение этой земли основывалось на высшей религиозной заповеди и было освящено повелением Бога²⁰.

Воздействие иешивы не сводилось к одной лишь идеологии. Оно также прививало учащимся чувство товарищества. «Вязаная кипа» стала символом идентификации для студентов и выпускников религиозных учебных заведений, разделявших как общие ценности, так и общий стиль жизни.

Со времени, особенно после прихода блока Ликуда к власти в 1977 г., «Гуш Эмуним» методично набирало силу и стало одним из факторов, оказывающих немалое влияние на принятие политических решений в государстве.

Зарождение движение «Мир сейчас» также было связано с общественным кризисом после Октябрьской войны, когда движение протesta охватило израильское общество. Но толчком к формированию движения послужил «кризис» вызванный историческим визитом президента Египта Анвара Садата в Иерусалим в 19 ноября 1977 г. Этот визит пробудил у многих израильтян надежду на мир. Когда прошло три месяца и казалось, что переговоры между Израилем и Египтом зашли в тупик, у многих израильтян возникло опасение, что М. Бегин может упустить шанс на достижение мира с Египтом. Группа молодых резервистов, среди которых были и офицеры, направила 7 марта 1978 г. премьер- министру открытое письмо с 348 подписями. В письме они выражали это опасение, требуя, чтобы были сделаны территориальные уступки

с тем, чтобы достичь мира. Они призвали главу правительства «выбрать мирный путь и этим укрепить их веру в справедливости своего пути»²¹. После публикации в СМИ этого письма, получившего название «Письмо офицеров», количество подписей резко увеличилось. Десятки израильтян заявили о своей готовности активно подключиться к деятельности новой организации, которая вскоре получила название «Шалом Ахшав» («Мир сейчас»).

Лидеры «Мир сейчас» происходили из армейских кругов, политических партий и общественных групп протesta. Они принадлежали к одной и той же возрастной группе (в основном молодые) и имели схожую социальную базу. Инициаторами движения явились выпускники университетов, высокопоставленные офицеры-резервисты, прошедшие организационную подготовку и владевшие навыками руководства. Другие активисты ранее входили в политические партии и не были новичками в политических делах. Идеология «Мир сейчас» была связана с идеяными принципами Движения за мир и безопасность, которое было основано после шестидневной войны в противовес Движению «За Великий Израиль». Важнейшим мотивом этой идеологии был подход к оккупированным территориям как к средству для достижения мира, а не как к средству для осуществления сионистской идеи. Сохранение за Израилем оккупированных территорий рассматривалось ими как «оскорбление всех основополагающих моральных ценностей, будь то еврейские, сионистские или гуманитарные»²².

Молодые офицеры не были единственной группой, выступавшей за ускорение мирного процесса и уход с оккупированных земель. Их предшественниками были группа старшеклассников, которые накануне мобилизации в армию протестовали против своего предполагаемого участия в «ненужной войне»; активисты различных политических партий (особенно из рядов ШЕЛЛИ и ДАШ), которые разуверились в профессиональной политике и решили развернуть «гражданскую» кампанию с целью повлиять на внешнюю политику вне рамок своих партий; сторонники переговоров с ООП – члены Израильского совета

за израильско-палестинский мир и Комитета за справедливый мир между Израилем и арабскими странами; другие левые организации.

Успех этих двух движений «Гуш Эмуним» и «Мир Сейчас» зависел от целого ряда факторов. Одним из первых было влияние на правительство и на политическую элиту, что, в свою очередь, зависело от поддержки со стороны общественного мнения, от жизнеспособности организации и от положительной реакции правительства на ее деятельность.

Другими словами, способность этих групп влиять на политический курс правительства зависела от того, насколько идеи каждой соответствовали основным ценностям, которые разделяло общество; от стратегии деятельности, а также от возможностей доступа к лицам, принимающим политические решения²³.

Таким образом, «Гуш Эуним» и «Мир Сейчас» концентрировали свои усилия на мобилизации общественного мнения, что считалось существенным (хотя, может быть, и недостаточным) условием для оказания влияния на верхние эшелоны власти.

«Гуш Эмуним» оказалось более успешным, чем «Мир сейчас», в расширении круга своих потенциальных сторонников. У него был «естественный» источник людских ресурсов – религиозные люди внутри и вне НРП и студенты религиозных учебных заведений, которых можно было легко мобилизовать. «Гуш Эмуним» выходило и за рамки группы верующих. Оно привлекало в свои ряды и в свою поддержку всех, кто придерживался идеи «Великого Израиля» – членов кибуцев и студентов – участников движения «За Великий Израиль», жителей развивающихся городов, членов радикальных фракций внутри всех политических партий, в том числе в Маарахе и Херуте. Несмотря на это разнообразие, движение «Гуш Эмуним» выступало как сплочённая группа, в которой не было внутренних разногласий и раздоров. Цель была ясна. А задача ставилась конкретно – создать новые поселения на палестинских территориях.

Задача ставилась не декларативно, сами члены движения и их семьи участвовали в создании этих поселений, порой совсем малочисленных.

Движение «Мир Сейчас» также обрела массовую поддержку; однако оно столкнулось с трудностями, которые ограничили масштабы его роста. В то время как «Гуш Эмуним» пересекло водораздел между левыми и правыми политическими течениями, «Мир Сейчас» получало поддержку главным образом со стороны членов левых партий. Большинство его приверженцев принадлежали к среднему классу, были высокообразованными, довольно молодыми представителями израильского общества европейского происхождения. Несмотря на предпринимавшиеся усилия, успехи движения среди восточных евреев были весьма скромными. Вместе с тем, следует отметить, что небольшая группа ортодоксальных евреев («Оз Вешалом») вступила в его ряды.

Сплочённость внутри «Мир Сейчас» была довольно невысокой. Его члены были единодушны в том, что Израиль должен уйти с оккупированных территорий, но основные расхождения были по вопросам тактики и стратегии.

Разногласия были прежде всего по вопросам с каких именно территорий Израиль должен уйти, какой должна быть процедура возврата территорий и кому они должны быть возвращены. Некоторые считали, что нужно вернуть все территории; многие были уверены, что Восточный Иерусалим должен остаться израильским; кто-то полагал, что из соображений безопасности некоторые стратегические территории необходимо удерживать под контролем Израиля. Некоторые соглашались на создание палестинского государства, другие были сторонники возвращение к границам 1967 г., но не в одностороннем порядке.

Движение «Мир Сейчас» имело ясное представление о том, какую политику не следует проводить (аннексию оккупированных территорий, заселение этих земель и доминирование над проживающим там арабским населением); однако оно не предлагало ясной альтернативы. Движение не могло точно указать, сколько земли следует вернуть и на каких условиях. Оно намеренно выступало с двусмысленными лозунгами, чтобы привлечь к себе как можно более широкие социальные группы и одновременно предотвратить дальнейшие расхождения в собственных рядах.

Отсутствие сплочённости снижало привлекательность «Мир Сейчас» для потенциальных членов из различных слоев общества. Их смущала нерешительность движения и невнятность его политической позиции.

Стратегия этих движений во многом отличалась. В противоположность «Гуш Эмуним», которое призвало своих приверженцев изменить ход своей жизни и поселиться на оккупированных землях, «Мир Сейчас» лишь просило своих сторонников быть политически активными, чтобы добиться перемен во внешней политике. Эта активность заключается в денежных взносах и в участии время от времени в уличных демонстрациях.

Движение «Гуш Эмуним» и Поселенческое движение уже на первом этапе набирали силу во многом и в результате слабости правительства Маараха, его нерешительности и неопределённости. Маарах публично противостоял политике, известной как «ни отдадим ни пяди земли», и выступал за территориальные уступки. С другой стороны, кабинет министров во главе с Маарахом, принял на себя обязательства по осуществлению программы, известной как «План Аллона», предусматривавшей заселение долины реки Иордан. На протяжении 1974 г. правительство не уступало нажиму движения «Гуш Эмуним» создать поселения в районах Иудеи и Самарии и даже применяло силы против поселенцев и задерживало их лидеров. Но в октябре 1974 оно приняло решение о создании еврейских поселений вокруг Иерусалима, что не входило в «План Аллона». Это был поворотный момент, после чего правительство не могло устоять против нажима правых из «Гуш Эмуним». С 1977 г. это движение усилилось благодаря поддержке со стороны правительства Ликуда как в идеологическом, так и в финансовом плане.

Среди активистов «Мир Сейчас» была небольшая группа, которая на фоне жесткой тактики «Гуш Эмуним» требовала от лидеров движения более твердых шагов вплоть до личного физического сопротивления созданию поселений²⁴. Спустя годы Цали Рэшэф один из лидеров «Мир Сейчас», оценивая тактику движения, отмечал, что не многие могли и готовы были пожертвовать своей привычной комфортной семейной жизнью, работой ради

идеей. В отличие от руководителей «Гуш Эмуним», которые были приближены к властным структурам и получили высоко оплачиваемые должности как главы местных советов поселений и т. д., активисты «Мир Сейчас» продолжали трудиться на своих рабочих местах и опираться на ответственных волонтеров. Ц. Рэшэф констатирует с горечью, что они не могли бы изменить ход истории: даже физическим сопротивлением нельзя было устоять против миллиардов, которые выделяло правительство²⁵.

Массовое заселение оккупированных территорий создало новые реалии в политической и общественной жизни Израиля. Число израильтян, обосновавшихся на этих территориях, постоянно увеличивалось, притом большая часть израильской общественности продолжает полагать, что нет никакой связи между достижением мира и возвратом оккупированных/контролируемых территорий. Вопрос о будущем поселений стал менее острым, поскольку большинство израильтян считает этот процесс необратимым.

Движение «Мир Сейчас» постепенно «растворилось». Движение «Гуш Эмуним», которое не признавало полномочий израильского правительства принимать внешнеполитические решения²⁶, трансформировалось в общественно-политическую силу, оказывающую непосредственное влияние на политику правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенченко Н.А. Внепарламентский левый протест в Израиле после войны 1987 г. // Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке. Центр стратегических исследований, ИВ РАН. М 2010. С. 91.
2. Шпринцак Э. Бейн меха хуц-парламентарит летерор: Алимут политит бисраэл (Между внепарламентским протестом и террором: политическое насилие в Израиле). Иерусалим, 1995. С. 48.
3. Ишай Я. Выступление на международном конгрессе политологов М. 1979.
4. Ишай Я. Выступление на международном конгрессе политологов М. 1979
5. Bar-On M. In Pursuit of Peace. A History of the Israeli Peace Movement. Washington, D.C. 1996. – ISBN 1-878379-53-4. P. 49.
6. Isaac R.J. Israel Divided: Ideological Politics in the Jewish State? Baltimore: John Hopkins University Press, 1976. P. 61 (in: Hall-Cathala D. The Peace

Н.А. Семенченко

- Movement In Israel 1967–87. Oxford: St Antony's/Macmillan Series, 1990. – ISBN0-333-45487-1. P. 6).
7. Bar-On M. Op. cit. P. 46.
 8. Арахим. Тель-Авив. 1970. № 4. С. 10.
 9. Раввин Іш. Левінгер – ідеолог релігіозно-націоналістического руху «Гуш Эмуним», один із засновників поселення Кирьят-Арба в м. Хевроне.
 10. Bar-On M. Op. cit. P. 50–51.
 11. Hall-Cathala D. Op. cit. P. 28.
 12. Серед професорів, виступивших з Підтримкою, були видні учени і активні політики Я. Талмон, Н. Ротенстрайк, Й. Ариєлі, Я. Кац і І.Н. Айзенштат.
 13. Kaminer R. The Politics of Protest. Sussex Academic Press, UK, 1990. P. 9–10.
 14. См. Семенченко Н.А. Внепарламентський левий протест ... с. 98–104
 15. Isaac R.J. Op. cit. P. 88 (in: Hall-Cathala D. Op. cit. P. 31).
 16. Капелюк А. Ло меадал (Не оплощність). Тель-Авив, 1975. С. 32.
 17. Маарив. 21.09.1973
 18. Ишай Я.
 19. Bar-On M. Op. cit. P. 77.
 20. Ишай Я. Выступление ...
 21. Bar-On M. In Pursuit of Peace. A History of the Israeli Peace Movement. Washington, D.C. 1996. – ISBN 1-878379-53-4. P. 98; Решеф І. Шалом Ахшав (Мир сейчас). Іерусалим. 1996. – ISBN965-07-0564-3. С. 13–14.
 22. Ишай Я. ...
 23. Ишай Я. ...
 24. Решеф І. Шалом Ахшав (Мир Сейчас). Іерусалим. 1996. – ISBN965-07-0564-3. С. 60–61.
 25. Там же, С. 132–133.
 26. Решеф І.С. 222.

Е.А. Якимова

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ДВУХПАРТИЙНОГО КОНСЕНСУСА В ОТНОШЕНИИ ИЗРАИЛЯ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

Задачи поддержания безопасности и благополучия Израиля являются одной из основ особых отношений, сложившихся у ближневосточного государства с США с момента его провозглашения. Принцип консенсуса между демократами и республиканцами в Конгрессе по вопросам, относящимся к израильской проблематике, стал своеобразным свидетельством того, что следование данному курсу не будет зависеть от партийной принадлежности каждой новой американской администрации¹. Впрочем, как показала история двустороннего сотрудничества, каждый новый лидер США предпочитал опираться на собственные представления, а не сугубо на подход, продиктованный партией, выдвинувшей его на выборах.

Смена президента США с демократа на республиканца в январе 2017 г. принесла Израилю потепление двусторонних отношений с ведущим партнером на международной арене. Не только новый хозяин Белого Дома, но и собранная им команда стали отличаться явным настроем в пользу ближневосточного государства. Б. Обама оставил после себя в наследство резолюцию Совета Безопасности ООН № 2334 от 23 декабря 2016 г., объявляющую израильские поселения «вопиющим нарушением норм международного права»², отказавшись воспрепятствовать голосованию, а также беспрецедентный по объемам пакет военной помощи. Несмотря на то, что эта договоренность из-за суммы финансирования, составившей 38 млрд долларов США³, должна была войти

в историю американо-израильского партнерства, военно-политические круги страны признали её потенциально негативное воздействие на экономику в ближайшие годы. По итогам совместного заседания финансовой комиссии Кнессета и министерства обороны Израиля в мае 2018 г., было установлено, что страна не сможет использовать 25% от предоставляемых Вашингтоном средств на приобретение собственных вооружений, а будет вынуждена поставлять их исключительно из США. Это может привести к закрытию порядка 130 предприятий, 40% которых расположены на периферии⁴.

За время своих полномочий Д. Трамп признал Иерусалим столицей Израиля, закрепив это посредством переноса в город американского посольства, а также адаптировал израильский подход к Совместному всеобъемлющему плану действий по иранской ядерной программе, объявив о выходе США из сделки. Новый американский лидер дал понять, что готов отойти от принципа «двух государств для двух народов», долгие годы составлявшего основу мирного процесса в регионе. Помимо этого он активно способствовал принятию израильских опасений относительно роста иранского присутствия на Ближнем Востоке. Как подчеркнул в кулуарах саммита в Хельсинки 16 июля 2018 г. президент РФ В. В. Путин, именно американский лидер продвигал вопрос обеспечения израильской безопасности⁵. В результате на совместной пресс-конференции двух лидеров было заявлено, что Москва и Вашингтон будут ставить эту задачу в приоритет при определении постконфликтного будущего Сирии.

Данные шаги по понятным причинам получили высокую оценку со стороны правительства ближневосточного государства. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху неоднократно отмечал, что дружба между странами вышла на качественно новый уровень, а Д. Трамп доказал, что стал, как и обещал во время предвыборной гонки, действительным поборником израильских интересов. На совместной пресс-конференции, предшествовавшей первой встрече главы израильского правительства и президента США после иерусалимской декларации, Б. Нетаньяху отметил: «Вот уже почти четыре десятилетия я здесь, ведя переговоры и пытаясь

развивать американо-израильский альянс. Он никогда не был прочнее, чем при Вашем лидерстве, и народ Израиля видит Вашу позицию по Иерусалиму, они видят Вашу позицию по Ирану. Они видят Вашу блестящую защиту Израиля и правды в Организации Объединенных Наций»⁶.

Казалось бы, израильские власти после периода поступательного охлаждения американо-израильских отношений получили возможность добиться реализации многих из поставленных ими ранее внешнеполитических задач. Вместе с тем особое сближение с Д. Трампом и его окружением привело к явному перевесу в пользу республиканской партии в том, что касается обеспечения консенсуса между двумя главными политическими силами США относительно израильской проблематики. В результате возникла опасность, что правительство ближневосточной страны за время президентства Д. Трампа может серьезно ухудшить связи с демократической партией, тем самым осложнив для себя партнерство с Вашингтоном в будущем.

Если практические действия Д. Трампа после избрания воспринимались Израилем в свою пользу, то шаткость внутриполитического положения нового лидера стала одним из главных опасений⁷. В долгосрочной перспективе это касается, прежде всего, возможности избрания демократа следующим президентом. В недалеком будущем Израиль может столкнуться с первыми проблемами на данном направлении уже после 6 ноября 2018 г., когда состоятся т. н. «промежуточные выборы» в Конгресс. По их итогам будет переизбрана Палата представителей, состоящая из 435 депутатов, а также 35 из 100 сенаторов. При этом на протяжении многих месяцев американские прогнозы предсказывают, что «демократическая волна», способная захлестнуть страну, может оказаться гораздо более ударной, чем рассчитывают республиканцы⁸.

Впрочем, стоит признать, что основа отхода от принципа двухпартийного консенсуса в отношении Израиля была заложена ранее и проявилась отчетливо еще в 2015 г. во время резонансного выступления Б. Нетаньяху в Конгрессе. Заявление по иранской проблематике, явно направленное против переговоров по ядерной программе с Тегераном, было организовано

представителями республиканской партии, заинтересованными в том, чтобы подорвать курс Б. Обамы на данном направлении. Для этого главу израильского правительства и использовали, организовав его приезд в США в начале марта 2015 г. Факт присутствия Б. Нетаньяху в Конгрессе вызвал недовольство демократов и лично тогдашнего президента. В качестве контраргумента они использовали то обстоятельство, что в Израиле на тот момент шла предвыборная гонка, повлиять на результаты которой могло общение кандидата на пост главы правительства с представителями властных кругов США. В действительности демократический лагерь выступил против своееволия, проявленного республиканцами и поддержанного Б. Нетаньяху. Уже тогда представительница Иллинойса, демократ Д. Шаковски указала на то, что данное выступление свидетельствует о желании республиканцев закрепить за собой монополию на поддержку Израиля⁹.

Возможность того, что нынешний президент досрочно уйдет в отставку или не будет переизбран повторно зимой 2018 г. попытался использовать демократический лагерь, проявляя интерес к взаимодействию с палестинцами на фоне иерусалимской декларации. В конце января 2018 г. стало известно, что в Лондоне состоялась встреча бывшего госсекретаря США Дж. Керри с представителем главы Палестинской национальной администрации (ПНА) Х. Агой. В ходе беседы чиновник бывшей американской администрации посоветовал донести до палестинского лидера необходимость бороться с Д. Трампом и его командой, саботируя задуманный ими мирный проект и дожидаясь смены власти в США. По данным, опубликованным в израильской прессе, Дж. Керри предрек уход Д. Трампа с поста в течение года, а также заявил, что готов будет оказать поддержку палестинской стороне и способствовать тому, чтобы был обнародован мирный проект, основанный на их интересах¹⁰.

Укрепили подозрения в сближении между Рамаллой и американским демократическим лагерем проведенные в США опросы общественного мнения. Так, по результатам исследования Pew Research Center, организованного 10–15 января 2018 г. среди 1500 американцев, лишь 27% демократов поддерживали на тот

момент Израиль, доказывая тем самым, что ближневосточный вопрос перестает быть т. н. «*bipartisan issue*». Мало того, менее 20% из них позитивно относились к действующему главе израильского правительства. Для сравнения, среди республиканцев число сторонников ближневосточного государства приблизилось на момент опроса к 80%, а симпатии Б. Нетаньяху выразили порядка 60% респондентов¹¹.

Позднее возможность совместных действий ПНА и демократов для противостояния Д. Трампу все же не была подтверждена. С одной стороны, официальные представители Дж. Керри сообщили, что экс-госсекретарь пока не планирует баллотироваться на пост президента, добавив при этом, что никаких рекомендаций палестинскому лидеру он не передавал. Скорее, сложилась обратная ситуация, когда М. Аббас и его ближайшее окружение использовали для давления на Д. Трампа и его администрацию. О справедливости данного предположения свидетельствует то, что факт беседы был обнародован в СМИ и весьма скоро опровергнут, дав создав условия для развития дискуссии в информационном пространстве без возможности для Рамаллы и демократов действительно договориться о чем-то в закрытом формате.

Стоит учесть, что и данные Pew Research Center в большей степени свидетельствовали не о том, что демократы выбирают палестинскую сторону, а сигнализировали, что в их числе много тех, кто не определился в своих предпочтениях. Так, из оставшихся 73%, которые четко не обозначили свои пропалестинские взгляды, 25% встали на сторону Израиля, в то время как все остальные либо не смогли сделать выбор, кому больше симпатизируют, либо не отдали предпочтение ни одной из сторон противостояния¹². Мало того, как отметило израильское издание *Times of Israel*, анализируя итоги исследования, в сложившейся поляризации чуть ли не решающую роль играет личность американского президента и тот факт, что на смену демократу Б. Обаме, находившемуся в серьезном конфликте с Б. Нетаньяху, пришел республиканец Д. Трамп, отличающийся противоположным характером отношений с израильским премьер-министром¹³. Помимо этого главный редактор Jewish News Syndicate Дж. Тобин подчеркнул,

что столь заметная тенденция в отношении представителей двух главных политических сил к ближневосточному государству зависит не только о того, что в среде демократов сокращается число сторонников Израиля. Параллельно, по его данным, за последние 17 лет на 29% возросло количество республиканцев, имеющих произраильские взгляды¹⁴.

В дальнейшем палестинская сторона сама разрушила для себя возможность сыграть на противоречиях между двумя ключевыми силами США. В марте 2018 г., во время визита на Ближний Восток делегации демократов во главе с лидером фракции меньшинства в Палате представителей Конгресса США Н. Пелоси, глава ПНА М. Аббас отказался встречаться с ними, мотивируя свое решение конфликтом с Д. Трампом. При этом он явно не учел, что имел шанс получить новый канал коммуникации, позволяющий не только сохранять контакты с Вашингтоном, который из мирного процесса очевидно никуда не исчезнет, но и продолжать высказывать несогласие с линией, проводимой администрацией нынешнего президента, имея в Соединенных Штатах лояльные к себе политические силы, также недовольные политикой действующего президента. Как сообщила тогда газета Haaretz, ссылаясь на неназванные источники, близкие к палестинскому лидеру, его недовольство демократами было продиктовано тем, что они не предпринимали никаких открытых шагов по предотвращению признания Иерусалима израильской столицей¹⁵. Из этого, следуя логике главы ПНА, получается, что они действовали в интересах Израиля, а значит, что этот вопрос все же остается предметом двухпартийного консенсуса.

Вместе с тем основания для беспокойства все же должны были появиться. То, что отношения с республиканцами являются более доверительными, Б. Нетаньяху продемонстрировал в августе 2017 г., когда с разницей в несколько дней страну посетили делегации представителей обеих партий. В беседе с демократами глава правительства был более сдержан, в то время как с республиканцами обсудил вопрос помочь иракским курдам. Это заявление стало в дальнейшем одной из основ политики на данном направлении в связи с референдумом в Иракском Курдистане. В конце

января 2018 г., выступая на конференции Института исследования национальной безопасности (INSS) в Тель-Авиве, лидер партии «Авода» А. Габай обвинил действующего главу правительства в излишнем заигрывании с американскими республиканцами. По его словам: «Нетаньяху считает, что правительство в США всегда будет республиканским, и он ошибается... Это дипломатический просчет Нетаньяху, который думает, что может отказаться от отношений с обеими партиями»¹⁶. При этом для иллюстрации своих слов политик сослался на упомянутый опрос Pew Research Center.

Главной иллюстрацией того, что существовавший десятилетиями принцип двухпартийного консенсуса в отношении Израиля дал трещину, стала церемония инаугурации посольства США в Иерусалиме, состоявшаяся 14 мая 2018 г., на которую прибыли лишь представители республиканской партии. Комментируя это обстоятельство в интервью израильскому новостному порталу Walla, лидер партии «Еш Атид» Я. Лапид предостерег главу правительства Б. Нетаньяху об опасности ставки исключительно на республиканцев. Он высказал мнение, что такое поведение премьер-министра выдает недальновидность его стратегии сотрудничества с Вашингтоном. В частности, Я. Лапид подчеркнул: «Работа канцелярии премьер-министра просмотреть списки и сказать: у нас должен быть обеспечен двухпартийный статус, мы не связаны исключительно с республиканцами»¹⁷.

Израильские СМИ в лице 10 канала местного телевидения также возложили ответственность за данный факт на правительство, якобы не разославшее должным образом приглашения на мероприятие. Также огорчился отсутствию приглашения экс-посол США в Израиле, а ныне эксперт Института исследования национальной безопасности (INSS) Д. Шапиро, посчитавший сложившуюся ситуацию результатом непродуманной борьбы с наследием Б. Обамы¹⁸. Однако по свидетельству сенатора от штата Техас Т. Круза, также проявившего озабоченность в связи со столь явным перекосом в сторону его партии в вопросе отношений с ближневосточным партнером, любой член Конгресса

мог беспрепятственно присоединиться к делегации независимо от партийной принадлежности, если имел на то желание¹⁹.

В дальнейшем усугубил ситуацию посол США в Израиле Д. Фридман. В интервью израильскому электронному изданию *Times of Israel* американский представитель сообщил: «Аргумент, который я слышу от некоторых демократов о том, что республиканцы захватывают лидирующие позиции в поддержке Израиля, в определенной степени верен. Нет никаких сомнений, что республиканцы поддерживают Израиль больше, чем демократы»²⁰. При этом в потере связей с ближневосточным партнером он обвинил их самих, поскольку демократической партии, на его взгляд, не удается сформировать на своем внутреннем уровне нужные механизмы взаимодействия с Израилем, а также критически оценить свой состав, поскольку в их рядах много тех, кто настроен против ближневосточного государства.

Разумеется, сказанное не могло не возмутить демократический лагерь, выступивший в некотором роде с ответным словом. Группа представителей Еврейского демократического совета Америки (JDCA) во главе с председателем Р. Клейном обрушилась на посла с критикой, обвинив его в том, что вместо отстаивания интересов США он занимается продвижением исключительно республиканской партии, чем подрывает общие американские позиции в Израиле. В сообщении, размещенном на сайте организации, говорилось: «Посол Фридман должен тратить больше времени на развитие исторического двухпартийного характера американо-израильского партнерства, а не допускать политического расхождения своих слов с делами, включая его отказ пригласить конгрессменов-демократов на открытие посольства в Иерусалиме»²¹.

Приведенные выше примеры являются далеко не единственными. Стремление республиканского лагеря показать, кто именно работает в Конгрессе в интересах Израиля, распространяются и на другие направления, способные вызвать одобрение правительства ближневосточной страны. В июне 2018 г. сенатор от штата Техас Т. Круз и член Палаты представителей Конгресса И. Рос-Лехтинен направили письмо на имя госсекретаря США М. Помпео

и генерального прокурора Д. Сешнса. В нем республиканцы фактически призвали довести до логического конца историю с закрытием миссии ООП в США, с которой, по сути, и начался конфликт американской администрации и Рамаллы, затем вылившийся в полный отказ от переговоров. Ссылаясь на действующий порядок, авторы письма заявили, что в ноябре прошлого года президент Д. Трамп и тогдашний госсекретарь Р. Тиллерсон не продлили отсрочку на закрытие миссии ООП, поскольку было нарушено условие отказа ПНА от обращения в Международный уголовный суд с исками против Израиля. После этого у главы государства было 90 дней для того, чтобы ввести отсрочку второго типа. Она возможна при условии, что палестинская сторона ведет конструктивные переговоры с Израилем по поводу мирного урегулирования, однако, какие-либо действия на этом направлении не предпринимались²².

Другой конгрессмен-республиканец Р. Де Сантис сосредоточился на стремлении Израиля добиться от США официального признания за страной суверенитета над Голанскими высотами, которое могло бы быть закреплено посредством своеобразного аналога иерусалимской декларации. 17 июля 2018 г. по его инициативе в подкомитете по национальной безопасности Конгресса состоялись слушания по теме «Новые горизонты в отношениях США и Израиля: от переноса посольства в Иерусалим к признанию суверенитета». В ходе заседания инициатор его созыва подчеркнул, что передача стратегически важной территории режиму Б. Асада будет безумством, в то время как признание за Израилем прав на Голанские высоты окажется лишь «закреплением реальности»²³.

Впрочем, говорить о том, что механизм обеспечения двухпартийного консенсуса в США по отношению к Израилю разрушен, также пока преждевременно. Власти ближневосточной страны по-прежнему стремятся поддерживать диалог со всеми влиятельными политическими силами в американских политических кругах. В качестве свидетельства продолжения курса на баланс между республиканцами и демократами можно привести визит в Иерусалим делегации представителей Конгресса от обеих партий

во главе с членом комитета Палаты представителей по иностранным делам, демократом Т. Дойчем. Поддержание равновесия обеспечивается и на уровне законотворческой деятельности. Так, обсуждавшийся на протяжении нескольких лет и одобренный президентом США в марте 2018 г. законопроект имени Т. Форса (американского гражданина, погибшего во время террористической атаки в Яффо) получил поддержку обеих партий. Документ был направлен на то, чтобы добиться изъятия из сумм, выделяемых США палестинской администрации, объемов средств, равных финансовой поддержке со стороны Рамаллы террористам и их семьям.

Таким образом, на сегодняшний день действительно можно констатировать сближение израильского правительства во главе с Б. Нетаньяху и республиканской партии США. Однако эта тенденция начала проявляться за несколько лет до того, как Д. Трамп был избран на ключевой пост. При 45-м президенте она лишь усилилась на фоне стремления окончательно избавиться от наследия внешней политики Б. Обамы. В текущих реалиях израильские власти понимают, что от такого сотрудничества они потенциально могут добиться больше, принося тем самым в жертву идеалы т. н. двухпартийного консенсуса. Впрочем, на американском направлении риск потерять связи с демократами не является самым значимым в условиях, когда последовательно ухудшаются отношения между Израилем и представителями американских еврейских общин, а в главную силу, отстаивающую произраильскую линию, превращается основной избирательный блок Д. Трампа в лице христиан-евангелистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Jewish Lobby in the United States Handbook. Vol.1. Organization, Operations, Performance. Washington: USA International Business Publications, 2009. P. 255.
2. Resolution 2334 (2016) // United Nations Security Council. 23.12.2016. P. 2.
3. Spetalnick M. U.S., Israel sign \$38 billion military aid package // Reuters. 14.09.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/>

Проблема соблюдения принципа двухпартийного консенсуса в отношении Израиля при администрации Д. Трампа

- us-usa-israel-statement/u-s-israel-sign-38-billion-military-aid-package-idUSKCN11K2CI (дата обращения: 19.07.2018).
4. Finance Committee calls to open new US aid agreement // The Knesset. 21.05.2018. URL: https://knesset.gov.il/spokesman/eng/PR_eng.asp?PRID=13883 (дата обращения: 19.07.2018).
 5. Putin: Trump “paid particular attention” to Israel’s security at summit // Jerusalem Post [on-line]. 16.07.2018. URL: <https://www.jpost.com/International/Putin-Trump-paid-particular-attention-to-Israels-security-at-summit-562661> (дата обращения: 19.07.2018).
 6. Remarks by President Trump and Prime Minister Netanyahu of Israel Before Bilateral Meeting // The White House. 05.03.2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-netanyahu-israel-bilateral-meeting-2/> (дата обращения: 19.07.2018).
 7. Карасова Т.А. Новая страница в израильско-американских отношениях. Д. Трамп: ожидания, надежды, опасения // Конъюнктуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 10 (2), 2017. С. 141.
 8. 2018 midterm defeat will be even worse than Republicans let on // The Hill. 09.04.2018. URL: <http://thehill.com/opinion/campaign/382317-2018-midterm-defeat-will-be-even-worse-than-republicans-are-letting-on> (дата обращения: 19.07.2018).
 9. An Israel Supporter Who Won’t be at the Prime Minister’s Speech. 25.02.2015. // Congresswoman Jan Schakowsky representing the 9th district of Illinois. URL: <http://schakowsky.house.gov/press-releases/an-israel-supporter-who-wont-be-at-the-prime-ministers-speech/> (дата обращения: 20.07.2018).
 10. Caspit B. Kerry to Abbas confidante: ‘Stay strong and do not give in to Trump // Jerusalem Post, Maariv. 24.01.2018. URL: <https://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Kerry-to-Abbas-confidante-Stay-strong-and-do-not-give-in-to-Trump-539643> (дата обращения: 19.07.2018).
 11. Republicans and Democrats Grow Even Further Apart in Views of Israel, Palestinians // Pew Research Center. 23.01.2018. URL: <http://www.peoplepress.org/2018/01/23/republicans-and-democrats-grow-even-further-apart-in-views-of-israel-palestinians/> (дата обращения: 19.07.2018).
 12. Ibid.
 13. Poll: Democratic support for Israel, Palestinians nearly identical // Times of Israel [on-line]. 23.01.2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/poll-democratic-support-for-israel-palestinians-nearly-identical/> (дата обращения: 19.07.2018).
 14. Tobin J.S. The Democrats aren’t the real problem // Jewish News Syndicate. 26.01.2018. URL: <https://www.jns.org/opinion/the-democrats-arent-the-real-problem/> (дата обращения: 20.07.2018).
 15. Tibon A., Khouri J. Abbas Refused to Meet Democratic Delegation, Led by Pelosi, That Visited Israel // Haaretz [on-line]. 31.05.2018. URL: <https://www.haaretz.com/middle-east-news/palestinians/.premium-abbas-refused-to-meet-democratic-delegation-that-visited-israel-1.6136850> (дата обращения: 20.07.2018).

16. Head of the Zionist Union, Mr. Avi Gabbay at the Institute for National Security Studies Conference in Tel Aviv // Institute for National Security Studies. 30.01.2018. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=d1SiyVWF Svg (дата обращения: 19.07.2018).
17. Yair Lapid warns Netanyahu endangering bipartisan support in the US // Jerusalem Post. 18.05.2018. URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Lapid-Govts-ties-to-Evangelicals-risks-bipartisan-support-in-US-557796> (дата обращения: 19.07.2018).
18. Ahren R. In Jerusalem, GOP senators slam Democrats for skipping embassy opening // Times of Israel. 14.05.2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/in-jerusalem-gop-senators-slam-democrats-for-skipping-embassy-opening/> (дата обращения: 19.07.2018).
19. Ibid.
20. Ambassador David Friedman: Republicans support Israel more than Democrats // Times of Israel. 31.05.2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/ambassador-david-friedman-republicans-support-israel-more-than-democrats/> (дата обращения: 19.07.2018).
21. Jewish Dems: Ambassador Friedman Must Stop Partisan Behavior // Jewish Democratic Council of America. 31.05.2018. URL: <https://jewishdems.org/2018/05/31/jewish-dems-ambassador-friedman-must-stop-partisan-behavior/> (дата обращения: 19.07.2018).
22. Sen. Cruz, Rep. Ros-Lehtinen: 'The PLO Office in the United States Has Existed and Exists Today in Violation of U.S. Law' // U.S. Senator for Taxes T. Cruz. 08.06.2018. URL: https://www.cruz.senate.gov/?p=press_release&id=3878 (дата обращения: 20.07.2018).
23. House panel considers recognizing Israeli annexation of Golan Heights // JTA. 18.07.2018. URL: <https://www.jta.org/2018/07/18/news-opinion/house-panel-considers-recognizing-israeli-annexation-golan-heights> (дата обращения: 20.07.2018).

Л.Р. Хлебникова

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРОИЗРАЙЛЬСКИХ ЛОББИСТСКИХ СТРУКТУР АИПАС И J STREET ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

После победы Дональда Трампа на выборах 2016 г., на Капитолийском холме усилилась борьба между произраильскими лоббистскими структурами, среди которых особенно стоит выделить противостояние AIPAC и J street. Если AIPAC является право-консервативной организацией и «лоббистским гигантом», успевшим закрепиться на политической сцене США с 50-х гг. XX века, то J street¹ – это лево-либеральная структура, созданная в 2008 году, привлекающая, в основном, молодых прогрессивных американских евреев. Изучение позиций этих двух лоббистских организаций по отношению к Израилю и тем вызовам и угрозам, которые стоят перед ним, поможет проанализировать изменения, происходящие в произраильском лоббизме в США.

AIPAC и J street по-разному подходят к урегулированию палестино-израильского конфликта и решению «иранской вопроса», являющимися ключевыми проблемами в американо-израильских отношениях в последние годы. При этом, обе организации на официальном уровне поддерживают реализацию принципа два государства для двух народов (создание демилитаризованного палестинского государства), прямые переговоры между израильтянами и палестинцами, нормализацию отношений между еврейским государством и арабскими странами. Роль США они рассматривают под разными углами. AIPAC уверен, что США – друг Израиля – не должны диктовать условия мира с палестинцами, а только быть посредником во время переговорного процесса. J street считает,

что США – друг Израиля – должны толкать стороны к заключению мира и, как выразился создатель и идеолог этой организации Дж. Бен Ами, «говорить правду» о пагубности поселенческой активности. Основным препятствием на пути достижения мира, по мнению AIPAC, является то, что у Израиля нет партнера для ведения переговоров на палестинской стороне. Палестинская национальная администрация часто критикуется представителями AIPAC за то, что она пытается добиться своих целей через международные организации (например, ООН), а также обвиняется в представлении денег террористам (и их семьям) и пропаганде культуры насилия и ненависти к Израилю и евреям в школах². Продолжающаяся поселенческая активность израильского правительства не является объектом их критики. J street же считает, что оккупация палестинской территории опасна и угрожает израильской безопасности. Границы между Израилем и Палестиной должны быть проведены по Зеленой линии (до 1967 г.) с взаимным и равным обменом территорий. Иерусалим, по мнению J street, должен быть признанной международным сообществом столицей Израиля. При этом окончательное решение данного вопроса они оставляют для переговоров. AIPAC считает, что Иерусалим безоговорочно является столицей Израиля³.

Если в вопросе палестино-израильского мирного урегулирования несмотря на противоречия у них были точки соприкосновения, то «иранская проблема» окончательно их разделила. Иран для AIPAC – это спонсор терроризма в мире и главная угроза для безопасности Израиля и США. Иранская политика Б. Обамы, от попытки начать диалог, наложения санкций и до заключения Совместного всеобъемлющего плана действий (в СМИ часто называется иранская сделка), на всех этапах подвергалась сильной критике со стороны AIPAC. Продвижение администрацией США иранской сделки было встречено противодействием со стороны этого право-консервативного лобби. Использовались следующие приемы: дезинформация о сделке; сравнение лидера страны с Невиллем Чемберленом, подписавшим Мюнхенское соглашение с Нацистской Германией; обвинения выступающих за сделку евреев в том, что они капо (в годы Холокоста так называли евреев, работающих

на администрацию Лагерей смерти) и мн. др. Т. Парси, известный американский автор и президент Национального иранского американского совета, в своей книге «Теряя врага: Обама, Иран и триумф дипломатии» описал разговор Обамы с М. Дж. Розенбергом, бывшим сотрудником AIPAC, колумнистом The Nation и The Huffington Post. Американский президент указал на то, что, если еврейские организации, выступающие за мир, хотят, чтобы он их услышал, то они должны повысить свой голос⁴. Для президента Обамы J street стала этим голосом. Именно она активно его поддерживала и лоббировала принятие иранской сделки в Конгрессе.

Новый раунд противоборства этих двух лоббистских структур был открыт во время предвыборной кампании 2016 года. Американские лево-либеральные силы противодействовали Д. Трампу и его ксенофобской риторике (словесным атакам на мексиканцев, мусульман, женщин, людей с ограниченными возможностями и других уязвимых групп страны⁵). J street не была в этом исключением. В марте 2016 года организация вынесла вердикт, что Трамп не подходил (*unfit*) на роль президента США⁶. Интересно, что Берни Сандерс, демократ-социалист, сенатор от штата Вермонт, главный и единственный соперник Клинтон на праймериз, получал широкое одобрение со стороны молодых членов J street, особенно ее молодежной части J street U⁷. Совет директоров J street и ключевые доноры лобби были, в большинстве, за Клинтон, а не Сандерса. J street не стала организовывать ежегодную конференцию, а сосредоточилась на лоббировании. Предвыборный 2016 год стал рекордным в связи с большим количеством пожертвований со стороны произраильских лоббистских структур, по данным Центра за ответственную политику (The Centre for Responsive Politics), было потрачено около 17 млн долл.⁸. Комитет политических действий (Political action committee) J street получил 3,4 млн долл., из которых потом деньги пошли на поддержку политиков-демократов, республиканцам деньги перечислены не были⁹.

AIPAC занял более умеренную позицию, предпочитая не критиковать ни одного кандидата. Весной 2016 года прошла ежегодная конференция AIPAC, на которой в период президентской гонки выступили, как демократы, так и республиканцы¹⁰. Д. Трамп

произнес речь, сильно похожую по тону и содержанию на речь политика из партии Ликуд: Иран – «спонсор террора»; ООН – не друг демократии и свободе (как и США и Израилю); Иерусалим – столица еврейского государства и американское посольство должно находится там. Анти-палестинскую направленность речи сложно было не заметить. Трамп переложил на палестинцев ответственность за предыдущие срывы переговоров, обвинил их в финансовой поддержке террористов и пропаганде ненависти среди детей. Самому палестино-израильскому урегулированию он уделил мало времени, заявив, что стороны должны сами договариваться, США же достанется роль посредника. По поводу его взглядов на иранскую политику, он заявил, что приоритетом для него является отмена «ужасной сделки» с Ираном («Я в бизнесе давно, я знаю, как проходит заключение сделок, и позвольте мне сказать, эта сделка катастрофичная для Америки, Израиля и для всего Ближнего Востока»¹¹).

Хами Шалев, ведущий израильский журналист Haaretz, который находился на конференции, верно отметил, что Трамп, выступая на AIPAC, знал, как повлиять на консервативных американских евреев, тоже самое он проделал и с белыми жителями среднего класса США. Он говорил то, что они хотят услышать и делал это простыми, доступными предложениями-лозунгами («Я люблю людей в этой комнате! Я люблю Израиль!» или «Поверьте, поверьте мне, это плохая сделка») и добавлял преувеличения («каждый день палестинцы закалывают ножами израильтян и палестинцев») или откровенную ложь (благодаря иранской сделке «мы перечислили им (ИРИ – Л. Х.) 150 млрд долл»).

Тем не менее, выступление Трампа было сопровождено различными видами протестов со стороны как консерваторов, так и либералов. Консервативные раввины Дэвид Паскин из Флориды и Джесси М. Олицки из Нью-Джерси возглавили митинг «Объединимся против ненависти» (Come Together Against Hate), целью которого было не сорвать выступление Трампа на AIPAC, площадке, которая всегда была открыта для всех кандидатов на пост президента США, а продемонстрировать, что многие не согласны с его риторикой, полной ненависти к мусульманам, женщинам, мексиканцам и др.¹² Некоторые раввины, в том числе и ортодоксальные,

вышли во время начала речи Д. Трампа из аудитории. Отдельные митинги протеста организовывали и J street, протестующие выступали против кампании Трампа полной расизма и ненависти. Часть речи Трампа про Обаму («он худшее, что было с Израилем, поверьте мне») вызвала дебаты по поводу того, что одобрение присутствующих на AIPAC подобных ремарок оторваны от мнения большинства американских евреев, которые высоко оценивали политику демократа-президента, в том числе и на израильском направлении¹³. Главный редактор Forward, ведущего журнала, посвященного жизни американских евреев, Джейн Эйснер откровенно заявила, что ей стыдно за каждого еврея, аплодировавшему Трампу¹⁴.

Речь Х. Клинтон была положительно встречена гостями конференции, бывший госсекретарь повторила традиционные лозунги практически всех, кто выступает на AIPAC: США и Израиль разделяют общие ценности (демократия, принципы равенства, толерантности и плюрализма и др.), узы между американцами и израильянами становятся все глубже и прочнее и у союзников общие враги, с которыми они должны бороться вместе (Иран, ИГИЛ, террор и экстремизм, рост антисемитизма в мире и т. д.)¹⁵. Клинтон защитила принятие «иранской сделки», против которой вел активную кампанию AIPAC, но подчеркнула, что при нарушении иранским правительством достигнутых договоренностей США под ее руководством примет меры, в том числе и силовые, если потребуется. Кроме указания на необходимость принятия широкой стратегии по сдерживанию иранской агрессии в регионе, она обратилась к тому, что США должны приложить усилия, чтобы иранский народ, заслуживающий лучшего будущего, знал, что Америка им не враг. Про палестино-израильский конфликт она ограничилась общими словами по поводу необходимости достижения мира, который приведет к двум государствам, еврейскому и палестинскому, и тому, что палестинские лидеры должны прекратить подстрекательство к насилию и приравнивать террористов к мученикам. Она уделила особое внимание борьбе против БИС (Бойкот, изоляция, санкции – Boycott, Divestment and Sanctions), напомнив присутствующим о том, что в прошлом году написала письмо ведущим еврейским организациям о необходимости объединения

против этого движения. Данная тема особо чувствительна для многих еврейских организаций, озабоченных ростом популярности БИС на американских кампусах. Речь Клинтон на конференции АИПАС была более взвешенной и сдержанной, в отличие от ее главного оппонента от республиканской партии Д. Трампа¹⁶. Бывшему госсекретарю нужно было дистанцироваться от политики действующего президента, раскритикованного за слабость перед иранским режимом, особенно в вопросе сдерживания Ирана, что она и сделала, продемонстрировав, что все «опции на столе», в том числе и силовые.

После прихода Дональда Трампа к власти, J street, как истинно лево-либеральная организация, стала резко критиковать политику нынешнего президента на палестино-израильском и иранском направлении. Они выступили против назначения Дэвида М. Фридмана послом США в Израиль, критикуя его про-поселенческие взгляды и отсутствие дипломатического опыта¹⁷. Главными критиками решения администрации Трампа по поводу признания Иерусалима столицей Израиля и переноса американского посольства в «город трех религий» были J street, назвавшая этот шаг непомогающим¹⁸, и Союз реформистского иудаизма, указавший на несвоевременность подобных шагов¹⁹. На конференции J street-2018, посвященной десятилетию деятельности организации, с трибун и в кулуарах доносились осуждения внутренней и внешней политики Трампа и Нетаньяху²⁰.

В свою очередь, АИПАС демонстрировал солидарность с проводимым президентом США курсом. Они поддержали назначение Д. Фридмана послом США в Израиль, перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим (и признание его столицей еврейского государства), и, наконец, отмену иранской сделки в 2018 году. И здесь уже победителем в схватке АИПАС против J street вышли ястребы.

Сионистская организация Америки, первая сионистская организация в США и радикальное право-консервативное лобби, предстала открытой сторонницей Трампа. До этого СОА также была известна своими противоречивыми высказываниями, например ее президент Мортон Кляйн часто сравнивал ПНА с нацистами.

В ноябре 2017 года СОА пригласила одним из своих спикеров – Стива Бэннона, ключевую фигуру американского движения альтрайт (бывший редактор Breitbart), главного советника и руководителя избирательной кампании Д. Трампа и стратега Белого дома (январь–август 2017 г.), на ежегодный вечер, где он, выступая, назвал себя христианским сионистом²¹. На мероприятии были и другие представители команды Трампа: Д. Фридман, посол США в Израиль (2017–н.в.), бывший советник Трампа С. Горка и др. Предоставление слова С. Бэннону, многими обвиняемого в том, что он был идеологом кампании Д. Трампа, полной нетерпимости и ненависти²², подтверждает, что СОА окончательно стала среди еврейских организаций платформой для ультраправых, консервативных взглядов.

* * *

Произраильский лоббизм в США претерпевает внутренние изменения. Одно из ключевых – появление и быстрый взлет J street на лоббистской сцене. При Б. Обаме происходил рост и усиление позиций этой организации, которая поддерживала попытки администрации США продавливать мирный процесс между израильянами и палестинцами и лоббировала в Конгрессе принятие иранской сделки. Позиции этой организации, особенно ее критика поселенческой активности Израиля и методы урегулирования проблемы африканцев, ищущих убежище в еврейском государстве, и негативная оценка союза премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху с президентом Дональдом Трампом, отличала ее от многих других произраильских лоббистских структур. Цель J street – демонстрация нового вида произраильского лоббизма, способного критически подходить к политике Израиля. Этот подход открытой критики действий израильского правительства, вызвал противодействие со стороны некоторых представителей еврейской общины, часто нарекающей ее пропалестинским лобби²³. Например, Аллан Дершовиц, известный американский юрист и произраильский активист, назвал J street самой разрушительной анти-израильской организацией в США²⁴. Другие лоббистские структуры

предпринимали определенные шаги, чтобы продемонстрировать свое несогласие с этой лево-либеральной организацией, например, Конференция президентов ведущих американских еврейских организаций в 2014 году через голосование отказалась J street в членстве²⁵.

На сегодняшний день ключевая причина критики организации стала поддержка со стороны ее молодых сторонников БИС. Однако эта поддержка не была полномасштабной и вызывает дебаты в самой J street, почему была посвящена отдельная секция на конференции в 2018 году. Еще одна проблема состоит в том, что многие консервативные лидеры не получают достаточного представления на площадке этой организации, что сужает ее возможности работы с разными группами в стране. Ее уклон в сторону поддержки демократической партии, при официальной внепартийности, также ограничивает фокус взаимодействия с политиками на Капитолийском холме. На конференции J street в 2018 году звездой был Берни Сандерс, ему были отданы самые громкие аплодисменты в аудитории, хотя нельзя не заметить, что у него не самые сильные позиции в партии и даже есть серьезные противоречия с ее истеблишментом. J street пытается пошатнуть позиции правоконсервативных лоббистских групп, в особенности АИПАС. Главная их битва была за иранскую сделку, в которой J street вышла победителем (до отмены ее Д. Трампом в 2018 г.). При этом, нельзя сказать, что J street не может объединиться с противниками в поддержке принятия какого-то закона, например, когда она вместе с АИПАС выступила за наложение всеобъемлющих санкций против иранского режима (2010 г.). На данный момент J street не обладает политическими, финансовыми и кадровыми возможностями, как АИПАС. Однако ее возвышение стало тревожным звонком для патриархов произраильского лоббизма²⁶.

АИПАС позиционирует себя как внепартийную организацию, но в ее подходах прослеживается доминирование право-консервативных идей, что сближает ее с республиканской партией США и с израильским Ликуд. В последние десятилетия основной силой в организации стали христианские евангелисты, что также влияет на ее политическую направленность. Данное лобби тоже не является монолитной организацией, в ней работают как

крайне консервативные, так и либеральные американцы, о чем ее представители любят напоминать²⁷. При этом по репутации организации как умеренной и внепартийной сильно ударила ее интенсивная кампания против президента Обамы и его администрации из-за иранской сделки. И действия AIPAC, в том числе и его одобрение выступления Б. Нетаньяху перед конгрессменами в марте 2015 г., в котором он критически отнесся к достижению сделки, были восприняты некоторыми политиками в Конгрессе как «сжигания мостов с демократами»²⁸. Откровенная поддержка политики Д. Трампа на израильском направлении и отсутствие осуждения его крайне противоречивых актов демонстрирует оторванность от мнения «еврейской улицы», когда многие еврейские организации устраивают против него протесты, а по опросам, большинство американских евреев не поддерживают его²⁹.

На другой стороне произраильского лоббизма была COA, представляющая про-трамповской организацией, которая выражает свою солидарность с противоречивым курсом президента. Такая позиция отдаляет ее от многих американских евреев, сначала не отдавших голос за Трампа, а после и откровенно начавших бороться с его противоречивыми решениями.

На фоне деятельности J street и COA, на данный момент AIPAC выглядит организацией, остающейся основной площадкой произраильского лоббизма для многих представителей Капитолийского холма и произраильских активистов. Д. Курцер, бывший посол США в Израиле (2001–2005 гг.), с большим сомнением отнесся к предложению автора статьи во время интервью в апреле этого года, что J street может в недалеком будущем стать более влиятельной, чем AIPAC. Он предполагает, что J street останется на самом левом краю произраильского лоббизма, и будет отталкивать более умеренных и консервативных членов, как общины, так и общества, в целом. Однако, стоит заметить, что и т. н. произраильский лоббистский истеблишмент, те же AIPAC и COA, сталкиваются с серьезными вызовами (рост критики Израиля и, преимущественно, антитрамповские настроения среди молодых американских евреев; появление новых лоббистских сил та же J street с более привлекательной

повесткой для молодежи; и др.), и то, как они будут вести борьбу с ними, скажется на их выживании в будущем³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. J street была создана Джереми Бен Ами, бывшим советником президента Б. Клинтона по внутренним делам (1995–1997 гг.), и его сподвижниками, стремящимися создать новое определение «победы произраильской деятельности». В своей книге Дж. Бен Ами дал определение этой победы как достижение долгосрочной безопасности и выживания Израиля как демократичного дома для еврейского народа. См. Ben-Ami J. A New Voice for Israel. // N.Y.: Palgrave Macmillian, 2011, 2012.
2. The American Israel Public Affairs Committee. U.S. Must Urge Abbas to Advance Peace. // The AIPAC. Available at: <https://www.aipac.org/-/media/publications/policy-and-politics/aipac-analyses/issue-memos/2017/us-must-urge-abbas-to-advance-peace.pdf> (accessed: 14.08.2018).
3. The American Israel Public Affairs Committee. Jerusalem. // The AIPAC. Available at: <https://www.aipac.org/learn/issues/issue-display/jerusalem> (accessed: 16.08.2018).
4. Parsi T. Losing an Enemy. Obama, Iran, and the Triumph of Diplomacy // New Haven: Yale University Press. 2017. P. 338.
5. Leonhardt D. and Philbrick P.I. Donald Trump's Racism: The Definitive List. // The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/01/15/opinion/leonhardt-trump-racist.html> (accessed: 18.08.2018).
6. Haaretz. J Street: Donald Trump Is Unfit to Be President. // Haaretz. Available at: <https://www.haaretz.com/world-news/j-street-donald-trump-is-unfit-to-be-president-1.5418651> (accessed: 21.08.2018).
7. J street U – это подорганизация J street, занимающаяся продвижением взглядов в защиту мира между израильтянами и палестинцами, т. н. мирных идей (pro-peace advocacy), на американских кампусах в университетах и колледжах. Руководство J street U бывшие выпускники американских ВУЗов, например, сейчас ее президентом является Зоуи Голдблум, заканчивающая Стэнфорд.
8. Sultan N.M. Pro-Israel interests upped contributions, lobbying in 2016 // OpenSecrets.org. Available at: <https://www.opensecrets.org/news/2017/02/pro-israel-interests-2016/> (accessed: 24.08.2018).
9. OpenSecrets.org. Contributions to Federal Candidates, 2016 cycle. // OpenSecrets.org. Available at: <https://www.opensecrets.org/pacs/pacgot.php?cmte=C00441949&cycle=2016> (accessed: 25.08.2018).
10. Берни Сандерс отказался участвовать в конференции АИПАС, сославшись на отсутствие времени в его расписании.

11. Трамп подчеркнул, что сделка не решает проблему развития ядерной программы Ирана в связи с тем, что она скоротечна. Тем более, что, по его мнению, иранское правительство уже ее нарушает. Begley S. Read Donald Trump's Speech to AIPAC. // Time. Available at: <http://time.com/4267058/donald-trump-aipac-speech-transcript/> (accessed: 15.08.2018).
12. Jewish Telegraphic Agency. Jewish leaders plan to protest Donald Trump at AIPAC confab. // JTA. Available at: <https://www.jta.org/2016/03/17/news-opinion/united-states/jewish-leaders-plan-to-protest-donald-trump-at-aipac-confab> (accessed: 11.08.2018).
13. Президент АИПАС Лилиан Пинкус выступила с эмоциональным заявлением, что, несмотря на имеющиеся политические разногласия, организация глубоко уважает президента Б. Обаму и они разочарованы и им жаль, что так много людей аплодировали атакам на лидера США, которые они не разделяют. См. Weigel D. AIPAC's apology for Trump speech is unprecedented. // The Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2016/03/22/aipacs-apology-for-trump-speech-is-unprecedented/?utm_term=.4981bacbe36f (accessed: 14.08.2018).
14. Eisner J. AIPAC's Applause for Donald Trump Sends a Shameful Message. // Forward. Available at: <https://forward.com/opinion/israel/336586/aipacs-applause-for-donald-trump-sends-a-shameful-message/> (accessed: 11.08.2018)
15. Beckwith R.T. Read Hillary Clinton's Speech to AIPAC. // Time. Available at: <http://time.com/4265947/hillary-clinton-aipac-speech-transcript/> (accessed: 11.08.2018).
16. В ее речи непрямым текстом были намеки на некомпетентность Д. Трампа, в особенности его изменчивые позиции по насущным вопросам («Нам не нужен президент, который разделяет нейтральную позицию в понедельник, произраильски настроен во вторник, и, кто знает, какой он в среду, когда все может стать предметом переговоров»). Кроме этого, Клинтон предостерегла от внутренних угроз, которые могут пошатнуть моральные основы американского и израильских обществ. Она косвенно указывала на своего соперника Д. Трампа, говоря о том, что на этой президентской гонке можно услышать поощрение насилию, заигрывания со сторонниками превосходства белой расы, депортации мигрантов. Кандидат от демократов, обратившись к известной цитате Эли Визеля из книги «Ночь», напомнила, что нельзя быть беспристрастным и молчаливым перед лицом нетерпимости.
17. J Street. Get Involved, Stop Friedman. // J Street. Available at: <https://jstreet.org/get-involved/stop-friedman/> (accessed: 26.08.2018).
18. J Street. Trump's Change of US Policy on Jerusalem Undermines Peace Efforts, Could Lead to Violence. // J Street. Available at: <https://jstreet.org/press-releases/trumps-change-us-policy-jerusalem-undermines-peace-efforts-lead-violence/#.W0ZyedIzaUm> (accessed: 26.08.2018).
19. Theodore L. Reform Jewish Movement: Concerned About White House Jerusalem Announcement. // The Union for Reform Judaism. Available at: <https://urj.org/blog/2017/12/05/reform-jewish-movement-concerned-about-white-house-jerusalem-announcement> (accessed: 21.08.2018).

20. Политика Б. Нетаньяху по отношению к африканцам из Судана и Эритреи, ищущими убежище в Израиле, когда многие были депортированы в «третью страны» (Руанда и Уганда) вызвала негодование среди прогрессивных либеральных евреев, выступивших против такого способа урегулирования проблемы. «Ноль терпимости» к нелегальным иммигрантам, которую исповедует Д. Трамп, политика, приведшая к разлучению детей от родителей на южных границах страны, толкнула еврейские организации, IfNotNow, и отдельных известных представителей диаспоры, например, писателя и драматурга Тони Кушнера, выйти на протесты.
21. Sales B. Stephen Bannon tells ZOA he's 'proud to be a Christian Zionist'. // The Times of Israel. Available at: <https://www.timesofisrael.com/at-zoa-event-bannon-asks-jews-to-join-his-war-on-gop-establishment/> (accessed: 15.08.2018)
22. Blow C.M. The Ghost of Steve Bannon. // The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/12/03/opinion/bannon-trump-ideology.html> (accessed: 14.08.2018).
23. Если одни ее осуждают за чрезмерную критику действий Израиля, то другие считают их недостаточными. Трита Парси в интервью автору данной статьи, выразил сомнение, что J street является яростным критиком действий Израиля, в качестве примера привел их сдержанное заявление на военные действия правительства Нетаньяху в 2014 г.
24. Chana J. A Conversation With Alan Dershowitz. // Tablet. Available at: <https://www.tabletmag.com/scroll/193050/a-conversation-with-alan-dershowitz> (accessed: 20.08.2018).
25. Black E. The inside story of J Street's rejection by the Conference of Presidents. // The Times of Israel. Available at: <https://www.timesofisrael.com/the-inside-story-of-j-streets-rejection-by-the-conference-of-presidents/> (accessed: 14.08.2018).
26. Произраильские лоббистские структуры, в частности J street AIPAC и COA, сражаются за финансирование. Bruck C. Friends of Israel. // The New Yorker. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2014/09/01/friends-israel> (accessed: 12.08.2018).
27. М. Коплоу, руководитель Отдела по вопросам политики американского Форума израильской политики, поведал, что многие эксперты по Израилю часто посещают и выступают спикерами на ежегодных конференциях, как и J street, так и AIPAC («кочующие панели»).
28. Demirjian K. and Morello C. How AIPAC lost the Iran deal fight. // The Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2015/09/03/how-aipac-lost-the-iran-deal-fight/?utm_term=.50143eeb7ecf (accessed: 09.08.2018).
29. В сентябре 2017 года Американский еврейский комитет провел исследование мнения общины и пришел к похожему результату: лишь 21% опрошенных евреев одобряют Трампа. Интересно, что практически все сферы, начиная от борьбы с терроризмом, заканчивая политикой урегулирования расовых противоречий, большинство оценивают плохо См. American Jewish

Противостояние израильских лоббистских структур AIPAC и J street во время первой администрации Д. Трампа

Committee. AJC Survey of American Jewish Opinion 2017. // AJC Global Voice.
Available at: <https://www.ajc.org/survey2017> (accessed: 25.08.2018).

30. Waxman D. Trouble in the tribe. The American Jewish conflict over Israel
// Princeton: Princeton University Press, 2016 P. 191–192

GENDER EQUALITY ISSUES IN THE HISTORY OF ISRAEL'S DOMESTIC POLITICS AND FOREIGN POLICY: GOLDA MEIR AND HER LEGACY IN ISRAEL'S INTERNATIONAL DEVELOPMENT COOPERATION POLICY

The question of women's role in the building of the future Jewish state was discussed within the Zionist movement since its emergence. As early as in 1898 at the Second Zionist Congress women were given full voting rights.¹ At that time it was a revolutionary move. The emancipation and equality of women was one of the basic principles of the Kibbutz movement which played an important role in building Israeli society and state.² On May 14, 1948 the Israeli Declaration of independence was signed by 24 members of *Moetzet ha-Am* (People's Council) including two women – Golda Myerson and Rachel Cohen-Kagan. In 1949, after the first national election in Israel, Golda Myerson was appointed Minister of Labor and Social Security – the only woman minister in the first Government of Israel. In 1956 Golda Myerson became the Foreign Minister of Israel, and since that time she became known under the name Golda Meir. Golda Meir was the second woman foreign minister in world history preceded only by Ana Pauker (Romania, 1947–53).³ In 1969–1974 she was the Prime Minister of the State of Israel. The Worldwide Guide to Women in Leadership lists her the seventh among 156 women elected or appointed heads of state and government since 1918.⁴

The biography of Golda Meir who, as many other Israeli leaders of the first decades of statehood, had a kibbutz background, demonstrates clearly that Israel from the very beginning was among the leading nations of the world in providing opportunities for women in

playing an active role in society and politics including making a political and government career. Nevertheless, Golda Meir remained the only woman in the Israeli Cabinet until 1974 when she was joined by another prominent Israeli woman politician Shulamit Aloni who received the post of a Minister Without Portfolio. After that the number of women in the Israeli Cabinets of Ministers grew substantially, especially after the year 2000, varying in the last five Governments from three to eight Ministers and Deputy Ministers.⁵ The number of women MKs until 1999 varied from 8 to 12 out of total 120 Members of the Israeli Knesset (7–10%). After the 1999 election (the 15th Knesset) the number increased noticeably: from 17 women in the 15th Knesset up to 27 women in the 19th Knesset formed after the 2013 election. That makes 22.5% women in the current Knesset and an average of about 19% during the last 15 years (1999–2014).⁶ Thus, Israel has reached an above-the-average level of parliamentary representation of women (the average representation was registered in 2012 at about 20% worldwide).⁷

Nevertheless, Shulamit Aloni, the first woman after Golda Meir to serve as a cabinet minister and the only woman in Yitzhak Rabin's first government (1974–1977) had come into conflict with the Labor party leadership exactly before the 1969 election that brought Golda Meir to the highest post in the Government. In 1973 she left the Labor Party to form Ratz, the Movement for Civil rights and Peace – thus becoming the first woman in Israel to establish a political party. The platform of her party was based on the assumption that the situation in the sphere of the rights of women as well as civil and human rights in general in Israel left very much to be desired. She devoted the rest of her life to a passionate struggle for the rights of all kinds of minorities, against all kinds of discrimination and for a just peace between Israel and the Palestinians. The issues of women's rights, gender equality and discrimination against women always ranked high on her priority list. They became the subject of one of her books, *Women as Human Beings*.⁸

In January 2014 Shulamit Aloni passed away. Some of the numerous in memoriam publications portray her as an antagonist of Golda Meir in many respects, including the gender issue. "Unlike Meir,

who did nothing to advance women's rights within government or without, Aloni was a feminist" (B. Muraskin).⁹ "Meir was the first and only woman to serve as prime minister in the State of Israel, but she never pretended to be a symbol of the struggle for gender equality. It's highly doubtful that she even understood the feminist idea. Unlike her, Aloni was a self-professed fighter for women's rights in the days when politicians in Israel didn't even know how to pronounce these two words" (M. Mualem).¹⁰ Former Education Minister Yossi Sarid, who inherited Aloni's position as chairman of the Meretz Party (a coalition of Ratz, Mapam and Shinui formed in 1992), recalled in a conversation soon after Aloni's death was announced: "While Shula talked of women's status in society, Golda thought this wasn't an issue because the fact was that she was a prime minister ... Golda didn't just object to her, she didn't understand what she wanted of her."¹¹

Sharing completely the highest appreciation and respect for Shulamit Aloni's outstanding role in promoting civil and human rights in Israel, including, of course, gender equality, it should be noted however, that Golda Meir's attitude towards gender issues was not so dismissive as it is described above. Here we should bear in mind, first of all, that one of the main spheres of Golda Meir's political activity was foreign policy and diplomacy. Even before she was appointed to her first ministerial post she had carried out a number of diplomatic missions crucial for Israeli interests, such as two rounds of secret talks with King Abdullah of Transjordan in 1947 and 1948, two highly successful fundraising missions to the United States in 1948, and seven months of diplomatic service in Moscow as the head of Israel's diplomatic mission there in 1948–49. As the Foreign Minister of Israel she had to face the severe political-diplomatic consequences of the 1956 war (the Sinai Campaign) after which Israel found itself in a deep isolation: "... in many respects entirely alone, less than popular and certainly misunderstood. France was an ally and a good friend, and one or two other European countries were sympathetic to us; but our relationship with the United States was strained, with the Soviet bloc it was worse than strained and in Asia – despite all our efforts to secure real acceptance – we had, for the most part, come up against a stone wall."¹² Before the war Israel had been excluded from the 1955

Bandung conference of Asian and African states. On the other hand, the Suez campaign resulted in the opening of the Gulf of Aqaba to Israeli shipping and the possibility of direct communication with African states which started to achieve their independence since the end of 1950s.¹³ Here Israel's leaders saw a good opportunity to improve the country's situation on the international arena by strengthening her ties with the newly independent states. In pursuing this policy they relied on the interest expressed by some of the developing countries in Israel's experience and achievements in the sphere of economic and social development as well as in the sphere of national consolidation and nation-building. This interest was further boosted by the popularity of socialist ideas and socialist models of development among new independent states of that time. The fact that the young Jewish state was also trying to build its economy and society along the socialist lines made its experience especially attractive.

Thus, Golda Meir during her tenure as Foreign Minister made Africa a special object of her attention. In M. Brecher's judgement, Israel's conspicuous and successful 'presence' in Africa and the development of Israel's technical assistance programme in the Third World generally was Golda Meir's major achievement as Foreign Minister.¹⁴ In 1958 Golda Meir made a five-week trip to Africa and had the first high-level discussions with African leaders like Kwame Nkrumah, William Tubman, Felix Houphouet-Boigny, George Padmore ("the father of Pan-Africanism") and others. These talks helped to show Israeli interest in the African liberation movement as well as to stimulate African interest in Israel.¹⁵ Analyzing Golda Meir's African policy, many authors point out, that she was motivated not only by her official duty as Foreign Minister to serve the national interest of her country, but also by her personal ideas, beliefs and feelings. She believed that the people of these lands, like the Jews, had long been oppressed peoples. She felt an obligation to help them as much as she could. As a good politician she also knew that Israel must make as many friends as possible.¹⁶ But at the same time she responded with a warm personal approach to the problems of suffering humanity – the hunger and disease, the hopelessness afflicting the peoples of the new states in Asia and Africa.¹⁷ It was probably this very special attitude

that guaranteed the success of Golda Meir's missions in Africa. "You are like a mother to us," one African official said when introducing her at a formal dinner. "You should change the name of your ministry," another told her, "from the Foreign Ministry to the Friendly Ministry".¹⁸ During her visit to Liberia Golda managed to win such a high respect that she was made Honorary Paramount Chief of the Gola tribe after which she was admitted to the secret Zoe Society of Women.¹⁹ In her own memoirs Golda Meir wrote a special chapter about "*African and other friendships*" of Israel.²⁰ Here we find a detailed description of the whole complexity of her approach to Israel's interests and mission in Africa:

... In a world neatly divided between the 'haves' and the 'have-nots', Israel's experience was beginning to look unique because we had been forced to find solutions to the kinds of problems that large, wealthy, powerful states had never encountered. We couldn't offer Africa money or arms but, on the other hand, we were free of the taint of the colonial exploiters because all that we wanted from Africa was friendship. Let me at once anticipate the cynics. Did we go into Africa because we wanted votes at the United Nations? Yes, of course that was one of our motives – and a perfectly honourable one – which I never, at any time, concealed either from myself or from the Africans. But it was far from being the most important motive, though it certainly wasn't trivial. The main reason for our African 'adventure' was that we had something we wanted to pass on to nations that were even younger and less experienced than ourselves. ... I am prouder of Israel's International Cooperation Programme than I am of any other single project we have ever undertaken.

For me, more than anything else, that programme typifies the drive towards social justice, reconstruction and rehabilitation that is at the very heart of Labour-Zionism – and Judaism. The philosophy of life that impelled the men and women of Merhavia in the 1920s to dedicate themselves to pioneering within a cooperative framework, that led my daughter and her comrades to continue in that same demanding pattern in the Revivim of the 1940s and that is responsible today for each new kibbutz established in Israel is identical, I believe, with the vision

Gender Equality Issues in the History of Israel's Domestic Politics and Foreign Policy: Golda Meir and Her Legacy in Israel's International Development Cooperation Policy

that took Israelis into African countries for years to share with the Africans the practical and theoretical knowledge that alone could answer Africa's needs in a changing world in which it was, at last, responsible for its own destiny. ...²¹

At that time Golda Meir's approach harmonized completely with the dominant ideological trends in many of the new independent nations. It helped her to earn the sympathy of the audience that gathered in Accra in 1958 for the All-African People's Conference. Many participants of the Conference had rather little or utterly negative information about Israel. There was a delegation of the Popular Liberation Front of Algeria (FLN) whose attitude towards Israel was totally hostile and whose daring fight for the independence of Algeria secured them a particular respect among other delegates.²² An Algerian representative attacked Golda Meir with a question: "Mrs. Meir, your country is being armed by France, the arch-enemy of all those who sit around this table, a government that is fighting a ruthless and brutal war against my people and that uses terror against my black brethren. How do you justify your intimacy with a power that is the primary foe of the self-determination of the African people?" in her Memoirs Golda Meir recollects her answer and the audience's respond to it:

'Our neighbours,' I said to the 60 African leaders staring at me with such coldness and hostility, 'are out to destroy us with arms that they receive free of charge from the Soviet Union and for very little money from other sources. The one and only country in the world that is ready – for hard currency, and a lot of it – to sell us some of the arms we need in order to protect ourselves is France. I do not share your hatred for de Gaulle, but let me tell you the truth – whether or not you like it. If de Gaulle were the devil himself, I would regard it as the duty of my government to buy arms from the only source available to us. And now let me ask you a question. If you were in that position, what would you do?"

I could almost hear the sigh of relief that swept the room. The tension was over. The Africans knew that I had told them the truth and that I was not trying to put anything over on them, and they relaxed at once.

Now there was no stopping the barrage of their questions about Israel. They were hungry for information – about the kibbutzim, the *Histadrut*, the army – and they bombarded me with queries.²³

In order to implement the program of development assistance to the countries of the Third World a special unit was set up within the Israeli Ministry of Foreign Affairs at the end of 1957 – the Center for International Cooperation (MASHAV). It started its work in 1958.²⁴ Under the auspices of the MASHAV a number of training centers were established in Israel with the purpose of teaching courses in various aspects of economic and social development to professionals from Asia, Africa and Latin America. One of these centers was founded in 1961 on the initiative of Golda Meir with the main objective to train women from the Third World for posts of community leadership and administration. It is the Mount Carmel Training Center in Haifa (MCTC). Three prominent women contributed to the establishment of the MCTC: Golda Meir, Mina Ben-Zvi (the first Commander of the Women's Corps in the IDF, in 1956–58 represented Israel on the UN Commission on the Status of Women) and Inga Thorsson (chairwoman of the Swedish Social Democratic Women's Federation, diplomat, disarmament expert and an advocate for disarmament; Swedish Ambassador to Israel in 1964–66, Nobel Peace Prize nominee of 1988). Mina Ben-Zvi became the founding director of the MCTC, a position she held for over 25 years. Since 1985 the MCTC has been bearing the name of Golda Meir. Golda Meir initiated the establishment of the MCTC because in her eyes, the fate of the women in the Third World was the hardest and cruelest of all. For the most part they received only a few scattered years of schooling, were married off very young and were then responsible for the home and bringing up their children. They were the main sufferers from the poverty and deterioration affecting the African and Asian world.²⁵ In her memoirs Golda Meir describes the MCTC as a project that remained as exiting and interesting to her still after fifteen years from its start in 1960 “because I so greatly admire these women from developing countries who leave their towns and villages, and their families, and travel so far to a strange country in order to learn the skills that

will eventually make the life of their people easier and richer. There is something heroic, I think – and this is not a word I use easily or often – in the effort made by such women to ensure a better and fuller existence for themselves, for their children and for their children's children through the long, difficult process of self-education ... I don't think I have ever encountered a more hard-working, enthusiastic or attractive group of women than those I used to talk to for hours in Haifa. On the surface, our life experience had been entirely different, but in reality we were struggling for much the same things.”²⁶

Many changes have occurred in Israel and the world since that time. Many of the ideas that inspired Golda Meir and other founders of Israel's development cooperation programs are no longer topical. The socialist model of development hasn't proved its effectiveness and lost its attractiveness. Its failure can be most strikingly illustrated by the example of Ghana, Israel's first and major African partner, as compared to South Korea. A research carried out by World Bank experts has shown that, while in 1957, upon achieving independence, Ghana had about the same per capita GDP as South Korea, thirty years later South Korea's annual per capita purchasing power was about 10 times that of Ghana's. Ghana's economic retrogression stemmed from allowing hyperinflation, over-regulation, production disincentives, institutional demoralization, and deterioration of human services. In spite of the implementation of an Economic Recovery Programme in the 1980s, Ghana remained dependent upon the international price of cocoa and foreign aid. At the same time, South Korea in the mid-1960s introduced an export-oriented economy by developing export pride, national leadership, market sustaining incentives, labour incentives, research, and technical education. While both Ghana and South Korea have used state-owned enterprises, only South Korea has done so successfully, with a Performance Evaluation System.²⁷ In Israel, too, those structures and institutions that played a crucial role in the building of Israel's national economy, society and statehood during the Yishuv period and the first decades of independence (they were also most actively engaged in the earliest Israeli development cooperation programs) – such as the Histadrut, the kibbutz movement, the paramilitary defense-cum-agricultural settlement youth movement

Nahal, etc. – have also lost their importance. Israel has finally built up an industrialized, consumer-oriented economy and its image, as well as policies became similar to those of other developed countries. For those in the developing world who were still concerned with revolutionary social change, Israel lost its attraction.²⁸ During the Yom Kippur War of 1973 most African states broke their diplomatic relations with Israel. By mid-1990 relations had been restored, moreover, Israel managed to expand its diplomatic ties in Africa: new relations were established in the 1990s with former pro-Soviet African states such as Angola, Guinea-Bissau and Mozambique.

In spite of all the disturbances, Israel's development cooperation programme survived and acquired new dimensions. For instance, it is surely beyond any dispute, that the Israeli experience and achievements in the sphere of agricultural development has a tremendous relevance and importance to the problems and needs of the less developed countries. But the emphasis now is no longer placed on the collectivist (*kibbutz*) model. Instead, as Ambassador H. Dimon, Head of MASHAV, expressed in the Foreword to the 2010 MASHAV Annual Report, “We have to see the youth as entrepreneurs in the agricultural sector. ... to place rural young people and smallholder farmers at the forefront of global strategies for food security, poverty reduction and income growth.”²⁹ In the 1990s Israel's foreign relations network expanded impressively to include the countries of the former Soviet bloc, the former Soviet republics and the two Asian giants – China and India. With the start of the Israeli-Palestinian peace process in 1993 and the signing of the Israeli-Jordanian peace treaty in 1994 Israel's isolation in the Middle East and North Africa also diminished. Although after 2000 the situation deteriorated again, the overall confrontation of the past seems to have passed into history. Most of the new partners of Israel became concurrently partners of the MASHAV. The list of official working languages of MASHAV courses and seminars, besides the traditional English, French and Spanish, now includes also Russian and Arabic. In the most recent version of the Israeli Ministry of Foreign Affairs website the link to the MASHAV page is placed in the hero area of the homepage. That suggests a special importance attached to this particular foreign policy area.

Today's Israel is no longer a country that "can't offer money or arms" (in fact it has become a major arms exporter). Still, in the sphere of development cooperation Israel prefers to invest intellectual rather than financial resources.

As far as the issue of gender equality is concerned, it has considerably gained in significance on the agenda of world politics in general and development politics in particular. The establishment of the MCTC coincided with the start of the First United Nations Development Decade. The two UN General Assembly resolutions outlining the basic principles of the Decade did not even mention the principle of gender equality.³⁰ Only ten years later, in a resolution announcing the Second Development Decade, Paragraph 18 (h) stated that "The full integration of women in the total development effort should be encouraged."³¹ Since that time the value placed on gender equality as an international political issue and an important prerequisite for successful development has been growing steadily.

As the international feminist movement began to gain momentum during the 1970s, the General Assembly declared 1975 as the International Women's Year and organized the first World Conference on Women, held in Mexico City. At the urging of the Conference, it subsequently declared the years 1976–1985 as the UN Decade for Women, and established a Voluntary Fund for Decade.

In 1979, the General Assembly adopted the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW), which is often described as an International Bill of Rights for Women. In 1985, the World Conference to Review and Appraise the Achievements of the United Nations Decade for Women: Equality, Development and Peace, was convened in Nairobi. By that time the movement for gender equality had finally gained true global recognition, and 15,000 representatives of non-governmental organizations (NGOs) participated in a parallel NGO Forum. This event is often described as "the birth of global feminism".³²

In 1995 Gender-related Development Index (GDI) and the Gender Empowerment Measure (GEM) were introduced in the Human Development Report issued by the United Nations Development Program. The aim of these measurements was to add a gender-sensitive

dimension to the Human Development Index (HDI). In 2010 the Gender Inequality Index was introduced.

The most recent concept of development was formulated in the “Millennium Development Goals and Beyond 2015” based on the “United Nations Millennium Declaration” adopted by the Millennium Summit of the United Nations in 2000. Goal 3 of this program is “to promote gender equality and empower women”. The progress in achieving this goal is measured by the following indicators: (1) – Ratios of girls to boys in primary, secondary and tertiary education; (2) – Share of women in wage employment in the non-agricultural sector and (3) – Proportion of seats held by women in national parliament.³³

As is evident from the above, Israel's policy of promoting gender equality as a vehicle of development on the international arena initiated by Golda Meir placed this country substantially ahead of the rest of the world in this sphere. Another salient feature illustrating the pioneering character of Golda Meir's initiative to create the Mount Carmel Training Center is the involvement of a NGO, namely, the Soroptimist International, a global volunteer movement aiming to educate, empower and enable opportunities for women and girls.³⁴ Mina Ben Zvi, the Founding Director of the MCTC, was also a founding member of the Haifa Soroptimist club (1957). She saw the similarity of purpose and objectives between MCTC and Soroptimist International. She also understood that women, organized in associations, can make their voices heard. Back in the 1960's, the European Federation of Soroptimists and MCTC held a joint seminar which was seen as the forerunner of SI extension work in Africa. Since then, SI has participated actively in the biennial Women Leaders Conferences organized by the MCTC.³⁵ It has also co-sponsored some of the MCTC activities.³⁶ It should be noted that in the 1960s the present-day “golden age” of the NGOs actively participating in all the spheres of world politics was still a long way off.

Accordingly, the recent MASHAV documents maintain that the Millennium Development Goals formalized the priorities which had been set by MASHAV since its establishment, including the empowerment of women.³⁷

MASHAV activity in the sphere of promoting gender equality and empowerment of women is in progress now within two main frameworks. First, within the framework of MCTC which is MASHAV's flagship training extension for the advancement of the status of women, established long before the issue was put on the UN agenda and as such, holding a unique place in the international arena, at the forefront of training for the promotion of the status of women in all spheres of society in the developing world.³⁸ Second, within the framework of various courses in gender issues taught in all the training centers affiliated with MASHAV. As an example, such courses as "Economic Empowerment of Palestinian Women" and "Opening Doors: Cooperatives and Gender Equality" conducted at the Negev Institute for Strategies of Peace and Development (NISPED) in 2011 and 2012 respectively, can be mentioned.³⁹ As far as MCTC training activities are concerned, they do not necessarily deal with gender issues proper, focusing primarily on three areas of study: Management and Organization of Microenterprises, Community Development and Early Childhood Education, with gender serving as a cross-cutting issue. Thus, MCTC conducts training activities in socio-economic areas, with an emphasis on gender equality.⁴⁰ For the first ten years of its existence, MCTC accepted only women. Since 1970, mixed acceptance of men and women together has been practiced for the constructive influence this has on the men participants.⁴¹

The basic data on the training activities of MCTC both in Israel and abroad, as well as on the percentage of women among the MCTC course participants are presented in Tables 1 and 2 below. The data show, first of all, that the number of trainees taking courses at MCTC increased sufficiently within the period 2003–2013. If we compare these data with the number cited by Sh. Amir who stated that by the early 1970s, after 12 years since the establishment of MCTC, the number of course participants had reached approximately two thousand,⁴² we shall see that the increase of the number of trainees is really very large: during the first 12 years of its existence MCTC received less than 170 trainees a year, while in 2011–2013 the average number of trainees visiting MCTC reached 742 a year, besides about 790 trainees attended annually on-the-spot courses organized by MCTC

abroad. In the two preceding years, 2009 and 2010 the number of trainees who attended courses at MCTC reached its peak: 811 and 907 respectively. Here we should also bear in mind that the first 12 years since the establishment of MCTC were the years of the most active cooperation between Israel and Africa, the so-called “Israeli-African honeymoon”.⁴³ The fact that the annual attendance of MCTC courses more than quadrupled since that time is a clear evidence that the real “honeymoon” between MCTC and its partner countries is probably happening right now. This evidence grows even stronger if we take a look at the dynamics of the general attendance of MASHAV courses: during the period 2003–2012 it remained nearly steady. Consequently, the percentage of MCTC course participants in Israel among all the MASHAV course participants also increased considerably, reaching about 30% and more. It means that MCTC plays a leading role in the whole system of MASHAV-affiliated training centers, taking into account the total number of these centers: in 2012 there were 13 of them. As far as the on-the-spot courses are concerned, the number of trainees attending them decreased during 2003–2013 both with MCTC and within the MASHAV system in general. Nevertheless, the percentage of the on-the-spot courses participants attending MCTC courses is rather disproportionately high.

Table 1. MCTC Training Activities 2003–2013: Basic Data

Year	MCTC course participants in Israel	Total number of MASHAV course participants in Israel	% of MCTC course participants in Israel	MCTC on-the-spot course participants	Total number of MASHAV on-the-spot course participants
2003	504	2349	21.5	1455	6860
2004	502	2164	23.2	n/d	6226
2005	623	2271	27.4	1208	4365
2006	569	2201	25.8	1735	6005
2007	547	2468	22.2	n/d	4765
2008	713	2762	25.8	n/d	5594
2009	811	2375	34.1	966	4357

**Gender Equality Issues in the History of Israel's Domestic Politics
and Foreign Policy: Golda Meir and Her Legacy
in Israel's International Development Cooperation Policy**

2010	907	2459	38.9	765	3979
2011	751	2638	28.5	908	2913
2012	731	2437	30.0	881	3309
2013	744	n/d	n/d	576	n/d
Total	7402	24124*	27.6*	-	48373*

Year	% of MCTC won-the-spot course participants	Total number of MCTC course participants	Total number of MASHAV course participants	% of MCTC course participants
2003	21.2	1959	9209	21.3
2004	n/d	n/d	8390	n/d
2005	27.7	1831	6636	27.6
2006	28.9	2304	8206	28.1
2007	n/d	n/d	7233	n/d
2008	n/d	n/d	8356	n/d
2009	22.2	1777	6732	26.4
2010	19.2	1672	6438	26.0
2011	31.2	1659	5551	29.9
2012	26.6	1612	5746	28.0
2013	n/d	1320	n/d	n/d
Total	-	-	72497*	-

*2003–2012

Sources: MASHAV Annual Reports 2003–2012: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Pages/default.aspx; The Golda Meir Mount Carmel International Training Center (MCTC), Haifa, Israel Annual Report 2012: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/How_We_Work/Partners/Documents/Final-Report-2012.pdf; The Golda Meir Mount Carmel International Training Center (MCTC) Haifa, Israel Annual Report 2013: <http://mctc.co.il/public/files/attachments/235/5H4A1B.pdf>

Table 2. MCTC Course Participants: Percentage of Women

Year	Courses in Israel	On-the-spot courses
2003	63%	n/d
2004	70%	n/d
2005	74%	58%

2006	80%	55%
2007	70%	n/d
2008	66%	n/d
2009	70%	n/d
2010	78%	n/d
2011	80%	n/d
2012	80%	64%
2013	83%	65%

Sources: MASHAV Annual Reports 2003–2012: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Pages/default.aspx; The Golda Meir Mount Carmel International Training Center (MCTC), Haifa, Israel Annual Report 2012: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/How_We_Work/Partners/Documents/Final-Report-2012.pdf; The Golda Meir Mount Carmel International Training Center (MCTC) Haifa, Israel Annual Report 2013: <http://mctc.co.il/public/files/attachments/235/5H4A1B.pdf>

The percentage of women among the MCTC course participants in Israel varied from 63% in 2003 to 83% in 2013. In the recent years the trend is very clearly evident to keep the percent-age of women at about 80%.

The data on the on-the-spot courses demonstrate a lower percentage of women. We can suggest that the reason for this phenomenon is that the MCTC staff cannot influence the process of selection of course participants in a foreign country to the same extent as they can do it at home. Probably for the same reasons the exact numbers of on-the-spot trainees are missing in some of the annual reports.

Gender issues have been listed in MASHAV annual reports as a separate subject of training since 2006. The data on the dynamics of course participation in this area of study, both in Israel and “on-the-spot” are presented in Tables 3 and 4 below.

The data show that the number of course participants increased sharply in 2007, but since then, during the period of 2007–2012, it was varying rather arbitrarily showing no clear trend in its dynamics. In the years 2007 and 2011 relatively large numbers of trainees attended on-the-spot courses in gender issues: in 2011 their number was almost equal to the number of course participants in Israel, in 2007 it even exceeded the number of trainees in Israel; but in the years 2009 and 2012 there were no on-the-spot courses in this subject at all. Nevertheless, the percentage of trainees studying gender issues

**Gender Equality Issues in the History of Israel's Domestic Politics
and Foreign Policy: Golda Meir and Her Legacy
in Israel's International Development Cooperation Policy**

among the total number of MASHAV course participants did show a certain trend of growth reaching its peak in 2011 (more than 5%). If we take into consideration that the traditionally dominant subject of MASHAV training courses is agriculture, we can draw a conclusion that such a percentage for this subject is rather substantial.

Table 3. MASHAV Courses in Gender Issues 2006–2012

Year	Courses in Israel		On-the-spot courses		Total number of courses	Total number of participants	Short-term consultancies abroad
	Number of courses	Number of participants	Number of courses	Number of participants			
2006	2	38	1	34	3	72	-
2007	4	113	2	127	6	240	-
2008	9	168	1	65	10	233	-
2009	7	227	-	-	7	227	1
2010	9	194	2	47	11	241	2
2011	6	148	3	134	9	282	2
2012	10	245	-	-	10	245	2
Total		1133		407		1540	

Source: MASHAV Annual Reports 2006–2012, http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Pages/default.aspx

Table 4. Percentage of participants studying gender issues out of total number of MASHAV course participants

Year	Courses in Israel: number of participants	On-the-spot courses: number of participants	Total number of participants	Participants studying gender issues	% of participants studying gender issues
2006	2201	6005	8206	72	0.88
2007	2468	4765	7233	240	3.3
2008	2762	5594	8356	233	2.8
2009	2375	4357	6732	227	3.4
2010	2459	3979	6438	241	3.7
2011	2638	2913	5551	282	5.1
2012	2437	3309	5746	245	4.3
Total	17340	30922	48262	1540	3.2

Source: Ibidem.

What is especially important is that the MASHAV courses in gender issues have been regularly attended during the recent years by professionals from developed countries of Europe, North America and Asia – such as Great Britain, Austria, France, Ireland, Italy, Sweden, the Netherlands, Norway, Switzerland, Luxemburg, Spain, Bulgaria, Latvia, Slovakia, the USA, Canada, Japan, etc.⁴⁴ That means that Israel's expertise in this sphere is recognized and generates extensive interest among the professional community.

As it follows from the data analyzed above, the Golda Meir Mount Carmel Training Center is one of the top MASHAV institutions from the point of view of the scope of its training activities. But its significance stems not only from the quantitative characteristics of its activity but also from the qualitative ones. Development assistance and development cooperation is a very specific area of foreign policy in which a country, in order to advance its national interest should promote the interests of other nations and of the world as a whole demonstrating its ability to be instrumental in the quest for a solution to the most pressing global problems. On this point not only the scope but also the nature of activities is very important.

The core of MCTC activities is the series of biennial conferences known as International Women Leaders Conferences. The founding of the Center in 1961 was marked by the first international women's conference.⁴⁵ At that time the participants of that conference could not yet be regarded as really powerful leaders – as long as women's leadership had not yet been widely recognized. In the recent decades these conferences have become a gathering place for high-ranking women from all over the world (ministers, members of parliaments, judges, NGO chairpersons, educators, journalists, etc.).⁴⁶ The discussion they hold on various themes of international importance now can produce an effect on the decision-making process on the international level as far as the formulation of development strategies is concerned. This makes Israel one of the centers of the international policy and strategy formulation processes and contributes to strengthening its positions on the world arena. Evidence for this suggestion can be seen in the support provided for the Women Leaders Conferences and other MCTC and MASHAV activities from leading international

organizations including various UN bodies such as the UN Commission on the Status of Women, UNDP, UNESCO, etc. The case of the UNESCO support is especially remarkable since this organization has always been ill-famed for its anti-Israeli position and a disproportionately large number of resolutions condemning Israel on various occasions.⁴⁷ Nevertheless UNESCO has been supporting MASHAV activities since 2004 – starting with a MCTC seminar on *Education for All in Early Childhood*.⁴⁸ The 27th International Women Leaders Conference held in 2011 marking MCTC's Jubilee Year was attended and addressed by UNESCO Director-General Irina Bokova.⁴⁹ This is a clear evidence in support of the suggestion that Israel's activities in the sphere of development cooperation do help her to counterweight the political-diplomatic attacks that she has to face so often in the international arena. And it is noteworthy that it was MCTC that played a decisive role in securing the UNESCO support for Israel's development cooperation programs.

It should be also noted that Israel's activities in the sphere of development cooperation must have contributed to the admission of Israel to the OECD in 2010 which was preceded by its admission to the OECD Development Center two years earlier.⁵⁰

During the period of 2003–2013 Women Leaders Conferences focused on the following subjects:

2003: Women's Voice in Conflict Resolution and Peace Building

2005: Migration and Gender Issues within the Millennium Development Goals

2007: Women's Leadership for Sustainable Development

2009: The Global Financial Crisis: Implications for Women

2011: Science, Technology and Innovation: Education and Training for Women and Girls

2013: The Post-2015 and Sustainable Development Goals Agenda: Ensuring the Centrality of Gender Equality and Women's Empowerment in the Next Framework⁵¹

The topics of the conferences show that MCTC is seeking to expand its agenda beyond the scope of its traditional three areas of study mentioned above (Management and Organization of Microenterprises, Community Development and Early Childhood Education).

The 2013 MCTC Annual Report contains a proposal for adding new topics to the Center's training programs, namely:

Entrepreneurship as a Tool to Fight Poverty;
Gender and Water;
Gender and Local Government;
Use of Media for Social Change;
Women's Entrepreneurship and Information and Communication Technologies;
Empowering Rural Women through Agri-Business;
Rural Tourism as a source of livelihood for women;
Prevention of AIDS among Women and Psychological and Social Care for Children Infected or Affected by HIV/AIDS;
Women's Empowerment – Education and Training of Women Leaders (Women in Politics);
Women and Conflict Resolution;
Violence against Women, Children at Risk, Human Trafficking;
Building Support Systems for Women (day care and educational facilities, health services, extension of credit, business advice and guidance);
Green Technologies.

Thus, MCTC strategy aims at covering practically all the subjects discussed at major international conferences on women empowerment and gender issues.⁵²

On a practical level, MCTC has often introduced new subjects through special events unrelated to its regular courses. Sometimes these events are organized in cooperation with various partner structures, like the Special Study Tour for First Nation Women from Canada which took place in 2008 owing to the efforts of The Assembly of First Nations of Canada and the Canadian Jewish Congress.⁵³

In other cases the special events were organized following up upon some of the Women Leaders Conferences.

The 2005 Conference which focused on the topic of Migration and Gender Issues within the Millennium Development Goals gave start to a series of prestigious international seminars and workshops on the problems of combating human trafficking. These seminars attracted top-level experts in this field. Within the period 2005–2013 seven

such seminars were held. The 2012 seminar – the High-Level Seminar on *Profiles of Trafficking: Patterns, Populations and Policies* lasted ten days and included an innovative one-day event on a related topic *The Relationship between Government and NGOs in Regard to Anti-Trafficking Activity* which widened the range of experts available and enabled specialist panels and mutual learning between participants and Israeli experts. The seminar was attended, among other high-ranking persons, by Dr. Maria Grazia Giannarino, OSCE Special Representative and Coordinator for Combating Trafficking in Human Beings. At her suggestion the next MCTS International Seminar on the problems on human trafficking was held in 2013 specially for judges from various countries. The seminar was organized by MCTC in cooperation with OSCE, the UN Office on Drugs and Crime, the International Organization for Migration, the Jerusalem Institute of Advanced Judicial Studies and the Israeli Ministry of Justice.⁵⁴

These activities certainly raise Israel's prestige on the international arena, placing her among the key actors in the global effort to solve one of the most insistent problems of contemporary world, enhance her cooperation with the top-ranking international organizations and provides her own experts with a unique opportunity to expand their knowledge and expertise through discussions with their colleagues from all over the world.

Probably the most significant progression was initiated by the 2003 Conference spotlighting the subject *Women's Voice in Conflict Resolution and Peace Building*. As the outcome of this conference a series of joint Palestinian-Israeli Women's seminars under the general headline *Women Building a New Reality* was launched. The first of the seminars held in 2004 within the framework of the renewal of MASHAV's cooperation with the Palestinian Authority that had been frozen for four years since 2000 (the year when the Israeli-Palestinian peace process collapsed).⁵⁵ The key word of this dimension of MCTC activities is "education for peace".⁵⁶ Up to the middle of the year 2014 thirty-five seminars of the series have been held. Seminar # 36 is scheduled for July 2014.⁵⁷

Joint Israel-Palestinian activities listed in the MCTC2012 Annual Report include:

Four seminars of the *Women Building a New Reality* series, dealing with such subjects as volunteering in the community; the elderly; self-empowerment and women's leadership; women's role in introducing changes in their communities.

A practical workshop within the framework of *Continuing Education for Israeli and Palestinian Physical Therapists* program.

Special workshop on *Young Palestinian Women on Women's Empowerment*.⁵⁸

2013 activities include:

Four seminars in the series of *Women Building a New Reality*.

A workshop for young Arab women on *Empowerment and Entrepreneurship*

Issues discussed in the 2013 *Women Building a New Reality* seminars included "Education for Peace", "Sustainability and Environmental Protection – Opportunities for Dialogue and Cooperation", "Women's Functions in Times of War and Peace" and "Domestic Violence".⁵⁹

The significance of these activities carried out by MCTC is hard to overestimate. Whereas the official diplomatic process has been in a stalemate for many years and the political leadership of both Israel and the PNA seem to be completely incapable of reaching an agreement in the foreseeable future, hundreds of Israeli and Palestinian women meet regularly discussing problems of common interest and thus creating a network of peace on the grassroots level. They may be expected to carry the message of mutual understanding, cooperation, partnership and peace further on to their families and societies, first of all to their children – and that gives us hope that maybe in the next generation new leaders will grow up who will put an end to the Israeli-Palestinian conflict. Thus, MCTC is carrying out a really outstanding mission of building the social infrastructure of peace in the virtual absence of peace.

Resuming the survey of the activities of MCTC and MASHAV in general in the sphere of gender equality, empowerment of women and other related issues, it should not be forgotten that all this is in fact a tangible legacy of Golda Meir's ideas and endeavor. It was probably true that she did not see any problems concerning women's rights

within the Israeli society but she strongly believed in the importance of gender equality. Golda Meir's political legacy is vast and manifold, and, among other things, it includes two important elements: first, Golda Meir introduced the development issue into Israel's foreign policy and second, she introduced the gender issue into Israel's development cooperation policy, thus making it a foreign policy issue too. The dynamics shown by MCTC activities (and MASHAV activities in general) demonstrates the system's viability and its ability to adapt itself to the changing realities as well as changing concepts of development, development assistance and development cooperation, the role of women and gender issues, etc. The principles and scope of Israel's policy of development cooperation including its gender aspect (i. e. strengthening the women's role in development) have undergone considerable transformations, but the basic ideas offered by Golda Meir, remain unshakable: Israel has a most valuable experience and intellectual resources to share with the developing world; Israel must share this experience in order (among other things) to secure her foreign policy interests; the role of women is crucial for the achievement of basic development goals. Implementing these ideas today facilitates the attainment of a great variety of valuable results – from "classical" development assistance goals such as achieving political influence in the recipient countries, foster the donor's export, creating the donor's positive image on the world arena, etc. to more specific ones, like counterweighing the negative impact of the Middle East conflict on Israel's position in the international organizations and even promoting Middle East peace through peace-building activities.

As far as MCTC is concerned, it is now playing a role that Golda Meir as its "founding mother" could hardly imagine. It has become one of the major "intellectual investors" into the global effort to solve the problems of gender equality worldwide and fulfill the goal of women's empowerment set in the Millennium Development Goals. That provides the whole MASHAV system and MCTC as one of its key institutions with a stepping stone to fruitful activities in the future.

REFERENCES

1. Vital D. The Origins of Zionism. Oxford, 1975, p. 357.
2. Dubson B.I. Kibutzy: Puteshestvie v svetloe budushchee i obratno (The Kibbutzes: a Journey into the Radiant Future and Back – in Russian). Moscow, 2008, pp. 15–16.
3. http://www.guide2womenleaders.com/Foreign_Ministers_Chronological.htm
4. http://www.guide2womenleaders.com/Female_Leaders.htm
5. http://knesset.gov.il/govt/eng/GovtByParameter_eng.asp?par=1
6. http://knesset.gov.il/mk/eng/mkindebyknesset_eng.asp
7. <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=18369#.UshzCKf0dhI>
8. <http://jewishcurrents.org/memoriam-al-feldstein-shulamith-aloni-28081>
9. Ibidem.
10. <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/01/shulamit-aloni-metz-party-gender-equality-human-rights.html#>
11. Ibidem.
12. Meir G. My Life. L., 1975, p. 263.
13. Gitelson S.A. Israel's African Setback in Perspective. In: Curtis M & Gitelson S.A. (eds). Israel in the Third World. New Brunswick, 1976, p. 182.
14. Brecher M. The Foreign Policy System of Israel. Setting, Images, Process. L., 1972, pp. 244, 394.
15. <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Politics/africa.html>; Avriel E. Israel's Beginnings in Africa. In: Curtis M & Gitelson S.A. (eds). Op. cit., p. 73.
16. Dobrin A. A Life for Israel. The Story of Golda Meir. N.Y., 1974, p. 67.
17. Aynor H.S & Avimor Sh. (eds). Thirty Years of Israel's International Technical Assistance and Cooperation. Jerusalem, 1990, p. E9.
18. Dobrin A. Op. cit., p. 68; Mann P. Golda. The Life of Israel's Prime Minister. N.Y., 1973, p. 172.
19. Mann P. Op. cit., p. 171.
20. Meir G. Op. cit., chapter 11, pp. 263–290.
21. Meir G. Op. cit., pp. 264–266.
22. Avriel E. Op. cit., p. 73.
23. Meir G. Op. cit., pp. 271–272.
24. Since 2008 the Center's full official name has been changed to Israel's National Agency for International Development Cooperation although the abbreviation "MASHAV" remains unchanged: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2008.pdf
25. Aynor H.S. & Avimor Sh. (eds). Op. cit., p. E10.
26. Meir G. Op. cit., p. 276–277.

Gender Equality Issues in the History of Israel's Domestic Politics and Foreign Policy: Golda Meir and Her Legacy in Israel's International Development Cooperation Policy

27. Werlin H. Ghana and South Korea: Lessons from World Bank Case Studies. *Public Administration and Development*. Special Issue: Bottlenecks to Development. Vol. 11, No. 3 (May/June 1991), pp. 245–255.
28. Avriel E. Op. cit., p. 72–73; Gitelson S.A. Op. cit., p. 185.
29. MASHAV Annual Report 2010, p. 3. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2010.pdf
30. Res. 1710 (XVI). United Nations Development Decade. A programme for international economic co-operation (I). 19 December 1961. [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/1710\(XVI\)&Lang=E&Area=RESOLUTION](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/1710(XVI)&Lang=E&Area=RESOLUTION); Res. 1715 (XVI). United Nations Development Decade. A programme for international economic co-operation (II). 19 December 1961. [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/1715\(XVI\)&Lang=E&Area=RESOLUTION](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/1715(XVI)&Lang=E&Area=RESOLUTION)
31. Res. 2626 (XXV). International Development Strategy for the Second United Nations Development Decade. 24 October 1970. [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/2626\(XXV\)&Lang=E&Area=RESOLUTION](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/2626(XXV)&Lang=E&Area=RESOLUTION)
32. <http://www.un.org/en/globalissues/women/>
33. <http://www.un.org/millennium/declaration/ares552e.pdf>; http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Goal_3_fs.pdf; <http://siteresources.worldbank.org/DATSTATISTICS/Resources/MDGsOfficialList2008.pdf>
34. SI grew into a worldwide movement out of a club founded in Oakland, California, in 1921. By the middle of the 20th century it acquired an international recognition and was awarded consultative status with two UN bodies: UNESCO and ECOSOS. <http://www.soroptimistinternational.org/who-we-are/history>
35. <http://www.d-schiffer.de/sorop/mctc/20031102-07conflict/MCTC.htm>
36. The Golda Meir Mount Carmel International Training Center (MCTC) Haifa, Israel Annual Report 2013, p. 4 <http://mctc.co.il/public/files/attachments/235/5H4A1B.pdf>; <http://mctc.co.il/MASHAV.MCTC%20COOPERATION%20WITH%20PALESTINIAN%20WOMEN>
37. MASHAV Annual Report 2003, p. 4 http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2003.pdf; MASHAV Annual Report 2012, p. 6 http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2012.pdf
38. MCTC Annual Report 2013, p. 3.
39. MASHAV Annual Report 2011, p. 50 http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2011.pdf; MASHAV Annual Report 2012, p. 52. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2012.pdf
40. MCTC Annual Report 2012, p.3. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/How_We_Work/Partners/Documents/Final-Report-2012.pdf
41. <http://www.d-schiffer.de/sorop/mctc/20031102-07conflict/MCTC.htm>
42. Amir Sh. Traditional Leadership and Modern Administration in Developing countries. In: Curtis M & Gitelson S.A. (eds). Op. cit., p. 41.

E. IO. Усова

43. Sachar H.M. A History of Israel. From the Rise of Zionism to Our Time. N.Y., 2003, pp. 575–579.
44. MASHAV Annual Reports 2007–2010. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Pages/default.aspx
45. http://mfa.gov.il/MFA/IsraelExperience/Pages/Israeli_training_center_empowers_women-July_2011.aspx
46. MASHAV Annual Report 2004, p. 44. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2004.pdf
47. <http://www.unwatch.org/site/apps/n1net/content2.aspx?c=bdKKISNqEmG&b=1316871&ct=13604457>
48. MASHAV Annual Report 2004, p. 44.
49. MASHAV Annual Report 2011, pp. 11, 45. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2011.pdf
50. MASHAV Annual Report 2008, p. 7. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2008.pdf
51. MASHAV Annual Reports 2003–2011 http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Pages/default.aspx; MCTC Annual Report 2013, pp. 25–26. For the Haifa Declaration adopted by the last Women Leaders Conference see MCTC Annual Report 2013, pp. 50–52 <http://mctc.co.il/public/files/attachments/235/5H4A1B.pdf>
52. MCTC Annual Report 2013, p. 4. <http://mctc.co.il/public/files/attachments/235/5H4A1B.pdf>
53. MASHAV Annual Report 2008, p. 8. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2008.pdf
54. MASHAV Annual Report 2008, p. 45. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2008.pdf; MASHAV Annual Report 2009, pp. 10–11. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2009.pdf; MASHAV Annual Report 2012, pp. 15, 47. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2012.pdf; MCTC Annual Report 2012, pp. 3, 13; http://mfa.gov.il/MFA/mashav/How_We_Work/Partners/Documents/Final-Report-2012.pdf MCTC Annual Report 2013, p. 23. <http://mctc.co.il/public/files/attachments/235/5H4A1B.pdf>
55. MASHAV Annual Report 2004, pp. 44–45. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2004.pdf
56. MASHAV Annual Report 2007, p. 46. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2007.pdf
57. <http://mctc.co.il/activities>
58. MCTC Annual Report 2012, pp. 6, 10, 12, 16–19, 21. http://mfa.gov.il/MFA/mashav/How_We_Work/Partners/Documents/Final-Report-2012.pdf
59. MCTC Annual Report 2013, pp. 11–13. <http://mctc.co.il/public/files/attachments/235/5H4A1B.pdf>

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 13

**Государству Израиль –70.
Достижения и проблемы развития**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка – О.П. Вечерина

Подписано 27.11.2018
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,25. Уч.-изд. л. 11,5.
Тираж 500 экз. Зак. № 374

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivtran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5